

ISSN 0042-8779

ИВН

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

4

2014

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/2014 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- В.А. Аракчеев** — Динамика и типология реформ в России в XVI—XVII вв. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Ю.Е. Ивонин** — Франциск I Валуа 19

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- С.А. Нефедов** — Происхождение регулярного государства Петра Великого 43

СООБЩЕНИЯ

- В.О. Зверев** — Укрепление военной безопасности Российской империи в 1906—1914 гг. 51

- Н.А. Хан** — Московско-литовская война на рубеже 60-х — 70-х гг. XIV в. 68

- А.В. Майоров** — Образование Молдавского государства 82

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- А.А. Костин, В.Т. Юнгблюд** — И. Шубашич и югославская политика США в 1942—1945 гг. 106
- А.Н. Хохлов** — Президент Юань Шикай и его попытка реставрации монархии в Китае в 1915 г. 123

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- В.П. Сапон** — Идейное наследие П.А. Кропоткина и нижегородские анархисты в 1918—1935 гг. 139
- А.А. Иванов** — Проблема шпионажа в России в конце XIX—начале XX в. 143
- Э.А. Черноухов** — Врачи-поляки на горных заводах Урала в XIX в. 148

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Р.Т. Дейников** — К вопросу о выводе христиан из Крымского ханства в 1778 г. 153

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Б.Г. Могильницкий** — История, логика и проблемы современного научного знания 169
- И.И. Белоусов** — А.А. Кокошин. Выдающийся военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего 171
- Т.А. Некрасова** — А. Ватлин. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936—1941 г. 173

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Динамика и типология реформ в России в XVI—XVII вв.

В.А. Аракчеев

История реформ как практик «социальной инженерии» вызывала повышенный интерес в российской историографии, прежде всего, по причине эпохальных изменений государства и общества в XX веке. Однако сам термин «реформы» применительно к периоду до 1861 г. был внедрен в научный дискурс лишь к концу XIX века. С.М. Соловьёв, описывая преобразования XVII в. и допетровского времени, избегал этого термина, предпочитая говорить о «предложениях», «мерах» и «установлениях»¹. Термин «реформы» ввели в научный оборот В.О. Ключевский и П.Н. Милюков (видимо не без влияния первого). В 1890 г. в «Русской мысли» и «Журнале министерства народного просвещения» начали публиковаться их исследования «Состав представительства на земских соборах» и «Государственное хозяйство». Термин «реформа» употреблялся этими исследователями как в смысле целого комплекса преобразований, осуществлявшихся на протяжении десятилетий («реформа местного управления» в XVI в., «реформа Петра Великого»), так и в смысле отдельных мероприятий.

Ключевский, анализируя «реформу местного управления», рассматривал ее одновременно с «военной реформой», введением губных учреждений, земской реформой и установлением «верного» управления в кабацком и таможенном деле². Милюков, подразумевая под «реформой Петра Великого» систему и результат его преобразований, выделял ряд реформ уже второй половины XVII века. «Финансовой реформой 1679—1681 гг.» он называл переход к подворному обложению, «реформой 1680 г.» — создание военно-финансовых округов. Выборы бурмистров на посадах и создание Бурмистерской палаты в Москве он охарактеризовал как «областную» и «центральную» реформы. Статус реформ получили у Милюкова и процесс разрушения приказного строя в 1701—1709 гг., и проект создания и наделения финансовыми полномочиями губерний в 1708—1711 годах. Именно Милюкову принадлежит метафора — «реформа без реформатора», которой он обозначил не только процесс адаптации петровских реформ к реалиям второй четверти XVIII в., но и сам ход преобразований Петра³.

Отсутствие теоретической разработки проблемы реформ сказалось и на исследованиях С.Ф. Платонова, который в монографии 1899 г., наряду с «пер-

Аракчеев Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой Псковского государственного университета.

вым периодом реформ царя Ивана», определял как «политическую реформу» («реформу служилого землевладения») введение опричнины⁴. В XX в. термин «реформы» активно включается в труды исследователей, использующих его для описания самых разных изменений в обществе и государстве, начиная с X в., хотя чаще всего он присутствует в трудах по истории XVI—XVIII веков. Очевидно, что без методологической разработки проблемы реформ применительно к истории России до XIX в., адекватно оценить характер и динамику преобразований нелегко.

Этот пробел в последние годы восполнен М.М. Кромом, чьи работы содержат как теоретический, так и фактический материал, позволяющий по-новому взглянуть на представления современников о преобразованиях и их сущность. Кром полагает, что отсутствие сведений о подготовке и принятии решений о реформах объясняется не только отсутствием источников, но и пониманием «политических» вопросов в морально-религиозном смысле⁵. Именно таким образом, не как радикальную ломку прежней системы, а как исправление сложившегося положения «по старине» понимали современники монетную и губную реформы 1530-х годов⁶. Не отрицая значимости и масштабности изменений в России XVI в., Кром указывает на отсутствие идеи прогресса в представлениях русского общества, ориентированного на «старину», что предопределяло характер реформ как процесс непрерывных и не всегда последовательных изменений, не дающих возможности отождествлять их с реформами нового времени⁷.

Задача настоящей статьи состоит, во-первых, в исследовании типологии реформ XVI—XVII вв., поскольку для нас очевидно, что характер преобразований этого времени не укладывается в одну схему. С этой целью мы исследуем динамику преобразований в двух сферах: сфере финансов, где рассмотрим борьбу государства с тарханами и реформы системы налогообложения, и в сфере местного управления. Во-вторых, следует выяснить соотношение представлений современников о реформах и их описание историками: насколько велика роль исследователя в интерпретации исторических событий. Изучение преобразований и административных практик может быть результативным лишь с опорой на методологию, разработанную в европейских социальных науках. Не утратившими актуальности нам представляются многие идеи и наблюдения М. Вебера, Й. Шумпетера, К. Манхейма; новые подходы были апробированы в исследованиях Т. Скочпол, Б. Дэвиса, Р. Мартина. Рассмотрение проблемы на протяжении 150-летнего периода рискованно по причине значительного временного разрыва между изучаемыми явлениями, однако, с нашей точки зрения, пренебрежение разработкой вопроса в диахронном аспекте рискует тривиализировать предмет исследования.

Одним из важных качеств реформ нового и новейшего времени является их завершенный характер: реформа проводится в ограниченные сроки и заканчивается воплощением заявленной программы. Многие из преобразований в России XVI—XVII вв. не соответствуют этому критерию. Типичным примером таких преобразований является борьба государства с тарханами, длившаяся два столетия. Тарханными или обельными грамотами назывались жалованные грамоты великокняжеской или царской власти, освобождавшие землевладельца от налогов и натуральных повинностей полностью или частично, но бессрочно. Тарханы были разновидностью иммунитета, свойственного землевладению в Западной и Восточной Европе в эпоху средневековья. Как верно писал Л.В. Черепнин, «иммунитет является характерной чертой привилегированной сословной земельной собственности с ее иерархической структурой, выражающейся во взаимной связи собственников земли цепью обязательств»⁸. Положение иммунитетных владений в иерархической структуре средневекового обще-

ства наглядно проявилось во Франкском государстве эпохи Каролингов, где иммунитетные владения были встроены в систему суда и управления ⁹.

Результаты исследований иммунитета в Западной Европе и на Руси убеждают в том, что иммунитетные привилегии оформляли государственно-политическую структуру в виде иерархической системы. Коль скоро тарханно-несудимая грамота предоставляла судебный иммунитет, любое изменение в этой системе должно было отразиться в переработанном Судебнике 1550 г. и воплотиться в двух статьях этого свода законов — ст. 43 и 91. В комплексе со ст. 64 о суде детей боярских наместниками «по всем городам» по «жалованным вопчим грамотам» эти статьи и обозначили начало реформы тарханов ¹⁰.

Судебник был введен в действие в июне 1550 г., однако практическая реализация его постановлений могла быть начата лишь после решений собора высших церковных иерархов. Стоглавый собор начал свои заседания в феврале 1551 г.; видимо, уже тогда собор поддержал решение об отмене тарханов, дополнив постановления Судебника ст. 98 о монастырских дворах на посадах. Практическая реализация решений Судебника и Стоглава началась в мае 1551 г. с пересмотра и утверждения жалованных грамот монастырям. С.М. Каштанов показал, что из 236 грамот, заново оформленных или сохранивших подтверждения 17 мая 1551 г., большинство были подтверждены без иммунитета, касающегося основных налоговых повинностей. Эти налоги должны были собирать лица, уполномоченные государством, чаще всего городовые приказчики. Некоторые влиятельные обитатели, в первую очередь Троице-Сергиев и Иосифо-Волоколамский монастыри, сохранили привилегии, касающиеся уплаты второстепенных налогов, в первую очередь, проезжих пошлин ¹¹. Ряд мелких монастырей сохранили всю совокупность тарханских привилегий, как, например, Серпуховский Владычный монастырь, чья грамота была подтверждена без изъятий по причине «убогости». 15 октября 1556 г. Владычный монастырь получил новую тарханно-несудимую грамоту, освобождавшую его от дани, других основных налогов, городского дела и проезжих пошлин ¹².

Несмотря на указанные исключения, вплоть до начала 1560-х гг. правительство придерживалось выработанного в 1550—1551 гг. порядка предоставления привилегий монастырям, однако с 1563—1564 гг. нуждавшийся в поддержке церкви и находившийся в плену эсхатологических ожиданий Иван IV отступил от принципов Судебника и Стоглава и начал массовое предоставление иммунитетных грамот монастырям, в числе которых были Иосифо-Волоколамский, Чудов и ряд других ¹³. 28 апреля 1578 г. общую жалованную грамоту на основе сентябрьской грамоты 1550 г., но без ограничительной подписи получил Троице-Сергиев монастырь, а 9 февраля 1580 г. тарханно-несудимую грамоту на села и дворы в семи уездах — Спасо-Евфимьев монастырь ¹⁴. Выход значительных комплексов земель из правильной системы налогообложения усугубило «оскудение воинского чина» в последнее десятилетие Ливонской войны. Е.И. Колычева показала, что уже с 1580—1581 гг. тарханские привилегии, за исключением проезжих пошлин, перестали предоставляться ¹⁵. Церковно-земский собор 1584 г. оказался очередным рубежом в борьбе государства с тарханами, после которого иммунитетные привилегии монастырям и иерархам церкви стали выражаться в праве самим собирать основные государственные налоги, а также в особом таможенном статусе ¹⁶. На протяжении XVII в. правительство предпринимало попытки пересмотра и ревизии тарханских грамот (1623—1625 гг.), отмены права монастырей на беспошлинный провоз товаров (1672 и 1677 гг.), однако иммунитетные привилегии церковных землевладельцев восстанавливались спустя несколько лет ¹⁷. По мнению М.С. Черкасовой, даже после окончательной отмены в 1700 г. таможенных пошлин, взимавшихся в пользу Троице-Сергиева монастыря, они взимались в течение нескольких лет ¹⁸.

Возникает вопрос: почему в Русском государстве после 1551 г. податной иммунитет светских землевладельцев исчезает безвозвратно, а церковных сохраняется, хотя и в реликтовых формах? Судьба иммунитета в Центральной Европе складывалась отлично от Русского государства: изданием Кошицкого привилея в 1374 г. население владений светских феодалов было освобождено от всех налогов и отработочных повинностей¹⁹. Изживание иммунитетов в Западной Европе, как и на Руси, не было одномоментным, пройдя в течение столетий периоды ограничения и нового расширения, однако светские землевладельцы утрачивали его синхронно с монастырями. В конце XIII — начале XIV в., в период правления Генриха II, иммунитеты в Англии ограничивались путем создания системы «общего права» и разработки правовой доктрины «сейзины». Изданием ассиза «*novel disseisin*» у баронских судов была отнята юрисдикция в отношении споров о земле²⁰. Однако после 1330 г. в Англии началась реставрация иммунитетов, выразившаяся в создании так называемых палатинатов, обладавших, как отмечает Ю.И. Писарев, «всей полнотой иммунитетных прав, в частности, собственными канцеляриями»²¹. Растягиваясь на столетия и переживая периоды активизации и отступления, процесс реформирования такого средневекового института, как иммунитет, в Западной Европе в равной мере касался светского и церковного землевладения.

Влиятельные светские землевладельцы в Русском государстве, как показал Б.Н. Флоря, сохраняли свои привилегии только до середины XVI века²². По жалованной грамоте от ноября 1547 г., дворецкий М.И. Кубенский получил полный податной и судебный иммунитет на свои села в Дмитровском уезде: «...и тем его людем и христианом ненадобе моя царева великого князя дань, ни примет, ни посошной корм, ни посошная служба, ни иныя некоторые пошлыны, и коня моего не кормят, и тукового не дают, и сен моих не косят, ни подымного, ни мыта, ни перевозу не дают, и двора моего и наместнича не делают, и прудов моих не копают, и извести не жгут, и камни не возят, и города не делают, и корму в том его селе и в деревнях и в починках и в пустошах к нашему приезду не берут, и подвод с них в нашу службу и на ям не емлют, и на дела на наши не наряжают».

Судебный иммунитет предоставлялся Кубенскому тоже в полном объеме, включая расследование по уголовным делам (душегубство, разбой, татьба с поличным), которые обычно выводились из подсудности грамотчика: «А наместницы наши дмитровские и волостели и их тивуни тех его людей и христиан не судят ни в чем, ни кормов своих на них не емлют и не всылают к ним ни по что, а праветчики и довтчики поборов своих на них не берут и не въезжают к ним ни по что: а ведает и судит тех своих людей и христиан князь Михайло Иванович сам во всем, или кому прикажет; а кому будет чего искати на княж михайловых людех и на христианех, ино их сужу яз царь и великий князь или мой боярин введенный»²³. Следовательно, в распоряжении дворецкого должна была находиться канцелярия, ведавшая «губными делами». Почему же ни преемники умершего в 1548 г. Кубенского, дворецкие 50—60-х гг. XVI в., ни конюший боярин И.П. Федоров-Челяднин не сохранили во второй половине XVI в., в отличие от монастырей, хотя бы частичных податных привилегий? Очевидно, что это было связано с масштабной перестройкой органов государственного управления и оформлением приказной системы, в результате чего должности дворецких, казначеев, конюшенных бояр перестали быть определяющими в правящей иерархии²⁴.

Удивительная устойчивость иммунитетных привилегий, дарованных церковным институтам, и, прежде всего, монастырям, побуждает рассмотреть их место в структуре феодального общества, а также оценить динамику и результативность реформ церковно-государственных отношений. Церковная иерар-

хия в результате деятельности митрополита Алексия приобрела значительное влияние, проявившееся в факте заключения договора между великокняжеской властью и митрополичьей кафедрой во второй половине XIV века. По уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана 1392 (1404) г. митрополичьи волости Лух и Сенез получили податной и судебный иммунитет²⁵. Монастырям в княжествах северо-восточной Руси податной иммунитет жаловался властью суверена, но распространение иммунитетов на монастырские земли в России тоже формировало иерархию монастырей. А.П. Павлов реконструировал иерархическое положение монастырей по так называемым «лествицам» — перечням монастырей второй половины XVI — первой половины XVII века. Ему удалось показать руководящую роль собора высших церковных иерархов и настоятелей важнейших монастырей в решении важнейших вопросов государственной и церковной жизни, что позволило исследователю охарактеризовать этот собор как «церковный институт»²⁶. Очевидно, что столь влиятельная структура была в состоянии лоббировать интересы своих монастырей, и далеко не случайно, что среди обитателей, сохранивших элементы податного иммунитета, были монастыри, входившие в круг правящей церковной элиты и включенные в состав «лествиц».

Столь мощная иерархическая система, как церковь, увенчанная стоящим рядом с государем митрополитом или патриархом, не могла не обладать целым спектром привилегий, распространявшихся в виде иммунитетов на ее экономическую деятельность. Очевидно, что именно вертикально отстроенная система институтов, начиная с прихода и заканчивая церковным собором, дает основание характеризовать церковь как иерархию, попытки реформирования которой должны были восприниматься как возвращение к апостольским временам. Следовательно, длительный процесс временного упразднения, восстановления, сохранения в реликтовом виде тарханов не должен интерпретироваться как реформа, ибо важнейшие качества реформы не были свойственны этому процессу. Очевидно, что термин «реформа» может быть применен лишь к мероприятиям 1550—1551 гг.: упразднению тарханов в Судебнике, пересмотру и утверждению жалованных грамот в 1551 году. В течение последующих 150 лет правительство пыталось адаптировать принципы этой реформы к реалиям социально-экономического устройства страны. Значит ли это, что в России XVI—XVII вв. реформы были возможны только в вышеописанном виде или могли осуществляться преимущественно путем исключений и отступлений от провозглашенных принципов?

Для ответа на этот вопрос обратимся к исследованию преобразований другого сегмента сферы финансов — системы налогообложения, которая именно в это время подвергалась интенсивному реформированию. К середине XVI в. государство унаследовало от предшествующего периода архаичную систему налогообложения в виде сошного письма. Несмотря на очевидную этимологию слова «соха», сошное письмо в большинстве случаев не носило поземельного характера. Реально в соху клалось определенное количество дворов или селений, зависевшее от местных традиций и «посильности» налогов для местной экономики. Пашня учитывалась в дворцовых землях и на поместных землях, в том числе на землях Великого Новгорода, однако единых норм сохи не существовало²⁷.

Большинство российских историков традиционно относили первую реформу сошного письма к началу 1550-х гг., но в работах Е.И. Колычевой ход реформы был заново изучен. Согласно ее наблюдениям, впервые большая соха, состоявшая из 800 четвертей, появилась на дворцовых великокняжеских землях в описаниях селений Суздальского и Тверского уездов в 1542—1544 годах. Это нововведение первоначально носило характер апробации, которая посте-

пенно вводилась на землях, подконтрольных Большому и Тверскому дворцам. В середине 1550-х гг. большая соха стала вводиться повсеместно. Столь же повсеместно, за исключением дворцовых земель, вводилась в качестве единицы измерения земли четверть. Земли всех светских владельцев, как вотчинников, так и помещиков, а также дворцовые земли в центре страны, описывались сохой, в которую входили от 800 до 1200 четвертей земли в зависимости от ее качества. В то же время церковно-монастырские земли описывались сохой, включавшей от 600 до 800 четвертей земли, что увеличивало объем налогов, падавший на тяглую единицу. Однако тяжесть налогообложения для церковных земель компенсировалась тем, что церковные корпорации не несли военной службы и, как было показано выше, продолжали получать иммунитетные привилегии во второй половине XVI века ²⁸.

Несмотря на внешне стройную систему поземельного налогообложения, сошное письмо не выдержало проверку Ливонской войной. Прогрессирующий рост налогов в 1560 — начале 1580-х гг. обозначил вхождение государства в затяжной социально-экономический кризис, закончившийся гражданской войной начала XVII века. С.А. Нефёдов предположил, что этот кризис был вызван надломом прежнего экономического уклада и хозяйственным истощением районов старого освоения ²⁹. В рамках нашей проблематики наиболее интересен подход фискальной социологии, основоположник которой Й. Шумпетер указывал: «...когда существующие формы начинают отмирать или превращаться во что-то новое, они всегда влекут за собой кризис старых фискальных методов» ³⁰. Кризис налогового государства, продолжавшийся и после гражданской войны, стал причиной новой финансовой реформы.

В 1620-х гг. в Русском государстве осуществлялась реформа сошного письма, выразившаяся в появлении новой фискальной единицы — так называемой «живущей четверти». Первый указ о введении «живущей четверти» появился в 1620, последний — в 1632 году. Смысл реформы состоял в том, что четверть, ранее измерявшаяся количеством обрабатываемой земли, теперь определялась числом крестьянских и бобыльских дворов. Нормы «живущей четверти» были плавающими и включали от 2 крестьянских и 2 бобыльских до 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов. Методом проб и ошибок к 1631 г. были оставлены два разряда «живущей четверти», и таким образом реформа была завершена ³¹. Реформа «живущей четверти» не предполагала перехода к подворному налогообложению; комбинации дворов по-прежнему входили в состав сох в традиционном объеме (от 600 до 1200 четвертей). Несмотря на видимую нелогичность и сочетание противоречивых принципов, реформа доказала свою жизнеспособность и стала основой финансового восстановления государства. Т. Скочпол указывает на важность государственной способности собирать налоги для восстановления внутренней целостности державы ³². Однако конец эпохи средневековья повсеместно в Европе ознаменовался кризисом налогового государства, который Шумпетер относил к времени после Тридцатилетней войны ³³. Россия, испытывавшая монетный кризис 1650—1660-х гг., вылившийся в «Медный бунт», не была исключением и оказалась вынуждена отвечать на этот вызов.

Если реформа «живущей четверти» смотрится как уникальное явление в правительственной политике 1620-х гг., характеризовавшейся судорожными усилиями власти по выходу из кризиса, то третья финансовая реформа приходится на время правления Федора Алексеевича. П.В. Седов утверждает, что в период правления Федора не было реформ за исключением отмены местничества, «которые бы решительным образом изменили существовавшие принципы сбора податей, управления страной, организации армии, положения и роли церкви». С тем, что при Федоре не произошло существенных изменений в

системе управления, военных и церковных делах по сравнению с порядками, установившимися при его отце, согласиться можно. Но тезис автора о почти полном отсутствии реформ, свидетельствующем об «отсталости и губительной изоляции» России, нуждается в коррекции³⁴.

К царствованию Федора Алексеевича относятся два нововведения, на десятилетия определившие констелляцию интересов правящих групп землевладельцев. Сказанное относится, в первую очередь, к финансовой реформе 1679—1681 гг., в ходе которой страна перешла к подворному налогообложению. Исследовавший фискальные преобразования в контексте борьбы придворных группировок за власть Седов считает, что результатом этой борьбы были изменения в порядках взимания податей³⁵. Однако «под воздействием придворной конъюнктуры» перекраивался не порядок взимания податей, как пишет автор, а адресаты их поступления, приходные кассы приказов, действительно переходившие из рук в руки. Подворный принцип взимания прямых налогов, несмотря на свое несовершенство, использовался сорок лет, вплоть до введения подушной подати.

Второе нововведение царствования Федора — начало незавершенного описания в 1681—1684 гг., которое, с одной стороны, продолжало принципы валового письма 1620—1630-х гг., а, с другой стороны, проблемы межевания земель, оказавшиеся в центре внимания правительства Федора, роднят это описание с аналогичными мероприятиями XVIII в., продолжавшимися вплоть до Генерального межевания. Можно считать, что в 1680-х гг. было положено начало административной практике, непосредственно касавшейся почти каждого землевладельца и длившейся почти столетие. Как финансовые, так и писцово-межевые преобразования царя Федора обладали главным качеством реформы — продолжительностью их действия или проявления их последствий.

Недостатки подворного принципа взимания прямых налогов приводили к замедлению разделов дворов, к сокрытию реального количества налогоплательщиков, но результатом стал резкий рост доходов и возможность содержать мощную армию. Милюков показал на цифрах росписи доходов 1680 г., что подворная подать стала устойчивым источником налоговых поступлений для государства. Бюджет 1680 г. был сверстан с профицитом; из 2,5 млн руб. доходов на армию было потрачено не более 700 тыс., и более 400 тыс. составили остаток, перешедший в бюджет 1681 года³⁶. Финансовая реформа 1679—1681 гг., видимо, впервые за столетие позволила государству создать аналог современного стабилизационного фонда. Строго придерживаясь принципа экономии («чтоб сборы за сборы заходили»), руководство финансовых приказов перечисляло количественно возрастающие остаточные суммы в бюджет следующего года.

Несмотря на расходы во время войны с Турцией 1687—1689 и 1695—1696 гг., а также возрастающие отчисления на строительство Азовского флота, переходивший в бюджет следующего года остаток за 20 лет вырос с 407 тыс. руб. до 3,9 млн в 1703 году. Милюков показал, что на протяжении шести лет (1704—1709 гг.), на которые пришлось наивысшее напряжение Северной войны, государство покрывало дефицит бюджета исключительно за счет этого «стабилизационного фонда»³⁷. Общеизвестно, что крайнее фискальное напряжение первого десятилетия XVIII в. привело к истощению платежеспособных сил народа, и подворная подать не могла предотвратить этого результата. Однако, как показал Шумпетер, европейские налоговые государства раннего Нового времени могли разрешить свои геополитически обусловленные фискальные дилеммы лишь введением новых налогов или изменением всей системы³⁸. Петровская реформа не могла не завершиться переходом к подушному обложению, милитаризовавшему бюджет и упростившему налоговую систему. Таким образом, второй тип реформ в России XVI—XVII вв. представляет

собой осуществлявшиеся в течение нескольких лет мероприятия, изменявшие порядок системы налогообложения, который утверждался на 40—70 последующих лет, пока очередной финансовый кризис не вызывал к жизни новые преобразования.

Третий тип реформ рассмотрим на примере преобразований системы местного управления. В системе властных институтов помимо иерархий можно условно выделить сегменты или секторы, не находившиеся в строгом подчинении у вышестоящих властных структур. Именно таким сегментом института местного управления в Русском государстве XIV—XVI вв. была кормленая система. Представляя собой одновременно пожалование доходов и служебное поручение, кормление волостеля, наместника, или получателя другой должности не было элементом феодальной иерархии. Иерархия в виде княжеской власти с одной стороны и системой привилегированных светских и церковных вотчин — с другой существовала рядом с кормленной системой. Кормленщик чаще всего должен был считаться с существующей иерархией привилегированных вотчин («волостели и наместники наши кормов не емлют»), но в ряде случаев он имел право судить уголовные преступления, совершенные на территории вотчины («душегубство, разбой и татьба с поличным»), а в исключительных случаях осуществлял в вотчинах всю полноту своей власти. Так, по жалованной кормленной грамоте ростовскому боярину Илье Борисовичу 1462—1485 гг. Иван III предоставил ему право судить и взимать кормы с вотчин всех землевладельцев, у кого имелись великокняжеские тарханные грамоты («грамотников») ³⁹.

С.Б. Веселовский характеризовал систему кормлений как «нормальную форму управления» при помощи наместников и волостелей, которые были «универсальными органами княжеской власти». В кормление давались должности наместников, волостелей, а также разнообразные доходные статьи — право держать тиунство, правду, ключ, собирать ясельничее, бражное, бобровое ⁴⁰. Доходы наместников и волостелей фиксировались в двух видах документов: уставной грамоте наместничьего управления, которая выдавалась населению, и доходных списках, которые, применительно к первой половине XVI в. целесообразно именовать жалованными грамотами ⁴¹. Изложенные в уставных грамотах принципы были неизменными до 1550-х гг. и предполагали взимание с населения въезжего и трех праздничных кормов, исчисленных в натуральном, а иногда и денежном выражении. Рассмотрим принципы кормления, отразившиеся в уставных грамотах и доходных списках. Кормленный порядок по ранним жалованным грамотам 1500—1509 гг. Осорьиним, князю Козловскому, Коробину представлял собой периодическое (на Рождество, Велик день и день св. Петра и Павла) взимание натуральных поборов с частновладельческих и отдельно с черносошных земель ⁴². В боярских и монастырских землях единицей обложения была соха, приравненная к шести деревням в черносошных землях. Грамоты предполагали возможность выплаты наместникам корма в денежном эквиваленте, если он им будет «не люб».

Несмотря на повсеместность описанной практики, единой системы взимания кормов в Русском государстве не сложилось. Выгоднейшими с доходной точки зрения кормлениями были волости и посады промысловой специализации, в особенности связанные с солеварением, развитым, например, в Старой Руссе и Мореве Новгородской земли, Соли Великой и Малой Костромского уезда, Соли Галицкой. Товарное производство соли давало возможность местным общинам выплачивать кормы в денежном эквиваленте. Согласно жалованной грамоте 1528 г., на Соль Малую волостель Г.Д. Кобяков наделялся кормами, почти полностью пересчитанными на деньги (коммутированными): «емлет в год на три праздника — на Рождество, на Велик день, на Петров день по полчетверта рубля на праздник» ⁴³. Новые принципы управления на местах

успешно приживались там, где власть кормленщиков сохранялась в полном объеме. Праздничные кормы были пересчитаны на деньги в уставной грамоте Устьянским волостям 1539 г.: «И всего волостелю и его тиуну, и доводчику корму, и праведникова побору в год на три праздники со 119 деревень 1485 бел, а деньгами 15 рублей без пяти алтын и без деньги». В дворцовых селах администрация осуществляла коммутацию кормов уже в 1540-х годах. Кормы великокняжескому посельскому по уставной грамоте села Андреевского Звенигородского уезда 1544 г. выплачивались исключительно в деньгах: по две деньги с выти ⁴⁴.

Кормленая система по способу организации власти может быть охарактеризована как традиционное господство, типология которого была предметно описана М. Вебером. Система традиционного господства характеризуется рекрутированием административного аппарата из числа рабов и «домашней прислуги, в особенности министералов». Административный аппарат наместников и волостелей (тиуны, доводчики, праветчики), как правило, комплектовался из числа его холопов. Будучи уполномоченными осуществлять судебные прерогативы, тиуны и другие администраторы получали специальные кормы, выплачивавшиеся им за выполнение «экстрапатримониальных» функций. Вебер выводил эти функции из «произвольного усмотрения господина», которое в дальнейшем «стереотипизируется с помощью традиции». Кормления были фундаментальным принципом обеспечения административного аппарата управления на Руси в XIV—XVI вв. и подходят под определение «пребенды» — доходов и имущества, предоставляемых за исполнение обязанностей, связанных с занимаемой должностью. Вебер считал возможным именовать такую систему пребендализмом, считая ее крайней формой ленной системы вознаграждения за службу ⁴⁵.

К середине XVI в. русские земли унаследовали от удельных времен сложную иерархическую систему местного управления, подвергнушуюся структурным преобразованиям в 1550-х годах. Сущность преобразований состояла в замене кормов, выплачивавшихся населением непосредственно кормленщику, фиксированным откупом, который отчислялся в Казну и распределялся среди бывших кормленщиков в виде денежного жалованья. На первом этапе, в 1552 г. уставные грамоты, отменявшие власть кормленщиков и вводившие налоговое и судебное самоуправление, получили лишь волости и посады черносозного Севера, в частности, Малая Пинега, Выя и Сура Поганая и Важская земля. Согласно земским уставным грамотам, пинежане должны были платить в Казну 100-рублевый, а важане — 1500-рублевый откуп, «приехав к Москве с тем оброком» ⁴⁶. Три волости, составлявшие в 1552 г. единый кормленный округ, в 1553 г., когда истек годичный срок откупа, были разделены в административном отношении. После успешного Казанского похода служилые люди вновь были пожалованы кормлениями, и Малая Пинежка оказалась в кормлении у И.Н. Большого-Дубенского, который «съехал с Пенешки с Малые на Ильин день 63-го» ⁴⁷. Однако осенью 1554 г. в северо-западных и северных землях перевод волостей и посадов на откуп вновь начался и тянулся до начала 1556 года. В центральных уездах реформа в основном была проведена в 1555 г., когда большинство кормленщиков покинули свои присуды, добирая неполученные кормы в Казне.

В «Приговоре о кормлениях и службах», изданном не позднее весны 1556 г., отсутствовали статьи о ликвидации кормлений. Из текста «Приговора» следует, что государство лишь заявляло о своем намерении стать посредником в отношениях между кормленщиками и тяглым населением с целью превратить кормление из «покоя» в службу. В разделе приговора «О повелении царском» суть реформы изложена лишь как распоряжение о наделении земских старост и целовальников полномочиями по борьбе с разбоями и сборе с посадов и воло-

стей оброков (кормленного окупа) для обеспечения служилого сословия: «И повеле царь во градах и в волостех расчинити старосты, и соцкие, и пятидесяцкие, и десяцкие, и страшным и грозным запрещением заповедь положить, чтоб им разсужати промеж разбои, и татьбы, и всякие дела, отнюдь бы некоторая вражда не именовалася, также ни мзда неправедная, ни лживое послушество. А кого промеже собою лиха найдут, таковых веле казнем предавати. А на грады и на волости положи оброки по их промыслом и по землям, и те оброки збирати к царским казнам самим дьяком. Бояр же и вельмож и всех воинов устроил кормлением, праведными уроки, ему же достоин по отечеству и по родству, а городовых в четвертый год, а иных в третьей год, денежным жалованием»⁴⁸.

Невзирая на отсутствие в «Приговоре» распоряжения о ликвидации кормлений, две их разновидности в ходе реформы были упразднены. Во-первых, практически повсеместно были ликвидированы волостели. 8 августа 1554 г. была выдана кормленая грамота на волости Инобож и Вольга, после чего грамоты на кормления в волостях выдавались лишь в порядке исключения, как например, Е.Д. Бахметеву на волость Собакино в 1562 г. в качестве компенсации «за взятое вотцкое кормленье». Во-вторых, после 6 марта 1555 г., когда И.К. Садыков получил полавочное в Костроме, перестали выдаваться кормленые грамоты на отдельные доходы⁴⁹. В то же время, институт наместников во многих городах сохранился или был восстановлен, что свидетельствует о трех типах реформирования структур местного управления.

Первый тип системы местного управления сформировался в волостях и на посадах северо-запада России. С 1 сентября 1555 г. кормления в новгородских и псковских пригородах были ликвидированы, а реформа самоуправления в них воплотилась в передачу власти выборным земским старостам, делившим судебные и административные полномочия с городскими приказчиками. Земские преобразования 1550-х гг. в Новгороде и Пскове обладали определенной спецификой, выражавшейся в сохранении наместников и «больших старост» и не носили заверщенного характера. Функции земского самоуправления среднего административного уровня (городские концы и уездные засады) в основном были сосредоточены в налогово-финансовой сфере. Исследование документов 1556—1579 гг. показало, что первоочередной задачей земских структур в Пскове была разверстка и взимание государственных и земских повинностей, именно поэтому низшим должностным лицом земских учреждений стали сотские в городе и «земле».

Второй тип земских учреждений сформировался в большинстве административных центров и уездов Замосковского края: Вологде, Белоозере, Ярославле, Бежецком Верхе, Владимире, Суздале, Переяславле Залесском, Рузе, Московском уезде, Галиче, Коломне, Кашине, Вязьме, Малоярославце, Медыни. Там институт наместников был упразднен и передан выборным старостам, но вскоре власть кормленщиков была сменена «приказными людьми», большей частью губными старостами.

Третий вариант развития системы земского управления являет собой Поморье, где в отличие от большей части территории страны наместники были ликвидированы безвозвратно, и на протяжении второй половины XVI—XVII вв. функционировала разветвленная система уездных и волостных земских учреждений. Государство сохраняло свой контроль над земскими старостами и судьями Поморья, но поскольку население северных волостей и посадов имело одинаковый социальный состав, там оказалось возможно создать всеуездные земские организации, обладавшие значительными административными и фискальными полномочиями.

Значит ли это, что, согласно модели земской реформы, разработанной Б. Дэвисом, система местного управления находилась в «переходном (промежуточном) состоянии, паразитально разнообразном и несистематизированном,

с городовыми и уездными наместниками и другими кормленщиками, криминальной юстицией и выборными органами самоуправления, городовыми приказами и воеводами, осадными головами, дьяками, дворецкими, или комбинацией этих должностных лиц»⁵⁰? Полагаем, что к земской реформе может быть приложена концепция инновационных усилий Артура Левина, выделившего вариант развития, при котором создаются анклавов, когда реформированная единица действует более или менее изолированно в структуре более крупной организации⁵¹. Если понимать под земской реформой создание именно такой системы анклавов, следует признать ее результативной и в определенной мере завершённой.

В ходе реформ 1550-х гг. процесс самоуправления в волостях и посадах был бюрократизирован и документирован, что свидетельствовало о начинавшемся переходе к современной системе управления. Однако преувеличивать степень модернизации системы местного управления не следует. Как известно из источников XVII в., земские избы функционировали на основе принципа коллективного контроля за доходами и раскладкой налогов со стороны корпуса равных. С точки зрения Вебера, в его типологии традиционного, бюрократического и харизматического господства такой контроль был свойственен традиционному авторитету⁵². К тому же, административная практика XVI в. не перестраивалась, а как бы надстраивалась зданию власти; изменения вводились посредством одной важной реформы и дополняющих ее второстепенных мероприятий. Так, земской реформе 1550-х гг. сопутствовали регламентировавшее поместную систему «Уложение о службе» и проверка тарханов в 1551 году.

Исследованные нами преобразования XVI—XVII вв. не могли быть осуществлены абсолютно спонтанно: им нужны были вдохновители и идеологи, а также кадры администраторов, воплощавших эти новации на практике. Метафора Милюкова «реформа без реформатора», которой он обозначил ход преобразований Петра⁵³, может быть распространена и на предшествующие столетия, но не в иносказательном, а в прямом смысле: нам не известны имена разработчиков осуществлённых реформ XVI—XVII веков. Парадокс состоит в том, что программа реформ единственного известного прожектера второй половины XVII в. — А.Л. Ордина-Нащокина — так и не была реализована на практике⁵⁴.

Проблему существования программы реформ наиболее плодотворно можно рассмотреть на материалах сочинений И. Пересветова и царских вопросов к Стоглавому собору. Сочинения Ивана Семеновича Пересветова дошли до нас в списках XVII в., а часть текстов, приписанных ему, были составлены позднее. Однако безусловно атрибутированы Пересветову два текста в жанре челобитных, один из которых, «Большая челобитная», содержит ряд идей, традиционно интерпретировавшихся как программа реформ⁵⁵. Структурно «Большая челобитная» представляет собой запись «речей» волоцкого воеводы Петра на тему падения Византии и угроз для Русского государства, перечисленных в перечне «не одобряемых» реалий российской жизни. Одной из главных угроз, по мысли Петра и Пересветова, являлась система кормлений: «И того он не одобряет, когда впускают в царство свое усобицы, дают города и области в управление своим вельможам, а вельможи на слезах и крови рода христианского богатеют от бесчестных поборов, а как оставят кормление с волостей, то при несправедливостях решают споры полем, и тут на обе стороны много ложится греха». Существенный порок социальной системы Византии, которая проецируется на Россию, Пересветов усматривает в рабстве: «Если какая земля в порабощении, все зло творится в этой земле: воровство, разбой, притеснения, великое разоренье всему царству»⁵⁶.

Альтернативой русским порядкам, по мнению Петра, была система управления «царя турецкого Махмет-салтана», который «по всему царству своему

разослал верных себе судей, обеспечив их из казны жалованьем, на какое можно прожить в течение года, суд же он устроил гласный, чтобы судить по всему царству без пошлины, а судебные сборы велел собирать в казну на свое имя, чтобы судьи не соблазнялись, не впадали в грех и Бога не гневил, а если наградит он какого вельможу за верную службу городом или областью, то пошлет к своим судьям и велит выплатить тому по доходной росписи одновременно из казны». На вопрос Петра и Пересветова о наличии «правды» в Московском царстве дан однозначный ответ: «Вера христианская добра, во всем совершенна, и красота церковная велика, а правды нет»⁵⁷. Дилемма между верой и правдой христианской занимала умы историков еще в начале XX в., и тогда же В.Е. Вальденберг предпринял попытку разрешить эту проблему. С его точки зрения, «правда для Пересветова не есть какое-нибудь отвлеченное понятие без определенного содержания; под правдой он разумеет христианский закон», которого царь обязан придерживаться в управлении государством⁵⁸.

А.А. Зимин предложил более широкое и неоднозначное толкование понятия «правда»: во-первых, под правдой он понимал мудрость правителя, а во-вторых, «совокупность общественных преобразований, направленных к созданию совершенного государственного строя, в котором найдут осуществление дворянские требования». Зимин, таким образом, полагал, что в религиозной форме публицист выражал вполне светские идеи⁵⁹. А.Л. Юрганов не усматривает в сочинениях Пересветова не только программы преобразований, но и идеи торжества закона. Он предложил иную трактовку понятия «правда», сопоставив представления Пересветова и М. Лютера, и пришел к выводу об эсхатологическом смысле понятия «правды», тождественной Христу, через которого только и возможно спасение христианина. Юрганов категорически отвергает представление о сочинениях Пересветова как о проектах реформ, выдвигая идею утопизма его представлений «об идеальном государстве, создающем православное общество»⁶⁰.

Характеристика сочинений Пересветова как утопии в корне противоречит сформировавшимся в европейской науке представлениям о сущности утопического типа мышления. Согласно типологии К. Манхейма, утопический тип мышления характеризуется критическими по отношению к реальности символами и идеями. Утопия — это общество с идеальной организацией, контролирующей несовершенных людей, и отлаженным на века механизмом. Утопии Манхейм противопоставляет апологетическую по отношению к реальности идеологию⁶¹. Государство и общество, изображенные у Пересветова, — это не утопия, а теократия (основанная на вере и правде) идеального правителя, добродетельного и справедливого.

Если считать идеи Пересветова идеологией, появляются основания сопоставить их с так называемыми «царскими вопросами», приписываемыми Ивану IV и датируемыми февралем 1550 — февралем 1551 года⁶². М.М. Кром полагает, что и «речь» Ивана IV (преамбула к царским вопросам), и сами вопросы осмыслили любые изменения как возврат к законам, существовавшим при прежних государях, а также приведение их в соответствие с апостольскими правилами и учением отцов церкви. По мнению автора, в тексте царских вопросов отсутствуют замыслы радикальных реформ и тем более их систематическое изложение⁶³. Ни речь царя, ни царские вопросы, безусловно, не содержат постановку определенных целей, которые могли бы стать легитимирующей доктриной реформ. Разбросанные по тексту слабо интегрированные и размытые совокупности идей не являются программой преобразований.

В то же время, проявляющаяся в этих текстах идеология имеет явные признаки тождества с идеологией сочинений Пересветова. Так же, как и в

«Большой челобитной», в царской речи акцент делается на идее компромисса, торжества закона и справедливости. Во-первых, Иван IV констатирует факт примирения между боярами, приказными людьми и кормленщиками и всеми христианами (всеми землями) «во всех делах». Очевидно, что здесь подразумеваются затяжные судебные иски, не имевшие иных перспектив разрешения, кроме осужденного Пересветовым судебного поединка («поля»). Во-вторых, царь отчитывался о составлении и утверждении (возможно на земском соборе) Судебника 1550 г., устранившего почву для коррупции («посулов») «во всяких делах». В-третьих, Иван IV отчитался об устройстве, в соответствии со статьями нового Судебника, по всем административным единицам «старост и целовальников», обязанных присутствовать в суде волостелей и наместников в качестве присяжных заседателей. Судебник и уставные грамоты, утвержденные «по правилом святых апостол и святых отец», должны были гарантировать правителю соблюдение чаемой Пересветовым «правды»⁶⁴.

«Царские вопросы», разумеется, не содержали программы реформ, однако нетрудно заметить, что они затрагивали проблемы повседневной жизни представителей служилого и городского населения: об обеспечении семей служилых людей землей и условиях продвижения по службе (проблема местничества), о церковных слободах на посадах, корчмах и таможенных пошлинах⁶⁵. Если усматривать в этих вопросах идеологию действий власти, разумеется, обоснованную отсылками к апостольским и святоотеческим текстам, то становится очевидным, что определенное осмысление своих действий правящий класс середины XVI в. осуществлял. Это осмысление происходило не в рамках систематически разработанной программы, что несомненно изменяет общее мнение о реформах в России того времени.

Традиционное представление о российских реформах зиждется на противопоставлении «периодов реформ» и «периодов реакции». Так, 1550-е гг. в историографии воспринимаются как время реформ, в период опричнины осуществляется откат к беззаконию и произволу, безвременье Смуты и восстановления государственности при царе Михаиле сменяется новым периодом реформ царя Алексея, заложивших основу для преобразований Петра Великого. Однако три направления преобразований, изученные нами в данной работе, показывают, что эти новации не всегда увязывались современниками в единое целое, а сами принципы реформ зачастую реализовывались на практике на протяжении полутора столетий, как это было с отменой тарханов. В этом заключалась существенная особенность реформ XVI—XVII веков.

История реформ в России этого времени важна и как индикатор периодизации — отнесения этого периода к эпохе средневековья или началу раннего Нового времени. Как известно, Соловьёв, Ключевский и многие российские историки XX в. отсчитывали «новый период» истории России с середины XVII века. П.В. Седов, подвергший детальному анализу административную практику последней трети XVII в., полагает, что этот период был «закатом» эпохи средневековья в России⁶⁶. Но, как показано выше, ряд нововведений царствования Федора Алексеевича, которые Седов отказывается считать «кардинальными реформами», видя в них «проекты», либо «косметические изменения», были несомненными реформами. Закладывая основы землевладения, податной политики, отношений внутри элиты, преобразования Федора, наряду с изменениями в политике царя Алексея, обозначили начало нового этапа в истории России.

Реформа не всегда призвана упразднить архаичные структуры, но, как правило, нацелена на улучшение их функционирования. Реформа предполагает компромисс между противоборствующими интересами, и здесь прослеживается явное отличие преобразований царя Федора и Петра I. Петровские преобразо-

вания навязывались силой, их целью был переворот в укладе жизни и сознании, и в этом смысле они сродни революции. Не обладая научной точностью, уподобление петровских реформ революции подчеркивает их уникальность в сравнении с предшествующими и последующими преобразованиями и, разумеется, ни в коей мере не означает, что петровские реформы «прогрессивнее» предшествовавших изменений. Сопоставляя революции в науке и обществе, В. Гейзенберг указывал на опасность революций, поскольку «при этом возникает опасное стремление к произвольным изменениям даже там, где законы природы полностью исключают возможность изменений». В то же время реформаторы, которые стремятся изменить как можно меньше, закладывают фундамент для существенных изменений в обществе ⁶⁷.

Осуществленное Седовым сравнение правительственной политики Федора и Петра в ряде случаев преувеличивает архаизм многих явлений последней трети XVII в. и модернизирует некоторые явления петровской эпохи. Это касается, прежде всего, представлений о системе власти, которую в последней четверти XVII в., по мнению Седова, «определяли не элементы централизации, бюрократизации, а прежняя средневековая практика личного приказа-поручения. Царские указы вершились “словом” влиятельных придворных, и зачастую у них на дому, а не в приказах» ⁶⁸. Однако и петровские реформы приобрели регулярный характер лишь во втором десятилетии XVIII в. с образованием коллегий и провинций. Управление же отдельными отраслями государственного хозяйства в начале XVIII в. осуществлялось именно личными приказами-поручениями и как раз на дому. Классический пример такой практики представляет собой Ижорская канцелярия, функционировавшая с 1704 г. на дворе князя Меншикова в Семеновском, служителями которой были приказчики «светлейшего», фактически его дворовые люди, собиравшие по его слову оброки с дворцовых земель и ясак в ведомстве Казанского дворца ⁶⁹. Где же здесь централизация и бюрократизация?

С другой стороны, мы не уверены, что такую административную практику следует трактовать как средневековую. Даже во Франции XVII—XVIII вв. система управления недалеко ушла от принципа личных поручений: в эпоху Людовика XIV четыре государственных секретаря объединяли в своих ведомствах такие разнородные объекты управления, как, например, налогообложение, средиземноморский флот и восемь провинций, которыми управлял один госсекретарь — Летелье. Должность третьего госсекретаря до 1663 г. вообще была поделена между отцом и сыном Бриеннами ⁷⁰. Административные службы генерального контролера в период министерства Тюрго в 1770-х гг. были распределены между шестью интендантами финансов, работавшими у себя на дому. Как писал Э. Фор, «каждый подчиненный устраивает в своем доме маленький кусочек министерства» ⁷¹. Личный приказ-поручение монарха доверенному лицу может органично сочетаться с бюрократическим принципом выполнения этого приказа штатными чиновниками на жалованье, как это было и в России при Федоре Алексеевиче.

Изложенные соображения побуждают с должным вниманием отнестись к аргументации Р. Мартина, исследовавшего матримониальную политику русского царского и императорского дворов на протяжении XVI—XVIII веков. Вывод американского русиста об однородности брачной политики этого времени дал ему основание охарактеризовать три столетия с 1505 по 1797 г. как период «раннего Нового времени» ⁷². Проведенное нами исследование реформ в России убеждает в том, что начало этого периода следует отнести к середине XVI в., когда в недрах государственных институтов зарождалась идеология исправления практики властвования и осуществляются первые преобразования.

1. СОЛОВЬЁВ С.М. Сочинения в 18 книгах. Кн. VII. М. 1991, с. 93, 238, 570.
2. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Сочинения в 9 томах. Т. VIII. М. 1990, с. 347—364.
3. МИЛЮКОВ П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб. 1905, с. 64, 90, 123—124, 250, 266, 542—543.
4. ПЛАТОНОВ С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М. 1995, с. 92—101.
5. КРОМ М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии. М. 2005, с. 284—285.
6. ЕГО ЖЕ. Хронология губной реформы и некоторые особенности административных преобразований в России XVI в. Исторические записки. М. 2007, вып. 10 (128), с. 373—392.
7. ЕГО ЖЕ. Религиозно-нравственное обоснование административных преобразований в России XVI в. Religion und Integration im Moskauer Russland. Forschungen zur oseeuropaischen Geschichte. Band 76. Wiesbaden. 2010, p. 49—64.
8. ЧЕРЕПНИН Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М. 1951, ч. 2, с. 109, 112.
9. МИХАЙЛОВСКАЯ Н.С. Каролингский иммунитет. Средние века. М.-Л. 1946, вып. 2, с. 164—187.
10. Российское законодательство в 9 томах. Т. 2. М. 1985, с. 142—143, 151—152, 168.
11. КАШТАНОВ С.М. Финансы средневековой Руси. М. 1988, с. 122—125.
12. ЕГО ЖЕ. Очерки русской дипломатики. М. 1970, с. 456—461.
13. ЕГО ЖЕ. Финансы..., с. 158.
14. ЧЕРКАСОВА М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI — начала XVII в. М. 2004, с. 245—246; Акты суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1505—1608 гг. М. 1998, № 212, с. 385—389.
15. КОЛЫЧЕВА Е.И. Аграрный строй России в XVI в. М. 1987, с. 150.
16. ЧЕРКАСОВА М.С. Ук. соч., с. 248—252.
17. Там же, с. 252—254; СЕДОВ П.В. Закат московского царства. СПб. 2006, с. 303—311.
18. ЧЕРКАСОВА М.С. Ук. соч., с. 257.
19. ФЛОРЯ Б.Н. Эволюция иммунитета светских феодалов в период образования единых Польского и Русского государств. В кн.: Польша и Русь: Черты общности и единообразия в историческом развитии. М. 1974, с. 327.
20. БЕРМАН Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М. 1994, с. 417—427.
21. ПИСАРЕВ Ю.И. Магнаты и корона в Англии XIV в. Средние века. М. 1980, вып. 43, с. 96.
22. ФЛОРЯ Б.Н. Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV — первой половине XVI в. — История СССР. 1972, № 1, с. 64—71.
23. Акты Археографической экспедиции. СПб. 1836, т. 1, № 215, с. 205.
24. ЛИСЕЙЦЕВ Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.-Тула. 2009, с. 155—235.
25. Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси XIV — начала XVI в. Т. 3. М. 1964, с. 18—19.
26. ПАВЛОВ А.П. Церковная иерархия в системе государственной власти в России XVI века. Religion und Integration im Moskauer Russland. Forschungen zur oseeuropaischen Geschichte. Band 76. Wiesbaden. 2010, p. 65—80.
27. КОЛЫЧЕВА Е.И. Ук. соч., с. 15—16.
28. Там же, с. 21—24.
29. НЕФЁДОВ С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. XV — начало XX в. Екатеринбург. 2005, с. 50—60.
30. SCHUMPETER J. The Crisis of the Tax State. SCHUMPETER J. The Economics and Sociology of Capitalism. Princeton. 1991, p. 101.
31. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Сошное письмо. Т. 2. М. 1916, с. 415.
32. SKOSPOL T. States and Social Revolutions. Cambridge. 1979, p. 285.
33. SCHUMPETER J. Op. cit., p. 102—108.
34. СЕДОВ П.В. Закат московского царства. СПб. 2006, с. 555.
35. Там же, с. 345.
36. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 74—76.
37. Там же, с. 176—179.
38. SCHUMPETER J. Op. cit., p. 102—108.
39. Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. Т. 1. М. 1997, № 70, с. 58.
40. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.-Л. 1947, с. 114, 263—280.
41. АНТОНОВ А.В. Из истории великокняжеской канцелярии. М. 1998, с. 99—100.
42. АСЭИ. Т. 1. М.-Л. 1952, с. 150, 202; Акты служилых землевладельцев. Т. 4. М. 2004, с. 171.

43. Акты служилых землевладельцев... Т. 4. М. 2008, № 212, с. 157—158.
44. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М. 1909, с. 25—31.
45. ВЕБЕР М. Традиционное господство. — Прогнозист. 2007, № 2, с. 152—153, 159.
46. Памятники русского права. М. 1956, вып. 4, с. 188—197; Наместничьи, губные и земские..., с. 103—113.
47. АНТОНОВ А.В. «Боярская книга» 1556/57 года. В кн.: Русский дипломатарий. М. 2004, с. 113.
48. Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. — Тексты. Л. 1986, № 11, с. 37—38.
49. Акты служилых землевладельцев..., т. 4, № 11, с. 11; № 20, с. 18; № 410, с. 302.
50. DAVIES BRAIN L. The Town Governors In The Reign of Ivan IV. — Russian History. 1987, vol. 14, № 1—4, p. 78.
51. LEVINE A. Why Innovation Fails. N.Y. 1980.
52. WEBER M. Theory of Social and Economic Organization. 1947, p. 392—407.
53. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 542—543.
54. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Сочинения. Т. 3. М. 1988, с. 314—330.
55. ЗИМИН А.С. И.С. Пересветов и его современники. М. 1958, с. 340—384.
56. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. СПб. 2006, с. 437, 447.
57. Там же, с. 437—441.
58. ВАЛЬДЕНБЕРГ В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. М. 2006, с. 271.
59. ЗИМИН А.С. Ук. соч., с. 340—384.
60. ЮРГАНОВ А.Л. Категории русской средневековой культуры. М. 1998, с. 79, 104, 228.
61. МАНХЕЙМ К. Диагноз нашего времени. М. 2004, с. 164—219.
62. Памятники русского права. М. 1956, вып. IV, с. 576—580.
63. КРОМ М.М. Ук. соч., с. 54—57.
64. Российское законодательство в девяти томах. Т. 2. М. 1985, с. 267.
65. Памятники русского права..., с. 576—580.
66. СЕДОВ П.В. Ук. соч., с. 551.
67. ГЕЙЗЕНБЕРГ В. Избранные философские работы. СПб. 2006, с. 141—142.
68. Там же.
69. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 529.
70. БЛЮШ Ф. Людовик XIV. М. 1998, с. 111—112.
71. ФОР Э. Опала Тюрго. М. 1979, с. 82.
72. MARTIN R. The Petrine Divide and the Periodization of Early Modern Russian History. — Slavic Review. 2010, № 2, p. 410—425.

Франциск I Валуа

Ю.Е.Ивонин

Среди французских королей было немало неординарных личностей, которые выделялись или внешностью или поведением, служившим причиной возникновения разных слухов и мифов. О короле Франциске I (1491—1547) из династии Валуа сложилось множество легенд. Говорили о том, что это король миролюбивый, хотя за тридцать два года своего царствования он провел четыре больших войны с императором Священной Римской империи Карлом V, каждая из которых длилась по несколько лет. Он был покровителем искусств. Именно в пору его правления во Франции провел последние годы своей жизни Леонардо да Винчи. При его дворе блистал итальянский скульптор и ювелир Бенвенуто Челлини. Слава о Фонтенбло, новом дворцовом комплексе близ Парижа, разнеслась далеко за пределами Франции. Через несколько лет после смерти Франциска I Джорджо Вазари, автор жизнеописаний великих итальянских художников, говорил о Фонтенбло как о третьем Риме. Этот король был первым ренессансным монархом Франции и в этом смысле оказал влияние на развитие французской цивилизации. При Франциске I был основан Французский коллеж, считающийся в наше время самым престижным и элитарным заведением ведущего университета Франции — Сорбонны. А в те годы это была свободная ассоциация ученых гуманистов, выступавших против Сорбонны, являвшейся защитницей ортодоксального католицизма. Он был истинным французом, остроумным, немного легкомысленным, даже в войне, любителем женщин и развлечений. Сюжет пьесы Виктора Гюго «Король забавляется» (1832), положенный затем в основу либретто знаменитой оперы великого итальянского композитора Джузеппе Верди «Риголетто», был навеян эпизодами из жизни Франциска I. В создании негативного образа Франциска I внес свой вклад крупный французский историк-демократ XIX в. Жюль Мишле, в работах которого эмоциональный подход нередко заменял научную строгость и объективность. Мишле обвинил Франциска I в том, что тот не понял Реформацию и поэтому задержал прогресс во французской истории.

Конечно, король имел немало пороков и совершил много ошибок, имевших значительные последствия. Он был своенравным, импульсивным, распут-

ным и ветренным. День постоянно находившегося в пути двора Франциска I как бы делился на три части: утро отдавалось делам, вторая половина дня — охоте, вечер — развлечениям при дворе и танцам. «Наездник, хороший солдат, посредственный генерал» — так характеризовал его Э. Ле Руа Ладюри. Но в то же время французский король был совсем неглуп, обладал красноречием, отличался храбростью и, по понятиям того времени, считался гуманным человеком. Казнь финансиста Жака Самблансе, слишком часто запускаявшего руку в государственную казну, — единственный пример сознательной свирепости короля. Франциска I отличали хорошие манеры, он умел поддерживать беседу на любую тему, хотя иногда его знания предмета были поверхностными. Кроме того, французский король не без успеха пробовал перо. Некоторые из написанных им поэм выделялись эмоциональной силой на фоне французской поэзии начала XVI века. Франциска нельзя отнести к религиозным фанатикам, в известном смысле он отличался веротерпимостью не только в силу характера, но и из-за политических интересов, когда, например, в целях борьбы с Габсбургами он вел переговоры и вступал в коалиции с Англией, протестантскими князьями Германии и с Османской империей. В этом проявлялся прагматизм его политики, и только в этом смысле он являлся макиавеллистом. Главные же цели Франциска I заключались в укреплении французского королевства и обладании Италией, что в перспективе давало возможность ведения борьбы за гегемонию в Европе. Именно Италия была основной целью и мечтой короля. Обладание Италией и, прежде всего, Миланом, на который он имел династические права (его прабабушка Валентина Висконти была дочерью миланского герцога Джан-Галеаццо Висконти. — Ю.И.) было «наваждением» Франциска I, вполне совместимым с его политическими и культурными амбициями. Но недаром говорили в те времена, что кто владеет Миланом, тот владеет Италией. Обладание Миланом усиливало бы Францию, но одновременно ослабляло Габсбургов. Франциск любил Италию и хорошо знал итальянский язык, восхищался итальянской культурой и много сделал для ее распространения во Франции. Но он также был успешным политиком, укрепившим французскую монархию в противостоянии со Священной Римской империей и Испанией. Его правление заложило основы абсолютной монархии во Франции и подготовило почву для религиозных войн, а, кроме того, открыло Францию для культуры Ренессанса ¹.

Внешность Франциска I была довольно примечательной: высокий рост (около 180 см), атлетическое телосложение и большой, истинно галльский нос с горбинкой, за который его иногда называли Длинноносым; волосы каштановые, гладкие и аккуратно подстриженные, борода — темнее волос на голове. Таким он изображен на картине известного французского художника XVI в. Жана Клуэ Младшего (время написания 1525—1530 гг.). Большую любовь, что, впрочем, было свойственно властителям не только его времени, Франциск I питал к охоте, причем предпочитал охоту с собаками, тогда как его предшественник Людовик XII был любителем соколиной охоты.

Тщеславие французского короля было беспредельным. Он мечтал о славе полководца, вследствие чего сам возглавлял военные кампании, не обладая, однако, сколько-нибудь значительными стратегическими талантами, и поэтому нередко ставил свои войска на грань поражения. Слава победителя была для него превыше всего. Из-за этого он мог три месяца бесплодно просидеть под Павией, стремясь быть покорителем этой крепости, тогда как главное заключалось в том, чтобы без подобных эффектов выиграть кампанию. Он держал возле себя прекрасных, храбрых командиров. Гастон де Фуа стал победоносным военачальником в возрасте около двадцати лет. Но главным героем французской армии был Баяр, отважный воин и носитель многих рыцарских добродете-

лей, которого и называли «рыцарем без страха и упрека». Родившись в семье мелкого дворянина из Дофине, Пьер де Террай, шевалье де Баяр, во время итальянских войн стал легендой. Будучи блестящим профессиональным воином, он построил свой образ жизни по принципам рыцарей «круглого стола» времен короля Артура. Спал на земле зимой и летом, питал презрение к деньгам и сделал нормой поведения куртуазное поклонение прекрасной даме. Он имел любовницу и, как говорили, она родила ему сына. Ведя войну против христиан, он совершал тем самым смертельный грех. Двойной стандарт поведения, кстати, важен для понимания образа мыслей и политики самого Франциска².

Что касается тщеславия и амбиций, Франциск I проявил их в полной мере, едва только вззошел на престол.

Минуло ровно двое суток после провозглашения его королем, как Франциск беседовал с послом Карла Габсбурга, тогда еще герцога Бургундского. Король начал беседу громко, торжественным тоном, дабы показать, что он опытен в делах управления государством. «Я буду добрым другом герцога, — сказал он высокомерно, — потому что он мой вассал». Посол вежливо поклонился и возразил молодому королю: «Сир, я должен Вам сказать, что ни один друг и ни один вассал не может Вам нанести большего ущерба, чем он». После такого ответа Франциск некоторое время оставался неподвижным³, но все же продолжал считать Фландрию своим владением, а Карла своим вассалом.

Двор Франциска I сильно отличался от дворов его предшественников. Побывавшие в Италии во время военных кампаний король и его придворные, пораженные блеском и богатством итальянских городов, стали подражать в образе жизни и поведении дворянским и буржуазным кругам этой страны. Красивые здания и отели в стиле «Ренессанс» начали строиться в Париже и других больших городах Франции по соседству с серыми и мрачными громадами средневековых замков. Позолота и лепные украшения покрывали фасады и залы этих зданий. Итальянская мода быстро завоевала сердца и кошельки французского дворянства. А вместе с модой во Францию проникли и нравы итальянской придворной жизни, с борьбой партий и фаворитов, интригами и т. д.

В последние годы царствования Франциска I соперничество придворных партий обострилось. Дофин Генрих (будущий король Генрих II) и его младший брат Карл, которого Франциск I любил больше Генриха, враждовали между собой, коннетабль, то есть главнокомандующий, Анн де Монморанси поддерживал Генриха, адмирал Шабо, сестра короля Маргарита Наваррская и герцогиня д'Этамп — Карла. Когда Франциск I умер, произошла дворцовая революция, как это водилось в те времена. Наиболее зловещим ее результатом стало возвышение герцогов Гизов как серьезных противников Монморанси и родственников Валуа—Бурбонов. Гизы оказались у королевского трона благодаря влиянию их родственницы Дианы де Пуатье, любовницы Франциска I, и его сына Генриха на нового французского короля. Диана была старше Генриха на

двадцать лет, и ее планы имели двоякий смысл. С одной стороны, эта молодая и хорошо сохранившаяся женщина еще могла привлекать к себе внимание мужчин, с другой, — рано лишившийся матери Генрих (королева Клод умерла в 1523 г., когда ему было четыре года), воспринимал Диану как мать и нуждался в ней. К своей жене Екатерине Медичи, матери трех последних королей из династии Валуа, он относился довольно прохладно.

Сам Франциск I, как уже говорилось, отличался чрезвычайной любвеобильностью, хотя многие из его любовных походов лишь плод фантазий писавших о них современников. Но почву для них, конечно, давали реальные любовные связи короля. Ходили, например, слухи, что первую любовницу он имел в возрасте десяти лет, а в 1524 г. у него предполагался сифилис. О его первой официальной любовнице Франсуазе де Фуа, княгине де Шатобриан, известно мало. Она не пользовалась влиянием. Король имел семерых детей от своей первой жены Клотильды (Клод), дочери Людовика XII (трех сыновей и четырех дочерей), из которых двое, сын Генрих и дочь Маргарита, пережили отца.

Характерен и такой эпизод. Его вторая жена Элеонора Австрийская, сестра императора, прибыла во Францию в июне 1530 г., а 5 марта 1531 г. была коронована в Сен-Дени. Элеонора была женщиной сравнительно немолодой и в общем бесцветной и скучной. Родилась она в 1498 г., а уже в 1521 г. овдовела после смерти своего первого мужа — португальского короля Мануэля. Как раз в это время Франциск I был увлечен Анной д'Эйли. Когда королева совершала свой церемониальный въезд в Париж в марте 1531 г., король и д'Эйли сидели у окна, наблюдая за въездом, и два часа находились «на виду у всего народа», сообщал шокированный этим английский посол ⁴.

Своему восшествию на престол Франциск I был обязан не только принадлежностью к линии Валуа, но и своей чрезвычайно энергичной и честолюбивой матери Луизе Савойской. Сын Карла Ангулемского и Луизы Савойской, он провел детство в любимом замке своего отца в маленьком городке Коньяк неподалеку от Бордо. Это был замок в старом феодальном духе, господствовавший над городом. Когда после несчастного случая неожиданно умер король Карл VIII, сердце Луизы Савойской оживилось надеждами, поскольку покойный король был бездетным. Корона переходила герцогу Орлеанскому, принявшему имя Людовика XII, у которого также не было наследников, в результате чего сын Карла Ангулемского и Луизы Савойской мог стать дофином — наследным принцем. Однако попытка Луизы получить для сына герцогство Орлеанское, что означало бы его признание наследником трона, не увенчалась успехом. Людовик XII был еще крепким мужчиной тридцати шести лет и заботился о продолжении своей линии. Он спешно развелся с женой Жанной Французской, дочерью Людовика XI по причине бездетности и женился на вдове Карла VIII Анне Бретонской, умершей в январе 1514 года. От этого брака родилось две дочери (Клотильда и Рене), так что наследника по мужской линии не было, и Луиза Савойская начала готовить сына к занятию королевского трона. Она и впоследствии была одним из главных советников Франциска I по многим политическим вопросам ⁵.

Однако король Людовик XII однажды чуть не спутал все карты Луизе Савойской и ее сыну. Он женился на сестре английского короля Генриха VIII Марии 5 ноября 1514 года. Однако 1 января 1515 г. в десять с половиной часов вечера король Людовик XII, еще совсем не старый человек, скончался в замке Турнель. Французским королем стал Франциск Ангулемский. Сам он в это время не был в замке. Бонниве, Флеранж и несколько других его ближайших друзей галопом поскакали к герцогу Ангулемскому. Услышав топот копыт,

Франциск выглянул в окно и увидел своих друзей, кричавших: «Да здравствует король! Да здравствует король Франциск I!»⁶.

Несмотря на состояние эйфории, в котором он сделал знаменательное заявление послу Карла Габсбурга, Франциск I и Луиза Савойская с тревогой следили за Марией — не наступают ли у нее признаки беременности. Сын Марии мог стать законным французским королем. Франциск I даже предлагал Марии Тюдор выйти за него замуж. Он намеревался также развестись со своей первой женой Клод. Признаков беременности у Марии не было. Кроме того, 31 марта того же года она вышла замуж за Чарльза Брандона, герцога Саффолька, которого давно любила. Франциск I окончательно утвердился как король.

Образование и воспитание он получил такое же, как большинство дворян его времени. Знал немного из истории, немного из географии, зато был хорошо осведомлен в мифологии, умел фехтовать, скакать верхом. С первых и до последних дней своего царствования Франциск I стремился играть роль первого дворянина в королевстве. Он старался всячески привлекать дворян ко двору милостями, должностями, титулами, пенсиями, видя в дворянстве опору своего государства. Взамен этого он требовал от дворян полного подчинения своей власти. Так закладывались основы абсолютистского правления⁷. Защита интересов дворянского государства была главным принципом во внешней торговле, где он твердо стал на почву практического меркантилизма. Основные задачи во внутреннем управлении заключались в следующем: развитие и усиление монархической власти, создание действенных средств укрепления централизованного государства, устранение всех серьезных препятствий в осуществлении королевской воли. Королевский совет имел при нем универсальные функции: администрации, финансов, юстиции, дипломатии и т. д. Для того, чтобы еще больше сосредоточить власть в своих руках, Франциск I попытался ослабить могущество казначеев и генеральных откупщиков (финансистов, выплачивавших сразу всю сумму налогов в королевскую казну, а уже затем собиравших их с населения). В 1523 г. было проведено расследование, закончившееся казнью Самблансе и нескольких других финансистов. Казалось бы, власть над финансами перешла в руки короля. Но у него, так или иначе, не было ни времени, ни достаточного штата чиновников, чтобы уследить за всеми делами в финансовом ведомстве, и с течением времени финансисты вновь обрели утраченные позиции. При Франциске I начала распространяться практика продажи должностей в государственном аппарате, особенно в судах, которая давала государству значительные суммы денег⁸. Эта практика предоставляла также возможность аноблироваться богатой финансовой буржуазии, поскольку обладание государственными должностями обеспечивало дворянские титулы. Так было положено начало новому дворянству («дворянству мантии») во Франции, занимавшему большое место в общественной и политической жизни страны XVI—XVIII веков. Франциск I стремился также, насколько это было возможно, контролировать деятельность провинциальных парламентов. Король становился главой государственного аппарата, но со многими средневековыми атрибутами. Главную роль в управлении государством играли королевский совет, подчинявшийся воле короля, и коннетабли — главнокомандующие вооруженными силами.

Сосредоточение власти в руках короля и королевского совета приводило к тому, что Генеральные штаты в период с 1483 по 1560 г. не созывались. На протяжении всей своей жизни Франциск I не знал, что это такое. Доходы королевской казны складывались за счет доходов королевского домена, прямых (в первую очередь талы) и косвенных налогов (габели — соляного налога и т. д.) и, наконец, с помощью различных финансовых уловок. С целью централизации сбора налогов страна была поделена на шестнадцать финансовых

округов. Большую роль в торговле Франции играли Лион и нидерландский порт Антверпен. Сам король был клиентом антверпенских купцов. Итальянские войны значительно расширили торговые и финансовые контакты французского правительства, неоднократно прибегавшего к услугам итальянских банкиров, избравших Лион местом своих сделок с французским королем⁹. При Франциске I усиливался интерес французского правительства и купечества к расширению связей с Востоком. Французы вполне серьезно пытались не только вытеснить венецианцев с торговых путей в Средиземноморье, но и захватить транзитные пункты в торговле с Востоком в Италии¹⁰.

В эти же годы во Франции начинает формироваться абсолютистская идеология, наиболее ярко выраженная в книге Клода де Сейсселя «Французская монархия» (1516 г.). Ее автор, крупный аристократ, развивал учение о королевской прерогативе и преимуществах наследственной власти, рассматривая дворянство как опору короля и королевства, делая в конечном счете вывод, что король должен поддерживать и защищать дворянство¹¹. С другой стороны, Франциск I стремился к укреплению королевской власти и большей эффективности в работе государственных учреждений, что приводило к усилению зависимости от короля высших государственных чиновников. Так, например, после того, как Карл Бурбон перешел на службу к императору Карлу V, французский король до 1536 г. оставлял вакантной должность коннетабля, которую он предоставил своему старому другу Анн де Монморанси. В 1544 г. король отправил в отставку своего канцлера Гийома Пуайе, что ранее не разрешалось по закону. Франциск I также ограничивал полномочия губернаторов провинций, которые по большей части принадлежали к высшей аристократии¹².

Франциск I был последним «путешествующим королем» во французской истории. Его двор по сравнению с временем Людовика XII увеличился почти в два раза, достигнув тысячи придворных. Для того, чтобы двор передвигался, требовалось до 18 тыс. лошадей. Из-за того, что во время постоянных передвижений по стране двор нуждался в помещениях, было форсировано строительство дворцов, прежде всего замков на реке Луаре и Фонтенбло. Содержание двора обходилось казне в 1,5 млн экю ежегодно. Вообще Франциск I вошел во французскую историю как успешный в политике властитель, защищавший свою страну от универсалистских устремлений Габсбургов и укрепивший ее изнутри¹³.

В жизни и политике Франциска I колоссальное внимание уделялось искусству вообще и, прежде всего, живописи и скульптуре, и не только из любви и личных пристрастий, но во многом, исходя из целей репрезентации французской монархии и пропагандистской войны против Габсбургов. Французский королевский двор в первой половине XVI в. мог показаться театром абсурда, поскольку во дворцах появились скульптуры на античные сюжеты с античными богами — Минервой, Марсом, Меркурием и амурами. Обнаженные тела в соблазнительных позах стали изображаться на многочисленных картинах в королевских дворцах, особенно в Фонтенбло. В 1528 г. французский король даже вызвал императора на дуэль. В испанской, немецкой и французской публицистике, а также в дипломатической корреспонденции происходил обмен оскорблениями и подчеркиванием национальных недостатков. Герольды сновали от французского двора к императорскому и обратно. Но дуэль не состоялась, вылившись в конечном счете в пропагандистскую войну. Зато в моду вошло явление, которое в современной литературе получило название «политический маньеризм». Носителями этого стиля были итальянские художники и скульпторы Франческо Приматиччо, Джулио Романо, Бенвенуто Челлини. Франциск I предпочитал репрезентировать себя в виде бога войны Марса, подчеркивая тем самым свою воинственность. Тот же образ спустя полтора столетия использо-

вал другой французский король Людовик XIV. Это одновременно была стратегия суверенитета и стратегия гегемонизма¹⁴.

Едва став королем, Франциск I, не откладывая дела в долгий ящик, со свойственной ему горячностью и жадной славы стал готовиться к походу в Италию. Умирая, Людовик XII оставил своему преемнику 1 млн 800 тыс. ливров долгов и дефицит королевской казны в 1 млн 400 тысяч¹⁵. Войны, которые вели в Италии Карл VIII и Людовик XII, значительно истощили финансы королевства, но Франциск I не унывал. Франция была богатой страной, с плодородными землями и горячим солнцем, крестьяне, неустанно трудившиеся на ее полях, составляли четыре пятых населения страны. Резервы ее могли показаться неисчерпаемыми, но можно было также поправить дела и за счет Италии. Французское дворянство после Столетней войны с Англией (1347—1453) и войн Людовика XI против Бургундии оказалось не у дел, и необходимо было направить его энергию за пределы страны.

Франциск I пошел завоевывать Милан с 8 тыс. гасконцев и басков. К армии вторжения присоединились также наемники, главным образом из западногерманских княжеств. В результате численность армии достигла 40 тыс. человек¹⁶. Как и в прежних итальянских походах, главная сила французской армии состояла в легкой полевой артиллерии. Действия французов, которыми командовал коннетабль, родственник Франциска I Карл Бурбон, были весьма решительными, и уже вскоре произошло повлиявшее на исход этой кампании сражение близ расположенной юго-восточнее Милана деревни Мариньяно. Французская армия заняла у Милана оборонительные позиции, чтобы предотвратить соединение 30 тыс. двигавшихся на Милан швейцарцев с испано-папской армией, направлявшейся навстречу из Пьяченцы. Вторая задача французов заключалась в том, чтобы облегчить присоединение к ним шедших по долине р. По отрядов их тогдашних союзников — венецианцев. 13 сентября швейцарцы повели атаку на французов. Стремительный натиск швейцарских пикинеров, приносивший им раньше победы, при каждой новой атаке встречался метким огнем аркебузов и полевой артиллерии. Пули и ядра на сей раз остановили победоносные швейцарские пики¹⁷. Непобедимая до того времени швейцарская пехота потерпела поражение и не смогла соединиться с войсками испанского короля и папы. В результате этой победы французы вновь утвердились в Милане. Резонанс от победы был столь велик, что во Франции вскоре же была сочинена получившая широкую популярность песенка, которая завершалась следующими словами:

Победа, победа благородному королю Франциску!

Победа славному дому Валуа!

Победа благородному королю Франциску!

Но враждующие стороны довольно быстро истощили военные и финансовые ресурсы. В марте 1517 г. был заключен мирный договор, закрепивший сферы влияния Франции, Испании, Венеции и папства на Апеннинском полуострове, но установившееся равновесие сил не было стабильным. Оно быстро нарушилось после избрания 29 июня 1519 г. Карла Габсбурга императором Священной Римской империи, поскольку Империя и Испания попали под власть одного государя. Франция оказалась окруженной сплошным кольцом габсбургских владений. Над Парижем нависали Нидерланды (не случайно именно Нидерланды служили плацдармом для вторжений на территорию Франции армий Габсбургов, кайзера Вильгельма II и Гитлера). Единственным проходом из этого кольца являлась Ломбардия, ценность которой для Франции возросла еще больше, чем в предыдущие годы. Естественно, что для Карла V необходимым условием осуществления его великодержавных планов было вытеснение французов из Италии. Но было бы, конечно, совершенно неправомерным полагать, что

Франциск I боролся за Милан, только исходя из целей защиты Франции. Завоевательные интересы в его политике занимали не меньшее место.

Было бы также неправильным думать, что, только стремясь к благу Франции, молодой король мечтал обладать короной императора Священной Римской империи. Честолюбие и тут не давало ему покоя. Он грезил этой короной с тех пор, как старый император Максимилиан I заговорил о наследнике. То ли его вдохновляла слава Карла Великого (в 768—814 гг. король Франкского государства, в 800—814 гг. император, под его властью была создана огромная империя, в которую входили территории современных Франции, Германии, Нидерландов, Бельгии, часть Италии), то ли он желал установить гегемонию Франции на континенте, сейчас трудно сказать. Последнее все же более вероятно. Уже в июне 1517 г. Франциск I принял в Амьене посла от курфюрста Бранденбургского, который предложил французскому королю свою поддержку. В следующем году сам Франциск I отправил агента в Германию следить за интригами Максимилиана и устанавливать контакты с князьями. Естественно, что габсбургская пропаганда попыталась напугать князей перспективой установления французского авторитаризма, тогда как Франциск I уверял их в том, что Германия будет принесена в жертву испанским интересам. Вокруг избрания императора при еще живом Максимилиане пошел самый настоящий торг. Курфюрсты, совершенно не стесняясь, откровенно набивали себе цену. Казалось бы, осенью 1518 г. пять из семи курфюрстов, исключая архиепископа Трирского и курфюрста Саксонского Фридриха Мудрого, уже твердо высказались в поддержку Карла. Иоахим Бранденбургский потребовал у Габсбургов увеличения пенсии с 2 тыс. до 10 тыс. гульденов, а у французского короля — с 8 тыс. до 12 тысяч¹⁸. Пенсии в размере 10 тыс. рейнских флоринов требовал архиепископ Майнцкий, на что Франциск I ответил незамедлительным согласием. Причем все требования курфюрстов немедленно исполнялись французским королем — настолько было велико его желание стать императором¹⁹.

Всего на избирательную кампанию Франциск I потратил 400 тыс. экю, из которых 360 тыс. были получены в долг у итальянских банкиров. Папская курия заняла неопределенную позицию. Избрание императором Карла грозило превращением римского престола в рупор мировой политики Габсбургов и ослаблением его роли в европейских делах. Но и избрание французского короля, навязавшего Льву X в 1516 г. «Болонский конкордат», ставивший католическую церковь во Франции под контроль королевской власти, не сулило Риму ничего хорошего. Поэтому папа не вмешивался в ход предвыборной кампании и ограничивался лишь закулисными переговорами с представителями соперничающих сторон. К началу марта ситуация еще не прояснилась. Альбрехт Майнцкий, Фридрих Мудрый и представители чешского короля склонялись к избранию Карла, архиепископ Трирский и курфюрст Бранденбургский, требования которого Габсбурги сочли чрезмерными, стояли на стороне Франциска I, архиепископ Кельнский и курфюрст Пфальцкий колебались до последнего момента. Как известно, все курфюрсты проголосовали за Карла. На результатах выборов, кроме знаменитых 900 тыс. гульденов, истраченных Габсбургами на предвыборную кампанию, очевидно, сказалась и неприемлемость для многих князей самой фигуры Франциска I как императора. Когда Фридрих Саксонский, за что Эразм Роттердамский и назвал его мудрым, сказал, что надо избрать старшего из германских князей, то есть Карла, он подразумевал, что это будет подчинение младших старшему, а не подданных — самодержцу.

Потерпев неудачу в борьбе за императорский трон, Франциск I, тем не менее, не был обескуражен и с новыми силами ринулся на завоевание Италии. Он решил воспользоваться для ведения новой войны начавшейся в Германии Реформацией и восстанием «комунерос» (восстание городских коммун в защи-

ту средневековых вольностей. — Ю.И.) в Кастилии. В 1519—1520 гг. в Вероне происходили переговоры между венецианскими и имперскими дипломатами. Карл V потребовал от Венеции вассальной присяги, но венецианский сенат ориентировался на Францию, и поэтому требование императора было отвергнуто. Принятое сенатом решение начать переговоры непосредственно с самим императором не устраивало последнего, и встреча в Вероне завершилась безрезультатно²⁰. Это обстоятельство давало Франциску I надежду на поддержку Венецианской республики в случае возобновления войн в Италии. Избрание Карла императором напугало папу-мецената Льва X. Он понял, что император будет стремиться использовать папскую курию как орудие универсалистской политики. А такой оборот дела Льва X не устраивал. Неизвестно, как бы повел себя папа, но в декабре 1521 г. он скоропостижно скончался.

Несмотря на противодействие французской дипломатии и ряда кардиналов, папой был избран воспитатель императора кардинал Тортоза под именем Адриана VI. Это событие подтолкнуло Франциска I к решительным действиям в Италии. Военные действия были начаты французами еще весной 1521 года. Робер де ла Марш вторгся в Люксембург, а Андре де Фуа с 8 тыс. гасконцев преодолел Пиренеи и 30 июня овладел Наваррой. Затем Франциск I отправил своих ближайших друзей Бонниве и Лотрека соответственно в Пиренеи и на Милан. Оба были сверстниками короля и тесно связаны с ним: первый — брат его любовницы, а второй — просто хороший компаньон. Маршал Лотрек, человек маленького роста, но крепко сбитый, со шрамом на лице, полученным в сражении при Равенне 11 апреля 1512 г., резкий и безапелляционный, двинулся в Ломбардию. Конфликтными зонами были нидерландско-французская граница, Наварра и Милан. Война была начата сторонниками французского короля уже весной 1521 г. во время рейхстага в Вормсе на среднем течении Мааса и на верхнем течении Шельды в районе Турнэ. Робер де ла Марк, владетель Седана, герцог Гельдернский и наследный принц Наварры взяли за оружие, нарушив тем самым условия мирного договора, заключенного в Нуайоне 13 августа 1516 года²¹. Масла в огонь подлило назначение императором главнокомандующим вместо незадолго до того умершего Просперо Колонны недавнего коннетабля Франции Карла Бурбона, короля Наварры, перешедшего на службу к Карлу V. Бурбон, претендуя на первые роли во французском королевстве, отгеснялся советниками Франциска I и, в конечном счете, поссорился с королем²².

Но дело не только в этом. Карл III Бурбон, по существу, был борцом за утерянные местные свободы против натиска абсолютизма. Потомки одного из сыновей Людовика IX Святого, французского короля (1220—1270), прославившегося организацией крестовых походов в Тунис и Алжир, Бурбоны в течение долгого времени были связаны с королевским тронном. Поколение за поколением они занимали высокие должности при дворе, получали большие почести и укрепляли свое положение с помощью династических связей и браков. Иногда они поднимали мятежи, но чаще всего приходили к пониманию того, что их интересы должны находиться в русле политики французской короны. Рожденный в 1489 г., на пять лет раньше Франциска I, Карл Бурбон имел титулы графа Монпансье и принца Оверни. В 1505 г., после смерти Пьера де Божо, герцога Бурбона, регента королевства, Карл женится на его единственной дочери и наследнице. Таким образом, он становится герцогом Бурбоном, Оверни, I графом де ла Маршем, графом Клермонским и Клермон-ан-Бовези, сеньором де Божоле, дю Форе и Шатоллерю. Его владения находились в двенадцати современных департаментах. Он один имел пять титулов пэра Франции. После смерти Гастона де Фуа он в двадцать пять лет стал коннетаблем Франции. В этом своем качестве он был слишком влиятельным и неподвластным королю.

Казалось бы, что им мешало ладить между собой, этим веселым молодым людям? Но один из них был королем, стремившимся к полноте власти, а другой слишком богатым и влиятельным коннетаблем. Заслуживает внимания и еще одна причина, а именно резкая несхожесть характеров. Они конфликтовали друг с другом по самым незначительным поводам ²³.

Правда, Франциск I вообще не был склонен, в отличие от своего царственного английского собрата Генриха VIII, прибегать к насилию и казням. Немилость — обычный вид наказания, который он использовал. По отношению к Карлу Бурбону он проявлял известную терпимость ²⁴. Однако ущемлять его права Франциск I все же пытался. 10 января 1523 г. мать короля Луиза Савойская получила в дарение ла Марш, виконтства Карлам, Мюрат и Монтегю-ан-Комбрейль. Затем несколькими специальными королевскими постановлениями Карла начали совершенно откровенно лишать земельных держаний ²⁵. Отношения обострялись. В марте 1523 г. английский посол Томас Болейн так описывал последнюю стычку между королем и коннетаблем в Лувре. Бурбон обедал с симпатизировавшей ему королевой Клод, которая надеялась, что он женится на ее сестре Рене (к тому времени Карл уже овдовел). Неожиданно вошел Франциск и спросил: «Сеньор, нам сказали, что Вы женаты или должны жениться. Это — правда?». Герцог ответил: «Нет». Но король продолжал настаивать на своем. Далее он стал утверждать, что знает о связях герцога с императором. Услышав это, Бурбон встал из-за стола. «Сир, — ответил он, — Вы угрожаете мне, но я не заслуживаю этого». На следующий день герцог покинул двор Франциска I ²⁶. Действительно, уязвленный Бурбон к тому времени уже вел переговоры с агентами императора о переходе к нему на службу, ставя следующие условия: заключение брака с сестрой Карла V Элеонорой с приданым в 200 тыс. экю, гарантия возвращения всех его имуществ, наследование императорского трона в случае смерти Карла V и его брата Элеонорой. Любопытно, что когда Франциск I в 1525—1526 гг. находился в испанском плену (тогда он был уже вдовцом), Элеонору спросили, за кого она предпочитает выйти замуж, за короля или беглого герцога. Горделивая вдова португальского короля ответила однозначно: «за короля» ²⁷.

Итак, Бурбон перешел на сторону Карла V и стал его видным военачальником. Правда, военное счастье недолго сопутствовало ему. 6 мая 1527 г. во время штурма Рима германскими и испанскими наемниками он был убит. Тем временем Франциск I пытался найти себе союзника в лице Генриха VIII. Еще во время встречи в долине Ард (часто ее именуют долиной Золотой парчи из-за большого количества шатров из позолоченной парчи, раскинутых во время этой встречи) оба короля могли достаточно хорошо присмотреться друг к другу, но втянуть Англию в войну на стороне Франции Франциску I так и не удалось. Мало того, английский король вскоре в союзе с императором выступил против Франции. Кампания мыслилась Карлом V и Генрихом VIII таковой: император должен был двигаться со стороны Нарбонна с 28 тыс. испанцев, 10 тыс. немецких наемников, 6 тыс. кавалерии, а Генрих VIII высаживался между Кале и устьем Сены с 15 тыс. пехоты и 7 тыс. кавалерии. Затем в кампанию входил Бурбон, поднявший все свои войска и имевший 10 тыс. немецких наемников ²⁸. Французская сторона ответила следующими действиями. После захвата Наварры армия под командованием Лотрека двинулась на Милан. Еще большая по численности армия под командованием Баяра собиралась у границ Пикардии и Шампани, которым угрожали имперские войска ²⁹. В целом Франциск I располагал в Италии 12 тыс. французов и итальянцев, 8 тыс. немецких ландскнехтов и 9 тыс. швейцарцев. Папа Климент VII, сменивший на папском престоле Адриана VI, вначале был напуган успехами французов. Все удары, которые приходились по Апеннинскому полуострову, отра-

жались и на положении церковного государства. Он пытался предложить свои услуги в деле примирения императора и французского короля, но не получил положительного ответа ³⁰.

До зимы 1525 г. война не приносила окончательного успеха ни одной из сторон. Отличительной чертой этого этапа итальянских войн являлась почти полная пассивность итальянских государств, правда, исправно поставлявших наемников в воюющие армии. В начале 1525 г. ход войны резко изменился. Французы уже три месяца безуспешно осаждали сильную крепость Павию. Осажденные упорно сопротивлялись. Тогда французские военачальники решили взять крепость измором. Осада Павии в военном отношении смысла не имела, ибо сковывала действия французских войск и давала свободу перемещения армиям противника. Тем не менее, Франциск I настаивал на продолжении осады и, стянув к Павии большие силы, прибыл лично руководить осадой крепости. Чего тут было больше — тщеславия или легкомыслия? Без легкомыслия, конечно, не обошлось, но и оно диктовалось тщеславием: ибо разве это не доблесть воина и мужчины брать штурмом неприступную крепость? Тщеславие явно взяло верх над здравым смыслом. И уж совсем легкомысленным было совещаться по важным стратегическим вопросам только с новым коннетаблем Анн де Монморанси и де Брионном, не имевшими достаточного военного опыта.

Осада Павии повлекла за собой цепь стратегических ошибок и огромную потерю времени. Выдающийся итальянский гуманист Франческо Гвиччардини в своей «Истории Италии», характеризуя поведение французского короля при Павии, писал, что тот большую часть времени потратил «на досуг и пустые развлечения, не отягощая себя делами или серьезными мыслями» ³¹. Осада Павии сопровождалась многочисленными передвижениями войск, шумом труб и барабанов, но дни сливались в недели, а недели в месяцы. Осажденные в Павии, чтобы согреться, сжигали деревянные перекрытия в церквях и ели мулов и лошадей, а французы торговали с хитрыми ломбардцами, запрашивавшими втридорога за продовольствие ³². Тем временем имперские военачальники не преминули воспользоваться ошибками французского командования. Из Нарбонна по морю в Италию была срочно перебросена армия Бурбона, поспешившая на помощь осажденным. Узнав об этом, командовавший имперскими войсками в Павии Антонио де Лейва в ночь на 24 февраля предпринял вылазку. Сигналом к атаке послужили три выстрела из пушки. Армия Бурбона ударила французам в тыл. В результате французская армия была деморализована. Месяцы бездействия лишили ее мобильности. Генералы и офицеры давали путаные распоряжения. Возникла неразбериха. В итоге к половине девятого утра сражение завершилось. Французская армия была окружена, а Франциск I попал в плен. Вице-король Неаполитанского королевства преклонил колена перед плененным французским королем. Он поцеловал эфес шпаги Франциска I, взял ее и отдал королю свою шпагу. Теперь французский король был его пленником. Все это требовалось совершить в соответствии с законами рыцарской чести. В плену оказались также военачальники и придворные Франциска I: Флеранж, Генрих Наваррский, Монморанси, Брионн, Аннебо, Сен-Поль, Гийом дю Белле, а впридачу к ним и папский нунций. Победа имперских войск под Павией устрасила итальянских князей. Однако Карл V не смог воспользоваться результатами победы. Причины этого нам уже известны. Создавшемся положением немедленно попытались воспользоваться венецианцы, выступившие с лозунгом объединения всех сил Италии. Но венецианские планы не имели успеха, ибо Пескара, главнокомандующий имперскими войсками в Италии, в ответ на предложение первого министра герцога Миланского Джироламо Мороне изгнать испанцев, за что ему в случае успеха обещалась неаполитанс-

кая корона, арестовал и предал незадачливого министра суду. Герцог Миланский Франческо Сфорца был лишен власти, а герцогство присоединено к владениям испанской короны³³.

Между тем положение французского короля было не из лучших. Вначале его держали в Италии, а затем из опасений, что Франциск I станет центром притяжения антигабсбургских интриг, в июне 1525 г. перевезли в Испанию, в Мадрид, тогда еще маленький город на Кастильском плоскогорье. Французского короля и его друзей Монморанси и Ланнуа, а также придворных разместили в небольшом доме, где Франциск I занимал комнату размером в пять шагов в длину и пять шагов в ширину. Сразу же по прибытии в Мадрид Франциск I получил письмо от Карла V, в котором император выражал радость по поводу приезда своего пленника в Испанию и уверенность, что это ускорит заключение мира между ними³⁴.

Условия мира были совершенно неприемлемыми для французского короля — отказ от претензий на итальянские земли и прав на Бургундию. Сам же он предложил заключение брака между ним и сестрой императора Элеонорой под тем предлогом, что дети от этого брака смогут иметь права на Бургундию. Понятно, что французский король лукавил, заранее зная, что потом откажется от многих условий мирного договора. Он даже заявил об этом в узком кругу и составил нотариально заверенный секретный протест, объявлявший недействительным любой документ, который его принудили подписать в плену, так как это наносит ущерб его чести³⁵. Вскоре состоялась и личная встреча Франциска I и Карла V. В середине сентября 1525 г. Карл охотился неподалеку от Сеговии. Там он получил срочное послание, в котором сообщалось, что его царственный пленник очень болен. Император встревожился. Ему вовсе не хотелось, чтобы впоследствии говорили, что Франциск I умер из-за его злодейских козней, и он поспешил в Мадрид. Карл V застал французского короля лежащим в постели. «Сир, — слабым голосом промолвил Франциск I, — Вы видите перед собой Вашего пленника и раба». Карл поспешил возразить: «Нет, моего доброго брата и истинного друга, которого я считаю свободным». Франциск печально повторил: «Вашего раба». «Моего доброго брата, — сказал император уже суровым тоном со своим фламандским акцентом, — и друга, который будет свободным. Я не желаю ничего большего, чем улучшения Вашего здоровья. Думаю только об этом. Остальное придет само, сир, как только Вы этого пожелаете». «Это будет Вашим приказом, — раздался заунывный голос Франциска, — ибо Вы имеете право приказывать». «Но, сир, — и тут французский король приподнялся в постели, — я умоляю Вас, избавьте меня от посредников в отношениях между Вами и мной»³⁶. Это была изумительная сцена с участием двух венценосных актеров, каждый из которых преследовал свои цели: один, притворно изображая покорность, добивался того, чтобы император вел переговоры непосредственно с ним, а другой хотел, чтобы Франциск согласился выполнить его требования как бы добровольно, а не по принуждению. Куртуазная вежливость и актерская игра лежали на поверхности, оформляя эту исключительно сложную психологическую дуэль.

Но выбирать не приходилось. Луиза Савойская, ставшая регентшей на время нахождения сына в плену, давала своим послам при императорском дворе инструкции соглашаться на требования императора³⁷. Она понимала, что от их выполнения при благоприятном стечении обстоятельств можно отказаться, зато время будет выиграно, тем более, что уже летом 1525 г. начались переговоры с Англией о заключении антигабсбургского союза. Однако Франциск I, нередко ведший себя в серьезных ситуациях легкомысленно, открыто заявлял, что он не собирается уступать свои права на Бургундию императору. Обеспокоенная Луиза Савойская немедленно отправила в Испанию сестру короля Мар-

гариту Ангулемскую. Но поскольку Маргарита вела переговоры об организации бегства короля, а этот план был раскрыт, ей пришлось покинуть Мадрид.

14 января 1526 г. Франциск I дал рыцарскую клятву никогда не выступить против императора. Хотя, впрочем, французский король протестовал против предложенного ему Мадридского соглашения, опасаясь, что его принудят дать команду французским послам подписать его³⁸. Он согласился на требования императора относительно Бургундии, Милана, Неаполитанского королевства, Генуи, попытавшись вместе с тем предложить за Бургундию выкуп в три миллиона экю золотом, на что Карл V ответил отказом. Тут нужно заметить, что Франциск I заявил своим приближенным, что не будет и дня соблюдать эту клятву. Мадридский мир так и не был ратифицирован во Франции, став образчиком двойной морали, уроки которой французский король получил еще в первые годы своего царствования. После принесения присяги на верность императору Франциска I должны были освободить из плена, причем король оставил в качестве заложника двух своих сыновей — Генриха и Франциска³⁹. Имперский канцлер Меркурино ди Гаттинара возражал против освобождения французского короля, считая, что это будет опасным для императора. Но сам Карл V не мог дольше удерживать французского короля в плену, ибо не хотел, чтобы европейские монархи считали, что он совершает насилие и стремится полностью поставить Францию на колени, продолжая удерживать ее короля в плену, после того как тот принес рыцарскую клятву.

В апреле 1526 г. было окончательно решено освободить Франциска I из плена. Узнав об этом, тот сразу же отправил курьеров к английскому королю и турецкому султану Сулейману I объявить о своем освобождении⁴⁰. Едва переехав в Пиренеях границу, Франциск I воскликнул: «Я — здесь!», — и, не откладывая дела в долгий ящик, приступил к осуществлению подготовленных французскими и итальянскими дипломатами планов создания антигабсбургской коалиции. К этой коалиции он надеялся привлечь и турецкого султана, с которым были установлены связи во время нахождения французского короля в плену. Собственно, сближение Франции с Османской империей вовсе не было случайным. Все предшествующие события вели к нему. Как непосредственно после завоевания Константинополя в 1453 г., так и в конце XV — начале XVI в., особенно после похода Карла VIII в Италию в 1494—1495 гг., совершенного под предлогом проведения крестового похода против турок, султаны не только внимательно следили за расстановкой сил в Западной Европе, но и охотно предлагали союзы и военную помощь в случае обострения европейских конфликтов.

Во время похода Людовика XII в 1500 г. в Италию султан Баязид II, предвидя обострение франко-испанского конфликта, предложил неаполитанскому королю Федерико турецкую помощь. Воспользовавшись франко-испанским конфликтом, турецкий султан одержал победу над оставшейся в изоляции Венецианской республикой. Кроме того, что турки завладели Дураццо, Лепанто и рядом других земель, в том числе и Ионическими островами, война нанесла большой ущерб венецианской торговле. Но до франко-турецкого союза было еще далеко, ибо Габсбурги не заявили достаточно ясно о своих претензиях на европейское господство и, что необходимо отметить, не началась Реформация в Германии. Но уже вскоре, стремясь отвлечь часть сил Максимилиана I на восточных границах Империи, французская дипломатия повела переговоры в Венгрии и Польше о создании антигабсбургского союза. Когда же речь заходила о предоставлении помощи против турок венгерскому королю Лайошу I, Франциск I под всяческими предлогами отказывался, так как фактор турецкой угрозы мог в большей степени сковывать Габсбургов, чем возможный габсбургско-венгерский конфликт. Поэтому призывы папы Льва X к французскому королю были безрезультатными. Франциск I уверял, что у него нет денег, что

ему нечем обеспечивать армию и артиллерию, без которых невозможно организовать поход против турок ⁴¹. Но уже с 20-х гг. XVI в. дипломатическая активность Франции на восточных границах Империи Карла V значительно усилилась.

Она была направлена на укрепление связей со всеми антигабсбургскими силами на юго-востоке Империи и, прежде всего, с партией Яноша Запольяи, крупного венгерского магната, претендовавшего на венгерский престол и пользовавшегося поддержкой большей части дворянства на юге и востоке Венгрии. Правда, результаты всех этих переговоров были не столь значительными, как ожидалось. По существу, только дворянство Чехии оказалось в сфере влияния французской дипломатии. Польское дворянство довольно холодно восприняло усилия французов. Примечательно, что в формировании и проведении восточной политики Франции большую роль играл бывший испанский подданный Антонио Ринкон де Медина дель Кампо, эмигрировавший после подавления восстания «комунерос» во Францию. Переговоры в Польше и интриги французской дипломатии в Чехии, Венгрии и Трансильвании стали прелюдией отношений с Турцией ⁴². Изменившееся соотношение сил после битвы при Павии побудило французского короля обратиться за помощью к Сулейману I.

Думается, что не следует переоценивать опасность для Порты со стороны Империи Карла V, считая именно это обстоятельство решающим в смысле создания франко-турецкого союза. Скорее всего, со стороны Османской империи имели место поиски союзника в Европе, пользуясь поддержкой которого можно было расширить свои владения и вторгнуться в плодородные венгерские долины. После захвата Белграда в 1521 г. и острова Родос в 1522 г. (где находилась до этого времени резиденция ордена рыцарей-иоаннитов, перенесших ее затем на остров Мальту) Порты, то есть правительство Османской империи, только ждало момента для вторжения вглубь Европы. Обращение французского короля давало ей прекрасный повод. Первое французское посольство было отправлено Луизой Савойской. Агента, имя которого нам не известно, сопровождали 12 человек, везших подарки, в том числе большой алмаз для султана и на 12 тыс. дукатов серебра. Но это посольство так и не добралось до Стамбула, будучи уничтожено турецкими солдатами в Боснии. Паша Боснии, сделавший это в целях грабежа, оправдываясь перед султаном, писал ему, что приказал убить французского посла якобы потому, что тот осмелился идти к турецкому султану без подарков. Несколько позднее хорватский магнат Янош Франджипани (Франкепан), состоявший на службе у Яноша Запольяи, в одежде паломника пронес под стелькой башмака письмо Франциска I турецкому султану. Французский король умолял Сулеймана I не оставлять его в тяжелейшем положении ⁴³.

Ответ турецкого султана был весьма примечателен: «Ты, француз и король Франции, прислал со своим верным слугой Франджипани письмо ко мне в Порту и уведомил меня, что находишься сейчас в темнице и что неприятель завладел твоим государством, и ты просишь у меня содействия и помощи для возвращения тебе свободы. После того как все это было изложено у подножия моего трона, который служит прибежищем для всего мира, моя императорская ученость вникла во все подробности этого дела... Наши славные предки (да освятит Аллах их могилу) никогда не переставали вести войны, чтобы отразить неприятеля и приобрести новые владения. И мы шли по их следам... И днем и ночью оседлан наш конь, и мы опоясаны мечом» ⁴⁴. Однако немедленного выступления турок не произошло.

Письмо султана, обещавшего напасть на войска Империи, находившиеся в Италии, с моря, а также вторгнуться в Австрию со стороны Венгрии, попало в

руки Карла V. О связях французского короля с турецким султаном стало известно всей Европе. С другой стороны, узнав о Мадридском мире, Сулейман двинул войска, уже готовые к вторжению в Венгрию и Австрию, обратно в Турцию. Правда, летом того же 1526 г. турки все же вторглись в Венгрию и нанесли 29—30 августа поражение королевскому войску в битве при Мохаче. Когда Фердинанд Австрийский, заручившись поддержкой ряда венгерских баронов, предъявил претензии на венгерский трон уже после событий при Мохаче, партия Яноша Запольяи провозгласила королем своего предводителя. Внутриполитическая борьба в Венгрии, начавшаяся еще при Лайоше II, таким образом, не только не прекратилась после мохачской трагедии, но еще более обострилась. Соперничающие партии меньше всего думали о независимости Венгрии и судьбе венгерского народа. В создавшейся ситуации французская корона не только продолжала оказывать знаки внимания Яношу Запольяи, но и признала его, ставшего к тому времени вассалом султана, единственным законным королем Венгрии и заключила с ним 28 октября 1528 г. союзный договор, главным содержанием которого было обязательство помогать в военных действиях против Габсбургов. А так как Франция уже начала переговоры с Портой, этот договор ни в коей мере не означал, что она будет защищать венгерские земли от турецких нашествий. Хотя Франциск I и тут остался верен своей двойной морали, послав еще в апреле 1527 г. письмо, в котором выразил надежду, что венгерский народ под властью Запольяи прекратит внутренние раздоры для того, чтобы легче отразить натиск турок⁴⁵.

Следующим шагом сближения Франции и Османской империи был трактат 1528 г., который касался предоставления привилегий французским купцам на территории Египта. Затем турецкая армия осаждала осенью 1529 г. Вену, но выступила слишком поздно, так как весной того же года французы начали переговоры о мире с имперской дипломатией. Осада Вены, благодаря умелым действиям ее гарнизона, была снята. К тому же турецкая армия, состоявшая преимущественно из кавалерии, могла действовать только с весны до осени. Наступавшая поздней осенью распутица вынуждала уходить на зимние квартиры. Дальнейшее обострение франко-габсбургского конфликта и неуклонное стремление Османской империи к закреплению своей власти над Венгрией и в Северной Африке, откуда она беспрепятственно могла угрожать Габсбургам, неизбежно привели к заключению первого франко-турецкого соглашения 1536 г., которое известно как договор о капитуляциях⁴⁶. Французский посол де Лафоре достиг устной договоренности с Сулейманом во время военных действий турецкой армии против персов под Багдадом, а сам договор был подписан через несколько месяцев в Стамбуле. Капитуляции представляли из себя имперские дипломы и грамоты о привилегиях, выданных Портой различным европейским государствам. Они позволяли подданным этих государств беспрепятственно въезжать во владения Османской империи, заниматься там своими делами и совершать богослужения по принятым в этих государствах обрядам. Но капитуляции были льготами, дарованными в одностороннем порядке и могли быть легко отменены по усмотрению Порты. От капитуляций повело свое начало право протектората иностранных держав не над христианскими подданными Порты — райей, а над своими единоверцами, которые посещали Турцию или поселились там в качестве иностранцев. Причем речь шла о двух типах капитуляций: для подчинившихся турецким завоевателям немусульман и капитуляциях, определявших статус иностранцев на основании особых привилегий (а потом и договоров), дарованных им султанами.

Практическое осуществление договора о капитуляциях способствовало рассредоточению военных сил Габсбургов на два фронта. Фердинанд не имел возмож-

ности оказывать сколько-нибудь существенную поддержку военно-политическим мероприятиям Карла V. В Западном Средиземноморье активно действовали алжирские корсары Хайреддина Барбароссы, вассала Сулеймана I. Нередко их корабли стояли на рейде во французских портах, в частности в Тулоне, наводя ужас на окрестное население. Карл V неоднократно пытался ликвидировать базы Барбароссы и североафриканских беев — вассалов Османской империи, но безуспешно. Франко-турецкий союз, по сути дела, просуществовал вплоть до окончания итальянских войн. При заключении ряда договоров с Карлом V, в том числе в июне 1538 г. в Ницце, французская корона давала обещание участвовать в крестовом походе против турок, но при этом всегда успокаивала султана, что не будет предпринимать никаких действий против Порты. Особенно сложным в этом смысле было положение Франциска I, когда в 1541 г. после смерти Яноша Заполяя турки захватили его владения в Венгрии и стали угрожать германским землям. Так как немецкие протестантские князья рассматривали Францию в качестве своего неофициального союзника, французской дипломатии приходилось отречься от союза с Портой, при этом внушая туркам, что участие Франции в антитурецком союзе лишь облегчает их судьбу и мешает Карлу, и во Франции вовсе не собираются поддерживать его антитурецкие мероприятия. Когда 1 января 1540 г. Карл V после подавления гентского восстания въехал в Париж и был с радостью принят Франциском I, за 14 лет до этого события побывавшего у императора в плену, это удивило всю Европу. В Стамбуле были очень раздражены. Впрочем, недовольство Порты продолжалось недолго, хотя Ринкона, посла Франции, хотели согласно всем азиатским обычаям в гневе предать смерти. Сулейман как будто начинал понимать зигзаги двойной игры Франциска I. В письме к Анн де Монморанси от 20 февраля 1540 г. Антонио Ринкон, сообщив, что рад услышать о полном согласии между Францией и Империей по вопросу о крестовом походе против турок, иронически заметил, что не увидит его счастливого исхода⁴⁷.

Ринкон знал, что писал, ибо вся восточная политика Франции была направлена на срыв крестового похода под эгидой Габсбургов и папства. В 1542 г. Сулейман вновь попытался начать осаду Вены. Барбаросса должен был осуществлять взаимодействие с французским флотом. Однако осада, как и в 1529 г., не получилась. А в 1545 г. было, как известно, заключено перемирие между Карлом V и Османской империей. Но вернемся к итальянским делам. В апреле — мае 1526 г. итальянские и французские дипломаты начали переговоры о создании новой антигабсбургской коалиции. Луиза Савойская, канцлер Дюпра и Роберте, ведшие переговоры с французской стороны, надеялись, что Карл V поймет угрозу и не станет вести новую войну в Италии. 22 мая 1526 г. была образована лига, получившая название Коньякской. В нее вошли Франция, папа, Венеция, Генуя, Флоренция и Милан. Протектором лиги было предложено стать Генриху VIII. Главенствующие позиции в ней занимали итальянцы, а французский король выступал уже не как завоеватель, а только как союзник⁴⁸.

Но даже и в этот, чрезвычайно благоприятный для совместного выступления момент, обладая значительными материальными и людскими ресурсами, итальянские участники лиги не смогли отодвинуть свои раздоры на второй план. Это дало возможность Карлу V собрать в Германии армию в 12 тыс. ландскнехтов во главе с Георгом фон Фрундсбергом и послать ее в Италию. Объединившись с остатками армии Бурбона, отряды Фрундсберга сняли осаду с Милана и двинулись на юг. 15 марта между лигой и императором было подписано перемирие. Лига была распущена, но мир не наступил. Шестого мая 1527 г. наемники императора штурмом взяли Рим. В начале штурма был убит

Карл Бурбон. Грабеж Рима продолжался три дня и, как известно, в нем, кроме всего прочего, отразилась ярость протестантов, громивших вавилонскую блудницу — Рим. Папа со временем бежал из Рима в Орвието. Хотя он и пошел на примирение с Карлом V, все же не спешил открыто солидаризироваться с Габсбургами, ибо в Италию в 1528 г. вторглась очередная французская армия под командованием Лотрека. Действия этой армии поначалу были успешными, но затем она застряла под Неаполем. Немецкие ландскнехты стремились штурмовать город, тогда как другие части противились этому. Сам Лотрек колебался, испытывая страх перед возможным мятежом ландскнехтов. Еще так свежи были в памяти события 1527 года. Споры разрешила эпидемия чумы, начавшаяся и Неаполе, а затем перебросившаяся в лагерь осаждавших⁴⁹. Значительная часть французской армии погибла, в том числе и сам Лотрек. Естественно, что после этого французские войска не могли продолжать войну и потерпели несколько поражений. Англия не принимала активного участия в войне, ограничиваясь только денежной помощью. Переход адмирала Андреа Дориа на сторону императора означал потерю Генуи для французов, независимости которой от Франции добивался адмирал. Франциск I был вынужден согласиться на проведение переговоров. В конце 1528 г. начались переговоры между Империей, Францией, Англией и, несмотря на противодействие французской стороны, герцогством Савойским⁵⁰.

В инициировании переговоров наибольшую активность проявил не французский король, а его энергичная мать, стремившаяся освободить принцев, находившихся в Испании в качестве заложников. Сам же Франциск I не беспокоился по поводу пребывания принцев в плену, считая, что они могут лучше изучить испанский язык и приобрести новых друзей. Луиза Савойская неоднократно подчеркивала свое желание закончить войну. Переговоры проходили медленно, так как форма предложений о заключении мира не устраивала императора и его окружение. В свою очередь Маргарита Австрийская, представлявшая на этих переговорах императора, советовала своим дипломатам опираться на статьи Мадридского мира. Тем временем римский папа Климент VII заключил 29 июня 1529 г. мирный договор с Карлом V в Барселоне. Не имея помощи со стороны итальянских князей — участников Коньякской лиги и Англии, он был вынужден пойти на этот шаг, получив обратно от итальянских государств ряд территорий и восстановив власть клана Медичи во Флоренции. Вопрос о Милане был отложен⁵¹.

В августе 1529 г. Камбрейский мир был подписан. Его называют также «дамским миром», так как главными участниками переговоров были Маргарита Ангулемская и Маргарита Австрийская. Правда, обе дамы предлагали отнюдь не женские, то есть не мирные способы решения политических проблем: руководившая действиями Маргариты Ангулемской Луиза Савойская подталкивала Франциска I к тому, чтобы оспаривать правильность избрания Карла V императором, а сама Маргарита Австрийская предлагала ликвидировать независимость Венецианской республики. Но все же обе женщины хотели заключения мира, понимая пагубность сложившегося положения⁵². По условиям Камбрейского мира, Империя признавала права Франции на Бургундию. Для Франции подписание Камбрейского мира было единственным выходом, тем более что французский король не собирался выполнять его условия. Нарушив один раз свою рыцарскую клятву, он продолжал применять двойную мораль в политике. 21 октября 1529 г. на аудиенции он заявил послу императора, что у него есть великое желание помочь венгерскому королю (то есть эрцгерцогу Австрийскому Фердинанду) в борьбе против турок, причем это заявление было сделано в присутствии послов Англии, Венеции, Феррары, Флоренции и герцога Сфорца⁵³.

Спустя семнадцать лет и четыре месяца, уже на смертном одре, Франциск I признался, что подписание мира в Камбре было очень удобным моментом для нанесения в союзе с турками удара в спину императору. Но турки выступили поздно и с 27 сентября по 14 октября 1529 г. безуспешно осаждали Вену. Кроме того, французского короля сдерживало нахождение в плену двух его сыновей, за которых он, согласно условиям Камбрейского мира, должен был заплатить выкуп в один миллион двести тысяч крон. Итоги Барселонского и Камбрейского мира оказались печальными для Италии, ибо независимость сохранили только Венеция, Флоренция и папская область. Габсбурги стали фактическими хозяевами Италии. Франция сохранила за собой лишь Пьемонт, но он был важен как плацдарм для возможного нового вторжения в Италию. Венеция придерживалась нейтральной позиции. Военные действия чаще велись теперь на территории Прованса, Фландрии и Северо-Восточной Франции. Итальянские войны в еще большей степени переросли в общеевропейский конфликт, тесно связанный со шмалькальденскими войнами и турецкими нашествиями.

После заключения Камбрейского мира инициатива в западноевропейских делах перешла в руки Габсбургов. Император не только не довольствовался формальным признанием вассальной зависимости французского короля, но и намеревался использовать военные силы Франции в борьбе против турок. Однако Франциск I отнюдь не собирался предоставлять свою армию в распоряжение Карла V. Составленный в этом духе ответ французского короля императору был истолкован Карлом V в самом дурном смысле. Зная, что германские князья опасались вторжения турок в их владения, император изображал французского короля как союзника Османской империи. Поскольку Карл V сам нуждался в помощи князей для отражения турецкого нашествия летом — осенью 1532 г., никаких решительных действий против них он предпринять не мог. Кроме того, стоило туркам начать отступление, как германские князья стали отзываться свои войска под тем предлогом, что они посылали их для защиты отечества, а не завоевания новых земель. Франциск I все это прекрасно видел и, разумеется, не преминул воспользоваться.

Вообще же его дипломатия в эти годы развивалась по следующим направлениям: укрепление контактов с протестантскими князьями Германии и Англией, заигрывание и интриги с папой Климентом VII и некоторыми итальянскими князьями, сближение с Османской империей. Видя, что Климент VII тяготеет к уготованной ему императором ролью младшего партнера, Франциск I настойчиво предлагал папе союз, гарантией которого должен был послужить брак старшего сына французского короля Генриха (будущий король Генрих II) и племянницы римского папы Екатерины Медичи, той самой знаменитой Екатерины Медичи, политиканши и интриганки, матери трех последних королей из династии Валуа — Франциска II, Карла IX и Генриха III, женщины, занимавшей такое важное место в истории религиозных войн во Франции и так ярко охарактеризованной в романах Дюма-отца, Проспера Мериме и Генриха Манна. Весной 1533 г. в Марселе состоялась встреча папы и французского короля, не имевшая, впрочем, серьезных последствий, ибо Климент VII, опасаясь негативной реакции императора, предпочитал политику лавирования между Карлом V и Франциском I⁵⁴. Тем не менее, даже такая политика давала французскому королю надежду на новое вмешательство в итальянские дела.

Некоторые надежды давала Франциску I и позиция Англии. Генрих VIII в обстановке начавшейся в стране Реформации был настроен враждебно по отношению к Империи. Но вместе с тем английский король не собирался давать Франции ни денег, ни солдат. Заигрывания Франциска I с Климентом VII,

которого Генрих VIII считал личным врагом, не нравились английскому королю. Узнав о встрече в Марселе, он громогласно назвал французского короля предателем. Обстановка постепенно накалялась. Дело шло к новой франко-габсбургской войне, причем, в отличие от предыдущих войн, союзники Франции находились не в Италии, а за ее пределами, и координировать их действия было практически невозможно: ведь союзниками, фактическими или потенциальными, были Англия, протестантские князья Германии и Османская империя. Естественно, что все они преследовали свои собственные политические цели и не всегда могли прийти на помощь французскому королю. Важнейшим препятствием на пути сближения между Францией и протестантскими князьями Германии были конфессиональные различия. Согласно условиям Нюрнбергского мира 1532 г., без религиозного единства, а это означало признание лютеранства во Франции в качестве официального вероисповедания, военно-политический союз был невозможен из-за немедленного нападения войск императора на земли протестантских князей. У лютеран же во Франции были слабые позиции. Хотя известный гуманист Лефевр д'Этабль выдвинул тезис об оправдании верой, то есть непосредственного общения верующих с Богом, до Лютера этот тезис не нашел благодатной почвы во Франции, тогда как в Германии стал знаменем Реформации. Во Франции католическая церковь фактически подчинялась королевской власти. Во время итальянских войн происходила сложная политическая игра между французскими королями и римскими папами. Французская корона пыталась поставить под свой контроль Святой Престол, тогда как римские папы в зависимости от военно-политической ситуации объявляли французских королей раскольниками и еретиками. Разграничение прав королевской власти и прав римского папы было сделано еще в «Прагматической санкции» 1438 г. при короле Карле VII. Во время похода 1515—1516 гг. в Италию Франциск I вынудил папу Льва X подписать «Болонский конкордат», подтверждавший «Прагматическую санкцию» и предоставлявший французскому королю право назначать епископов с последующим подтверждением этого (зачастую чисто формальным) в папской курии. Конкордатом решался вопрос о том, под чьим контролем должна находиться католическая церковь во Франции. Следовательно, королевская власть во Франции не нуждалась в серьезной ломке отношений между церковью и государством, наподобие той, которая произошла в ряде германских княжеств, Англии, Швеции и Дании. Крестьянство оставалось приверженным католической церкви, богатые ремесленные цехи также придерживались королевской веры, то есть католицизма, к нему тяготела и большая часть дворянства⁵⁵.

Поддержка автономии французской церкви, с одной стороны, давала короне возможность использовать церковные доходы и земли в своих целях, а с другой, — укрепляла королевскую власть⁵⁶. Поэтому французская монархия на первых порах не видела в лютеранстве большой опасности. Веротерпимость Франциска I объяснялась также тем, что его собственная сестра Маргарита Наваррская была лютеранкой. Во всяком случае, король одно время даже защищал лютеран от преследований, которые хотели обрушить на них теологи Сорбонны. Но все это были по большей части словесные, нежели конкретные, меры. Правительство просто хотело успокоить сорбоннских ревнителей католической веры. Франциск I прекрасно понимал, что протестантские князья Германии понадобятся ему в качестве союзников против Габсбургов, и поэтому не хотел отпугивать их ненужными, с точки зрения государственных интересов, преследованиями малочисленных лютеран во Франции. Лишь когда в 1534—1535 гг. лидер лютеран во Франции фанатик Антуан Маркур стал распространять листовки с изложением принципов лютеранства, на лютеран

обрушились гонения. Выступление сторонников Маркура, называвшихся плакарами (то есть распространяющими листовки — плакаты), стало толчком к проведению репрессий. Сорбонна могла торжествовать победу. В январе 1535 г. в Париже было сожжено около 300 лютеран. Сам король со свечой в руке возглавлял процессию, ведущую еретиков на казнь⁵⁷. Члены кружка Маргариты Наваррской, естественно, не пострадали, но им пришлось сократить свою деятельность.

Главная причина преследований заключалась не в лютеранской угрозе, поскольку, как мы могли убедиться, она была несущественной, а скорее в страхе перед тем, что распространение лютеранства приведет к возникновению во Франции анабаптизма. В Мюнстере уже была к тому времени установлена «коммуна», и французская монархия боялась ее влияния на простолюдинов во Франции⁵⁸. Следующий раунд преследований лютеран произошел в 1538 г. в связи с временным примирением Франциска I и Карла V, и был он скорее показательным, чем серьезным⁵⁹. Но после подавления движения плакаров настал час Кальвина, возглавившего в эмиграции в Женеве своеобразную теократическую республику. Учение Кальвина было привлекательным как для буржуа, так и для части дворянства, к тому же он был француз, и именно во Франции в первую очередь развернули свою деятельность его миссионеры. Кальвинистская Реформация уже реально угрожала монархии, так как в поддержке галликанской церкви и религиозного единообразия король видел важнейшее условие стабильности общества, тогда как религиозный плюрализм рассматривался как угроза единству государства. Поэтому в последние годы царствования Франциска I, а затем в царствование его сына Генриха II (1547—1559) были приняты жесткие меры против протестантов⁶⁰. При Генрихе II часть дворянства, особенно южнофранцузского, недовольного результатами итальянских войн, не принесших ему значительного обогащения, а также ряд вельмож, таких как принц Конде и Бурбоны, приняли кальвинизм как форму политической и религиозной оппозиции влиянию герцогов Гизов, усиливших свои позиции при дворе Генриха II (через их родственницу, любовницу Франциска I и Генриха II Диану де Пуатье) и последних Валуа⁶¹.

Все эти события произойдут позднее, а в первой половине 40-х гг. XVI в. французская монархия деятельно вела переговоры с протестантскими князьями Германии, надеясь с помощью дружественных отношений с ними сковать часть сил императора в Германии и тем самым развязать себе руки в Италии. Весной 1532 г. в Германию был отправлен Гийом дю Белле с тем, чтобы уверить германских князей в готовности Франциска I защищать их «свободы, права и обычаи»⁶². Французский король усиленно приглашал в Париж ближайшего сподвижника Лютера крупного теолога Филиппа Меланхтона, которого он рассматривал как гуманиста эразмианского толка⁶³, рассчитывая найти с ним компромиссное решение религиозных разногласий. Однако курфюрст Саксонский Иоганн Фридрих I в довольно грубой форме запретил Меланхтону выезжать из Саксонии, поскольку опасался негативной реакции императора. Сам же Меланхтон в письме к известному французскому дипломату кардиналу Жану дю Белле от 22 марта 1535 г. писал о том, что он потратил много усилий на примирение противоборствующих сторон и установление спокойствия в христианском мире⁶⁴. В декабре 1535 г. Гийом дю Белле снова побывал в Саксонии, но Иоганн Фридрих по-прежнему подчеркивал чисто религиозный характер Шмалькальденского союза, хотя было совершенно ясно, что он просто опасался императора и потому демонстрировал лояльность по отношению к нему⁶⁵.

Все же Франциск I не унывал. Его политика в эти годы так или иначе продолжала строиться на трех основных принципах: непосредственной конф-

ронтации с императором, утверждении дружбы с Генрихом VIII и расширении на всех фронтах числа врагов Карла V ⁶⁶. Французская монархия деятельно готовилась к новой войне, причем ее первоначальной целью ставилось покорение Милана. Во Франции была проведена военная реформа. Одновременно усиливались флот и артиллерия, набирались наемники из Швейцарии, Германии и Италии. Инициатором войны выступила Франция. Ее войска вторглись в Савойю, откуда им открывался путь на Милан. Французская монархия выбрала для нападения довольно удачный стратегический момент, так как имперские войска во главе с императором в это время находились в Тунисе. Но с дипломатической и политической точек зрения его вряд ли можно назвать удачным, ибо в глазах остальных государей Европы Франциск I выглядел чрезвычайно неприглядно, так как наносил императору удар в то самое время, когда Карл V выступал в качестве защитника христианского мира от его врагов — турок. Пока армия Франциска I застряла в Савойе и Пьемонте, Карл V, окрыленный своими успехами в Африке, быстро высадился в Италии и направился с войсками во Францию. Император стремился опередить французскую армию, рвавшуюся в Северную Италию, причем он и новый имперский канцлер Гранвела считали, что лучшим способом одолеть французского короля являлось непосредственное вторжение во Францию. Стремительный рейд войск Карла V напугал Франциска I, допустившего грубую ошибку, когда он, надеясь с помощью переговоров получить герцогство Миланское, приостановил начавшееся наступление своей армии в Пьемонте. А императору удалось перехватить инициативу в военных действиях. Он сосредоточил на границах Франции большую армию (в разных оценках — 50 и 80 тыс. солдат) и был уверен в победе. В его высказываниях сквозили высокомерие и надменность по отношению к французам. Однако уже в первые недели вторжения в Прованс уверенность императора пошатнулась. Армии недоставало продовольствия и фуража, так как большинство жителей покидало деревни, уводя скот, унося продовольствие. Дороги, переправы и реки находились под контролем французских войск. Не дав ни одного сражения и не понеся потерь в боевых действиях, имперские войска были вынуждены повернуть в Италию. Во время отступления императорской армии развернулась настоящая партизанская война. Крестьяне нападали на арьергарды войск императора. Их действия поддержала французская армия. Император был вынужден отступить. Итоги этой войны свидетельствовали о том, что народ Франции, вынесший на себе основные тяготы войны, защитил ее суверенитет ⁶⁷.

У обеих враждующих сторон не нашлось достаточно сил и средств для продолжения войны. После перемирия начались переговоры, инициатором которых выступил новый римский папа Павел III из рода Фарнезе, хитрый и осторожный политик. Пытаясь сделать папский престол лидером борьбы христианской Европы против турок, он видел необходимым условием прекращения франко-габсбургского соперничества и итальянских войн. Но еще более важной своей задачей Павел III считал победу над Реформацией. Он пытался восстановить авторитет католической церкви и, в отличие от многих своих предшественников, проповедовал строгий аскетизм, хотя сам отнюдь не был аскетом. Естественно, что важнейшим условием Контрреформации для него было примирение Франции и Империи. Выше уже говорилось о том, что переговоры в Ницце в июне 1538 г. закончились заключением мира, причем обе стороны поклялись в дружбе и отказались от взаимных претензий. Впрочем, верить Франциску I можно было так же, как при заключении всех предыдущих мирных договоров. Подписывая их, он вполне мог вскоре же нарушить их условия. Но противоречия оставались неразрешимыми. Габсбурги рассматривали Францию скорее как младшего партнера, а французская монархия не оставляла

надежд на подчинение Милана. Поэтому возникновение новой войны между Францией и Империей отнюдь не было чем-то удивительным. Карл V начал войну против Франции в союзе с Англией, которую удалось привлечь обещаниями расширить английскую торговлю в Нидерландах. Франция пыталась получить поддержку датского и шведского королей, но те определенного ответа не дали. Как и в 1536 г., имперские войска не достигли главной цели — Парижа, будучи вынуждены повернуть обратно. Англия, часть сил которой отвлекли союзники Франции — шотландцы, не оказала императору большой помощи. Весной 1544 г. герцог Энгиенский одержал победу над испанцами в Пьемонте, но Карл V нанес контрудар в северо-восточной Франции. Армия императора потеряла шесть недель, осаждая крепость Сен-Дизье. Тем временем французский король вел затяжные переговоры, в которых активное участие принимал исповедник королевы Элеоноры испанец Габриель де Гусман. 18 сентября 1544 г. был заключен мир в Крепи, не разрешивший, однако, как и все предыдущие соглашения, основных противоречий⁶⁸.

Полученную передышку император использовал для подготовки войны против протестантов в Германии, тогда как Франция вплоть до лета 1546 г. находилась в состоянии войны с Англией и, истощив свои ресурсы, не смогла ни помочь германским протестантам в первой Шмалькальденской войне, ни начать военные действия в Северной Италии. Правда, Франциск I в конце 1546 — начале 1547 г. пытался создать новую антигабсбургскую коалицию, надеясь привлечь на свою сторону итальянских и германских князей. Он опасался решительной политики Карла V в Германии и собирался отправить посольство в Англию для заключения соглашения о помощи протестантам⁶⁹.

Это могло бы помочь и в решении итальянских дел. Но в последние два года своей жизни Франциск I мучился из-за одолевавшей его болезни. 31 марта 1547 г. он скончался в Рамбуйе, а похоронен был в традиционной усыпальнице французских королей в аббатстве Сен-Дени. К тому моменту, когда Франциск I ушел из мира и соответственно с политической арены, проблемы, которые он стремился решить за время своего царствования, так и остались нерешенными. Соперничество с Империей, казалось, стало бесконечным, союз с протестантскими князьями Германии так и не был осуществлен по причине религиозных и политических разногласий, восточная политика французского короля, благодаря императорской пропаганде, стала одиозной в глазах жителей Империи. Союз с Англией потребовал ликвидации важного для Франции союза с шотландцами. Лишь со швейцарскими кантонами удалось достичь постоянного мира, но он не определял основных направлений французской политики. Не удалось Франциску I реализовать свои планы в Италии⁷⁰, на которых во многом строились расчеты французского короля на укрепление внутреннего и внешнего положения французской монархии. Франциск I беспрерывно играл в политике, создается даже впечатление, что он наслаждался этой игрой. Но порой приходилось игру прекращать и принимать решительные меры. В последние годы его царствования окончилась и пора веротерпимости в религиозной политике Франциска I. Эдикт Фонтенбло 1540 г. как бы подвел черту под этим периодом, не остановив, однако, развития Реформации в стране. Напротив, с конца 1540-х гг. началось широкое проникновение во Францию кальвинизма. Генриху II, опрометчиво связавшему себя с Гизами, также не удалось решить проблемы Франциска I. Все же главными результатами политики Франциска I были создание основ французской абсолютной монархии и сохранение независимости Франции в борьбе против Империи Карла V.

1. ЛЕ РУА ЛАДЮРИ Э. Королевская Франция (1460—1610) от Людовика XI до Генриха IV. М. 2004, с. 141—144, 148; КОЛЕР А. Франциск I. 1515—1547. Французские короли и императоры. Ростов-на-Дону. 1997, с. 68—70.
2. SEWARD D. Prince of the Renaissance. The Life of Francis I. L. 1973, p. 28; KNECHT R. Francis I. Cambridge. 1982, p. 83—84, 408—409, 429—431.
3. HACKETT. Francis the First. N.Y. 1935, p. 127.
4. SEWARD D. Op. cit., p. 174.
5. JACQUART J. François I. Paris. 1981, p. 183.
6. CASTELOT A. François I. Paris. 1983, p. 41.
7. JACQUART J. Op. cit., p. 301.
8. Ibid., p. 111, 120.
9. COORNAERT E. Les Français et le commerce international à Anvers. Fin du XVe — XVIe siècle. T. 1. Paris. 1961, p. 130 ; PONVIER J., MARTIN H.-G. Finances et financiers de l'ancien régime. Paris. 1964, p. 70, 88—89.
10. История Франции. Т.1. М. 1972, с. 173; ЛЮБЛИНСКАЯ А.Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630—1642 гг. Л. 1982, с. 233.
11. SEYSSEL C. de. La monarchie de France. Paris. 1961, p. 103, 11, 121, 155—156.
12. КОЛЕР А. Ук. соч., с. 76—77.
13. KOHLER A. Expansion und Hegemonie. Internationale Beziehungen 1450—1559. Paderborn u.a. 2008, s. 132—133.
14. TAUBER CH. Manierismus und Herrschaftspraxis. Die Kunst der Politik und Kunstpolitik am Hof von François Ier. Berlin. 2009.
15. GIONO J. Le desastre de Pavie. 24 février 1525. Paris. 1963, p. X.
16. LOT F. Recherches sur les effectifs des armées françaises. Des guerres d'Italie aux guerres de religion. 1494—1562. Paris. 1962, p. 41.
17. OMAN CH. A History of the Art of War in Sixteenth Century. L. 1937, p. 172, 185.
18. WEICKER B. Die Stellung der Kurfürsten zum Wahl Karl V im Jahr 1519. Berlin. 1901, S. V—VI.
19. Négotiations diplomatiques entre la France et l'Autriche durant les trente premières années du XVI siècle. Par M. LE GLAY. T.II. Paris. 1835, p. 125—133.
20. SENECA F. Il convegno di Verona del 1519—1520. Ricerche storiche et economiche in memoria di Corrado di Barbagallo. Napoli. 1970, p. 261—273.
21. HACKETT F. Op. cit., p. 232, 250; KOHLER A. Karl V. 1500—1558. Eine Biographie. München. 2005, S.158 etc.
22. МОСИНА З.В. Карл V и коннетабль Бурбон. — Вопросы истории. 1948, № 2.
23. DUHAMEL P. Le connétable de Bourbon ou l'honneur de trahir. Paris. 1971, p. 15, 73—74.
24. JACQUART J. Op. cit., p. 400.
25. DUHAMEL P. Op. cit., p. 144.
26. SEWARD D. Op. cit., p. 125.
27. DUHAMEL P. Op. cit., p. 165, 274.
28. GIONO J. Op. cit., p. 44.
29. MONNET C. La dernière campagne de Bayard (Piemont-Lombardie). Grenoble-Torino. 1961, p. XX—XXI.
30. GIONO J. Op. cit., p. 142.
31. GUICCIARDINI F. Istoria d'Italia. Vol. 7. Milano. 1803, p. 138.
32. HACKETT F. Op. cit., p. 283.
33. GIONO J. Op. cit., ch. V.
34. Captivité du roi François Ier. Paris. 1847, p. 243.
35. КОЛЕР А. Ук. соч., с. 82—83; ERLANGER PH. Charles V. Paris. 1997, p. 160—171.
36. HACKETT F. Op. cit., p. 314—315.
37. Captivité..., p. 198.
38. Ibid., p. 466—478.
39. DUHAMEL P. La captivité de François Ier et des dauphins. Paris. 1958.
40. GUICCIARDINI F. Op. cit., vol. 8, p. 291—292; Captivité..., p. 530.
41. Négotiations de la France dans le Levant. T.I. Paris. 1848, p. 41—46.
42. URSU J. La politique orientale de François Ier. Paris. 1908, p. 25—26.
43. Ibid., p. 31.
44. Négotiations..., p. 117—118.
45. Ibid., p. 157.
46. Ibid., p. 283—294.
47. Ibid., p. 425.
48. История Италии. Т.1. М. 1970, с. 463.

49. GUICCIARDINI F. Op. cit., vol. 10, p. 12.
50. *Négotiations diplomatiques...*, t. II, p. 685.
51. RUSSELL J. *Diplomats at Work. Three Renaissance Studies*. Phoenix Mill. 1992, p. 105—112.
52. *Ibid.*, p. 138—140; HACKETT F. Op. cit., p. 355.
53. *Négotiations diplomatiques...*, t. II, p. 713, 718.
54. MEGLIO G. di Carlo V e Clemente VII dal carteggio diplomatico. Milano. 1970, p. 133, 168.
55. HAUSER H. *Etudes sur la réforme française*. Paris. 1909; *История Франции*, т. 1, с. 182—183; ПЛЕШКОВА С.Л. Франция XVI — начало XVII века. Королевский галликанизм (церковная политика монархии и формирование официальной идеологии). М. 2005, с. 32—37.
56. ПЛЕШКОВА С.Л. Ук. соч., с. 80—85.
57. *Cronique du roi François, premier de ce nom*. Paris. 1860, p. 129.
58. KNECHT R. *Early Reformation in England and France: a Comparison*. — *History*. 1972, № 189, p. 14—16.
59. BAILLY AU. *François Ier*. Paris. 1961, p. 148.
60. BAILLY AU. *La Réforme en France jusqu'à l'édit de Nantes*. Paris. 1960, p. 169—170; ПЛЕШКОВА С.Л. Ук. соч., с. 188—189.
61. HAUSER H. Op. cit., p. 102.
62. *Mémoires du Martin et Guillaume du Bellay*. T.II. Paris. 1910, p. 135—136.
63. SEIDEL K. *Frankreich und die deutschen Protetanten 1534—1535*. Münster. 1970, S. 137.
64. *Correspondance du cardinal Jean du Bellay*. T.I. Paris. 1969, p. 475, 477.
65. SEIDEL K. Op. cit., S. 170, 177.
66. JACQUART J. Op. cit., p. 229.
67. МОСИНА З.В. Из истории борьбы французского народа за национальное государство (вторжение испано—германских войск во Францию в 1536 г.). Средние века. М. 1953.
68. КОЛЕР А. Ук. соч., с. 88—89.
69. *Lettres, mémoires d'état des rois, ambassadeurs et autres ministres, sous les régnes de François Premier, Henry II et François II*. T. I. Paris. 1666, p. 635—636.
70. JACQUART J. Op. cit., p. 349—350.

Происхождение регулярного государства Петра Великого

С.А. Нефедов

IV. Каковы были последствия европейской поездки Петра I? «Пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию — Голландиею», — писал Н.М. Карамзин¹. Вернувшись в Москву, Петр принялся резать бороды боярам, заставил горожан носить «немецкие» кафтаны, перенес празднование Нового года на 1 января. Конечно, эти поспешные меры были свидетельством увлеченности царя и имели поверхностный характер: они не затрагивали ни экономику, ни социальную сферу. Более важными были меры по созданию флота — ведь мореплавание было основой процветания Голландии. Приступая к реализации своего плана, Петр нанял в Голландии и Англии более пятисот мастеров-ремесленников, офицеров и матросов². Было законтрактовано даже несколько профессоров для обучения будущих офицеров, в том числе математик из Абердинского университета Генри Фарварсон. Нанятые голландцы в большинстве стали матросами Азовской флотилии; командовать ею должен был адмирал Корнелис Крюйс, которого амстердамский бургомистр Витсен с трудом уговорил принять предложение Петра I³.

Хотя Великое посольство отправилось в Голландию с целью укрепления антитурецкой коалиции, советы Вильгельма III и Витсена навели Петра на мысль о приобретении порта на Балтике. Выход на Балтику был необходим для реализации «каспийского проекта» Витсена — для организации «шелкового транзита» из Персии в Голландию, что обещало огромные прибыли как голландским купцам, так и русской казне. Однако попытка прорваться на Балтику означала неминуемую войну со Швецией. Возвращаясь из поездки в Европу, Петр встретился с польским королем Августом II и попытался договориться с ним о совместных действиях против Швеции. Но на свидании в Раве-Русской речь шла лишь о предварительном выяснении намерений: будущие союзники в то время не были готовы выступить против шведов⁴.

Причиной этой неготовности была не только продолжавшаяся война с Турцией, но и техническая отсталость русской армии. Во время путешествия

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2013, № 12; 2014, № 1, 2.

Нефедов Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

на Запад Петр познакомился с последними достижениями в военной технике. Примерно с 1660-х годов в Европе начался новый этап военной революции, связанный с появлением облегченного мушкета со штыком. Новый мушкет, «фузея» (франц. fusil), был снабжен усовершенствованным кремневым («батарейным») замком, что намного упростило зарядание. Для зарядания прежних, фитильных мушкетов требовалось совершить 42 движения-«темпа», а для зарядания фузеи только 16, что увеличило скорострельность с одного выстрела в две минуты до двух выстрелов в минуту. К тому же относительно легкая фузея могла стрелять без сошки, а вставив в дуло штык («багинет»), ее можно было использовать и как копьё⁵. Таким образом, огневая мощь мушкета резко увеличилась, а штык превратил его в комбинированное стреляющее и колющее оружие, пригодное отражать атаки кавалерии огнем и штыками. В результате присутствие пикинеров в составе батальонов стало излишним. В 1684 г. пика была снята с вооружения в австрийской армии, а затем в армиях Саксонии и Бранденбурга. На смену сложным передвижениям мушкетеров и пикинеров пришла линейная тактика: мушкетеры строились в линию из 4—6 шеренг; при приближении к противнику первая шеренга стреляла и становилась на колени (или даже ложилась), заряжая ружья, затем то же самое делала вторая шеренга, затем третья, и так далее⁶.

Австрийская армия первой пожала плоды этих фундаментальных инноваций: предводимые Евгением Савойским, они в 1697 г. разгромили турок в сражении при Зенте, а затем завоевали Венгрию. Петр I послал к принцу Евгению майора Преображенского полка австрийца Адама Вейде, который прошел стажировку в имперских войсках и даже участвовал в битве при Зенте. По возвращении в Москву Вейде на основе австрийских документов подготовил новый воинский устав под названием «Краткое обыкновенное учение».

Петр I был в курсе важнейших военных новинок; еще в Голландии он через посредство Витсена закупил для русской армии 30 тыс. фузей, а затем в Вене наблюдал за маневрами австрийских полков. Во время встречи с Августом II в Раве-Русской царь беседовал с генералом Флемингом и под его руководством принимал участие в маневрах саксонской армии. Характерно, что Петр задержался на этих маневрах на четыре дня, хотя торопился в Москву, встревоженный известиями о стрельцком бунте⁷.

Известия о новом выступлении стрельцов утвердили царя в мысли, что стрельцы исполняют волю его врагов-бояр и он может опираться только на своих преобразенцев. По возвращении в Москву 25 августа 1698 г. Петр, не заезжая в Кремль, сразу направился в Преображенское; при этом он ночевал не во дворце, а в маленьком деревянном доме, стоявшем среди солдатских казарм; вокруг этого дома были установлены пушки⁸. В следующие дни Петр устроил учение Преображенского и Семеновского полков. «Царь смотрел на воинские упражнения своих полков, — свидетельствует секретарь имперского посольства И.Г. Корб, — как только он убедился, насколько далеки эти полчища от настоящих воинов, он показывал им различные жесты и движения на самом себе»⁹ — то есть Петр самолично принялся учить солдат новой линейной тактике.

Мятеж стрельцов представлялся ему частью боярского заговора, возглавляемого тайными сторонниками Милославских. «Я царствую не над людьми, а над собаками и неразумными скотами, — говорил он имперскому послу Гвариенту. — И что еще больше печалит мой ум, я должен теперь прямо признать, что долгое время они не только старались меня погубить, но и против меня (кроме двоих или троих) лелеют дух измены»¹⁰. Дядя Петра, Л.К. Нарышкин, посоветовал ему не щадить врагов. «Царь сказал: “Ей богу, так и будет и очень скоро будет сделано в точности так, как ты советуешь”. Теперь большинство

ежечасно ждет с содроганием сердца, когда будет объявлено принятое решение об этом», — так заканчивает Гвариент свое донесение в Вену ¹¹.

Чтобы выявить вождей заговора, Петр приказал заново расследовать обстоятельства мятежа и сам участвовал в пытках стрельцов, но не нашел свидетельств против бояр. 23 октября Корб стал свидетелем спора царя с боярами, когда «не щадили ни слов, ни рук»: разъяренный царь дошел до рукоприкладства ¹². Подробности этого спора приведены в записках Джона Перри, одного из капитанов, нанятых Петром во время поездки на Запад. Оказывается, дело было не в мнимом заговоре бояр: конфликт имел финансовый характер. 11 сентября 1698 г. царь подписал указ о роспуске московских стрелецких полков: царь не доверял стрельцам — в его мнении они были «только пакасники, а не воины» ¹³. Требовалась новая, вооруженная фузеями и обученная линейному строю «регулярная» армия. Но такие солдаты обходились дороже стрельцов, и царь задумал повысить вдвое налоги с городов, а посадским людям дать городское самоуправление по типу голландского. При этом воеводы (часто происходившие из боярских родов) лишались не только власти, но и сопряженных с ней официальных и неофициальных доходов. «Но когда в торжественном собрании Господ (т.е. в Боярской думе. — С.Н.) царь сделал им это полезное предложение, — свидетельствует Перри, — то оно вызвало борьбу в среде дворян, так как отсекало значительную отрасль их власти... Убедившись, что борьба ни к чему не приведет и что под конец царь начал уже сердиться на них, они начали бояться, что несколько голов будет отрублено для примера заслушание, и принуждены были покориться» ¹⁴. Корб рассказывает, что 1—2 января 1699 г. Петр вызвал бояр в Преображенское, но даже здесь, посреди военного лагеря, они осмелились перечить царю, и в итоге одного из них пришлось высечь ¹⁵, а указ о местном самоуправлении был подписан 30 января 1699 г. как царский именной указ, без упоминания о «боярском приговоре» ¹⁶.

Вся эта борьба царя и Боярской думы сопровождалась появлявшимися слухами о новых стрелецких мятежах в Белгороде, в Азове, в других местах; в Москве каждый день совершались казни стрельцов, и царь иной раз открыто угрожал боярам ¹⁷. Датский резидент Г. Грунд писал, что эти казни вселили ужас в бояр, что царь «навел этим страх на своих подданных, которые с тех пор должны были склоняться перед ним и с величайшей покорностью выполнять его приказы» ¹⁸. Насильственное стрижение боярских бород и резание рукавов кафтанов в такой обстановке выглядит как выражение не только стремления придать знати европейскую внешность, но и желания унижить своих противников. Во время похорон Лефорта бояре прошли вперед иностранных послов, и царь сказал послам: «Это — собаки, а не бояре мои», а потом обратился к боярам со словами: «Неужели вы радуетесь его смерти?» ¹⁹. 6 января во время праздника Водосвятия Петр устроил настоящую демонстрацию военной силы: он вывел к Москве-реке одетые в новую немецкую форму Преображенский и Семеновский полки и с протазаном в руках стоял в рядах своих «янычар», наблюдая, как бояре идут к «иордани». По обычаю, царю полагалось участвовать в шествии и патриарх должен был окропить его святой водой из проруби — теперь все обычаи были забыты ²⁰.

Январь 1699 г. оказался решающим: Дума была сломлена и практически исчезла со страниц исторических документов. «Приговоры этого учреждения, прежде всем руководившего... делаются малозаметным, редким явлением; на место боярских приговоров в актах становятся именные указы и высочайшие резолюции», — констатировал Ключевский ²¹. «Самое главное, — свидетельствует Гвариент, — заключается в том, что царь с каждым днем все больше и больше убеждается, что во всей империи не найдется ни одного из его родственников по крови и никого из бояр, которым можно было бы доверить

важное дело, поэтому он *вынужден возложить тяжкое бремя империи на себя и отстранить от дел бояр* (которых он называет неверными собаками), чтобы по-новому и иначе взяться за управление»²².

Наиболее яркое описание происшедшего переворота дал прусский посол И.Г. Фоккеродт: «С этой (стрелецкой. — С.Н.) казни... Петр пользовался *самою полною самодержавною властью* в духовных и светских делах... и подлинно заставил своих дворян почувствовать иго рабства: совсем отменил все родовые отличия, присуждал к самым позорным наказаниям, вешал на общенародных виселицах самих князей царского рода... всех без исключения дворян принуждал к военной службе под страхом тяжкого наказания, не давал значения ни какой другой чести или преимуществам, кроме таких, какие присваивал каждому чин его, приобретенный службой»²³. «Он отнял у всех дворян, от высшего до низшего, самую малейшую тень их старых преимуществ, — добавляет Фоккеродт, — и отменил старинный образец, по которому в законах и указах упоминалось о согласии бояр»²⁴.

Старинная формула «Великий государь указал и бояре приговорили», которая обычно сопровождала важнейшие указы, изредка появлялись в них и после 1698 г., но, по-видимому, Ближняя канцелярия вставляла ее по традиции, уже не созывая Думу²⁵. Прусский посол верно уловил смысл перемен: царь перестал советоваться с боярами. Это особенно выразилось в общении Петра I с иностранными послами: царь теперь вел переговоры один, не соблюдая прежних официальных церемоний и сохраняя результаты переговоров в тайне от высших сановников²⁶.

Приращение Думы сопровождалось окончательным разрывом царя с патриархом Адрианом. Еще незадолго до отправления Великого посольства царь называл патриарха Государем и оказывал ему знаки почтения. Но по возвращении Петра, когда начались стрелецкие казни, патриарх осмелился прийти в застенки с иконой и умолять царя смягчить свой гнев. Это противодействие вызвало крайнее раздражение Петра, он запретил без своего разрешения создавать новые монастыри, отменил торжественное шествие патриарха на пасху, а также обычай целования царя с патриархом на Новый год. На праздновании Нового года (которое было перенесено на 1 января) патриарх по обычаю должен был благословить царя, но Адриан сказался больным, и Петр остался без благословения. В 1700 г. Адриан умер, и Петр стал управлять церковью — так же как всем государством — с помощью именных указов²⁷.

Итак, Петр I отстранил от власти Боярскую думу, взял все управление на себя и стал абсолютным, неограниченным монархом. Это был *государственный переворот*. Или «революция сверху» — как называют такие абсолютистские перевороты скандинавские историки²⁸. Самое удивительное, что этот переворот до последнего времени не был замечен историками. Е.В. Анисимов вскользь упоминает, что «по мере установления самодержавия Боярская дума... утрачивала свое значение»²⁹; Н.И. Павленко пишет об «эволюции политической системы страны в сторону абсолютизма»³⁰; Г.В. Талина отмечает, что «в середине XVII в. самодержавная Россия вступала в пору развития абсолютизма»³¹ — во всех случаях имеется в виду эволюционное развитие, которое продолжало тенденции XVII века. Лишь П. Бушкович, выявивший в венских архивах донесения Гвариента, утверждает, что «в 1699 г. Петр стал править Россией совершенно по-новому»³², и добавляет, что Н.Г. Устрялов в своей публикации этих донесений изъясил места, где говорится о конфликте царя с боярами³³. Но и Бушкович, отметивший резкие, радикальные перемены, не называет эти перемены революцией или переворотом. Почему? Он пишет, что не может ответить на вопрос, являлась ли Дума ограничителем царской власти, поскольку «в России отсутствовала научно-правовая традиция»³⁴. По его мысли, при отсут-

ствии четкой правовой фиксации прерогатив различных властей нельзя сказать, что одна из сторон нарушает эти прерогативы; нельзя сказать, что Петр совершил переворот, потому что в России не существовало конституции.

Это не совсем так. Во-первых, в России существовал Основной закон — Уложение 1649 года, и в Уложении ясно написано, что царь должен править вместе с Думой. А во-вторых, критерии современного «правового общества» неприменимы к реальностям XVII в., когда традиция играла большую роль, нежели писаное право. Согласно этой традиции, царь должен был править вместе с Думой. Лишив Думу ее властных полномочий, Петр I произвел государственный переворот.

Как согласуются эти события с теорией военной революции? В соответствии с этой теорией, создание новой армии требует больших затрат; в этой обстановке монархи пытаются ввести новые налоги и заставляют аристократию поступиться частью своих доходов. Возникающий конфликт между аристократией и монархом решается с помощью военной силы, то есть с помощью новой армии. В аналогичной ситуации в Бранденбурге «Великий курфюрст» поначалу пытался добиться введения налогов через ландтаг, но после нескольких компромиссов прекратил созывать сословия и стал собирать налоги с помощью своих солдат. В Дании под впечатлением военного поражения низшие сословия заключили союз с королем, отняли власть у аристократического риксрода и передали неограниченные полномочия королю. То же самое произошло и в Швеции. В двух последних случаях королевская гвардия стояла как бы на заднем плане, одним лишь своим присутствием заставляя аристократию смириться. Нечто подобное произошло и в России. В соответствии с теорией, создание новой армии вызвало финансовый кризис, и Петр попытался получить деньги от горожан, вместе с тем лишив аристократию части ее власти и доходов. Сопrotивление Боярской думы привело к конфликту, который Петр разрешил с помощью своих преображенцев. Ему потребовалось лишь продемонстрировать силу и приказать публично высечь одного из бояр. После этого Боярская дума утратила свои властные полномочия — ее судьба была такой же, как судьба риксрода в Дании и в Швеции.

Правда, по сравнению с датской и шведской «революциями сверху» российские события имели определенную специфику. Петр сумел обойтись без созыва «рикстага», то есть Земского собора, и не пытался противопоставить Боярской думе низшие сословия. Он разрешил конфликт с помощью военной силы — так, как это, в конце концов, сделал «Великий курфюрст». Таким образом, мы наблюдаем некий «промежуточный вариант»; исторический процесс в России следовал закономерностям «военной революции», но не повторял в точности того, что происходило в других странах.

Государственный переворот не дал Петру того результата, на который он, очевидно, рассчитывал. Царь подписал указ о городском самоуправлении, но не получил ожидаемой финансовой выгоды. Горожане в своей массе не желали приобрести самоуправление ценой уплаты двойных налогов, и в октябре 1699 г. царь был вынужден отменить это обременительное условие. Самоуправление теперь вводилось принудительно, с одной стороны, в целях создания условий для развития торговли и промыслов, с другой — как дань увлечению голландскими порядками. Что же касается финансов, то с улучшением сбора податей поступления в казну от городов возросли с 1100 до 1248 тыс. руб., слишком мало для задуманных свершений³⁵.

Еще две новые небольшие пошлины, гербовая и печатная, были лишь каплей в море. В марте 1700 г. Петр решил последовать примеру своего отца и начал чеканить медную монету. Таким образом, новая регулярная армия, как и при Алексее Михайловиче (и при Густаве Адольфе), создавалась на медные

деньги. После Нарвы, в мае 1701 г., последовал указ о перечеке серебранных денег с увеличением номинала. В 1701 г. эксплуатация монетной регалии дала 792 тыс. рублей³⁶. Это была политика, чреватая инфляцией, но зная о Медном бунте, Петр ограничивал размеры чеканки, и рост цен поначалу был небольшим.

Итак, Петр I произвел государственный переворот, лишил власти боярскую аристократию и приступил к созданию новой армии, но армия создавалась на медные деньги, и такое инфляционное финансирование не могло продолжаться бесконечно. Провести же радикальную финансовую реформу Петр пока не решался. Теория военной революции говорит о том, что создание регулярной армии требует введения новых налогов, что вызывает конфликт между монархией и аристократией. В Дании и Швеции этот конфликт завершился не только потерей аристократией власти, но и ликвидацией ее налоговых привилегий и конфискацией части ее владений. Таким образом, главная реформа Петра Великого была еще впереди.

Идею о том, что совершенный Петром I переворот был генетически связан с созданием регулярной армии, высказывали ранее многие историки. Наиболее ясно эту мысль выразил Н.П. Павлов-Сильванский: «С образованием сильного регулярного войска центральная власть усиливается у нас, как и на западе, и московское патриархальное самодержавие превращается в императорский абсолютизм»³⁷.

Ядро петровской армии составили два регулярных полка, сохранившиеся от войска царя Алексея (Бутырский и Лефортов) и два полка, сформированных из «потешных» (Преображенский и Семеновский). Петр называл Преображенский полк просто «моим полком», в официальных документах он назывался «царский оберегательный полк», а с 1700 г. этот полк (вместе с Семеновским) именовался «лейб-гвардией», то есть «телохранителями» (царя). Преображенцы уже давно играли роль «оберегателей царя», но в окончательном оформлении гвардии, вероятно сказалось влияние шведского образца. О функциях лейб-гвардии (Livgardetillföt) Петр подробно расспрашивал шведского резидента Книпера и, конечно, знал о том, что шведские дворяне служили в гвардии солдатами наравне с простолюдинами. Кроме того, шведская гвардия не только охраняла короля, но и выполняла функции офицерской школы, а рядовые гвардейцы часто получали назначение офицерами в армейские полки³⁸. Лейб-гвардия была опорой Карла XI, и копирование Петром I этого главного инструмента абсолютизма указывало направление дальнейшего политического развития.

В 1699—1700 гг. фактической резиденцией царя был Генеральный двор в Преображенском, а офицеры Преображенского полка — его ближайшими сотрудниками. Петр считался капитаном этого полка и еще с «потешных» времен поддерживал с солдатами и офицерами дружеские отношения, праздновал вместе с ними, ходил в гости, крестил детей. Позднее, во времена Империи, всякое летнее празднество начиналось с парада гвардии, а потом гвардейцев приглашали к расставленным на лугу столам³⁹. Разумеется, это была отнюдь не бескорыстная любовь, Фоккеродт отмечал, что «Петру I было известно по опыту, какая сильная опора для монархического правления обученное войско»⁴⁰. Недаром жалование гвардейцев было вдвое больше, чем у простых солдат. Некоторые авторы утверждают, что в гвардии служили только дворяне, но это не так, в 1720-х годах простолюдины по происхождению составляли более половины (56%) рядовых гвардейцев и десятую часть офицеров⁴¹.

В мае—июне 1699 г. «московским чинам», стольникам, стряпчим и жильцам, было приказано явиться в Преображенское, где генерал А.М. Головин осматривал их на предмет годности к службе; признанные годными были отданы в учение пехотному строю⁴². Обучение проводилось по новому уставу, написанному Адамом Вейде, причем Петр иногда сам учил рекрутов⁴³. При

этом устав Вейде предусматривал «стрельбу падением»: выстрелив, шеренга «падала» на землю, зачастую в грязь, и, лежа в грязи, заряжала фузеи⁴⁴. Саксонский генерал Ланген писал, что сыновья вельмож определяются в службу рядовыми, что при обучении их не церемонятся и в унтер-офицеры производят только тех, кто исправно исполняет солдатские обязанности⁴⁵. В этом заключалось нечто новое: русские дворяне раньше не служили в пехоте, не испытывали на себе солдатскую муштру и не делали тяжелую работу; все это считалось унижением дворянского достоинства. Многие дворяне пытались уклониться от солдатской службы, давали взятки, чтобы их зачислили в тыловые службы, или симулировали болезни. Петр сам проверял годность дворян к службе, уклонившихся секли плетью, заставляли продавать поместья и отправляли в ссылку в Азов⁴⁶.

Эти перемены были составной частью государственного переворота Петра Великого. Петр не только лишил власти Боярскую думу, как пишет Фоккеродт, царь «всех без исключения дворян принуждал к военной службе под страхом тяжкого наказания, не давал значения никакой другой чести или преимуществам, кроме таких, какие присваивал каждому чин его, приобретенный службой». Таким образом, основной принцип петровского регулярного государства, возвышение исключительно по заслугам, а не по «породе», проявился сразу после переворота 1698 года. Этот принцип был следствием воспитания Петра и его дружбы с голландскими плотниками и немецкими офицерами; он был подкреплен обычаями военного братства «потешных» и затем усилен впечатлениями, полученными в Голландии. В Москве, так же как в Дании, принцип равенства независимо от происхождения был результатом голландского влияния.

(Окончание следует)

Примечания

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00114 «Волны вестернизации в России (XVII — начало XX в.)».

1. КАРАМЗИН Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. 1991, с. 36—37.
2. УСТРЯЛОВ Н. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб. 1858, с. 576—582.
3. ДРИССЕН Й. Царь Петр и его голландские друзья. СПб. 1996, с. 18.
4. ВОЗГРИН В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л. 1986, с. 68—69; УСТРЯЛОВ Н. Ук. соч., с. 186; БОБЫЛЕВ В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М. 1990, с. 26.
5. МАРКЕВИЧ В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб. 1994, с. 70, 155; РАЗИН Е.А. История военного искусства. СПб. 1994, с. 490.
6. РАЗИН Е.А. Ук. соч., с. 491; ПУЗЫРЕВСКИЙ А.К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб. 1889, с. 66.
7. БОБРОВСКИЙ П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 1. СПб. 1900, с. 336—337, 355—358; УСТРЯЛОВ Н. Ук. соч., с. 186; История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М. 2004, с. 198.
8. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Петр I. Материалы к биографии. Т. 3. М. 2007, с. 8; ЮЛЬ Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом. В кн.: Лавры Полтавы. М. 2001, с. 180.
9. КОРБ И.Г. Дневник путешествия в Россию (1698 и 1699 гг.). СПб. 1906, с. 80.
10. Цит. по: БУШКОВИЧ П. Петр Великий. Борьба за власть. СПб. 2008, с. 209.
11. Цит. по: там же.
12. КОРБ И.Г. Ук. соч., с. 100.
13. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Ук. соч., т. 4. М. Б.г., с. 187.
14. ПЕРРИ Д. Другое и более подробное повествование о России. — Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР), 1871, № 2, с. 123—151.

15. КОРБ И.Г. Ук. соч., с. 107—108.
16. ПСЗ-1. Т. 3. СПб. 1830, с. 598.
17. КОРБ И.Г. Ук. соч., с. 100, 140, 143.
18. ГРУНД Г. Доклад о России в 1705—1710 годах. М. 1992, с. 126.
19. Там же, с. 137, 138.
20. ЖЕЛЯБУЖСКИЙ И.А. Дневниковые записи. В кн.: Рождение империи. М. 1997, с. 311.
21. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Боярская дума Древней Руси. М. 1882, с. 447.
22. Цит. по: БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 213.
23. ФОККЕРОДТ И.Г. Россия при Петре Великом. В кн.: Неистовый реформатор. М. 2000, с. 33—34.
24. Там же, с. 32.
25. БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 216.
26. ПАВЛЕНКО Н.И. Петр Великий. М. 2010, с. 127.
27. Адриан. — ЧОИДР, 1848, № 8, с. 30—34.
28. A revolution from above? The power state of 16th and 17th century Scandinavia. Odense. 2000.
29. АНИСИМОВ Е.В. Время петровских реформ. Л. 1989, с. 151.
30. ПАВЛЕНКО Н.И. Ук. соч., с. 107.
31. ТАЛИНА Г.В. Выбор пути: русское самодержавие второй половины XVII — первой четверти XVIII века. М. 2010, с. 143.
32. БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 216.
33. Там же, с. 208.
34. Там же, с. 34.
35. МИЛЮКОВ П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб. 1905, с. 91; БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Ук. соч., т. 4, с. 370—371.
36. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 91.
37. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ Н.П. Феодализм в древней Руси. М. 1924, с. 155.
38. БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 182; БЕСПАЛОВ А.В. Армия Карла XII: организация и военное искусство в 1700—1709 гг. М. 2002.
39. БАССЕВИЧ Г.Ф. Записки. В кн.: Юность державы. М. 2000, с. 180.
40. ФОККЕРОДТ И.Г. Ук. соч., с. 34.
41. БОЛТУНОВА Е.М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М. 2011, с. 122, 176; ЮЛЬ Ю. Ук. соч., с. 196.
42. ЖЕЛЯБУЖСКИЙ И.А. Ук. соч., с. 316.
43. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Ук. соч., т. 4, с. 193.
44. БОБРОВСКИЙ П.О. Ук. соч., с. 358.
45. Цит. по: УСТРЯЛОВ Н. Ук. соч., с. 348. См. также: БОБРОВСКИЙ П.О. Ук. соч., с. 378.
46. ЖЕЛЯБУЖСКИЙ И.А. Ук. соч., с. 319, 325.

Укрепление военной безопасности Российской империи в 1906—1914 гг.

В.О. Зверев

В отечественной историографии накоплен значительный опыт изучения отдельных аспектов национальной безопасности Российской империи. По мере рассекречивания архивных документов, предметом интереса советских и российских ученых становились вопросы военной безопасности государства в межвоенный период. Внимание многих из них было сосредоточено на осмыслении специфики иностранного шпионажа и организации борьбы с ним силами розыскных органов полиции, отделений военной и морской контрразведки (разведки) в масштабе страны и за ее пределами ¹.

Введение в научный оборот многочисленных архивных материалов, в том числе дел Военного и Морского министерств, Департамента полиции МВД, их всесторонний анализ, казалось бы, позволяет перевернуть очередную страницу истории отечественных спецслужб и правоохранительных органов. Однако в этом случае, за рамками научных знаний останется ранее незатронутая проблема инициатив центральных и местных органов исполнительной (военной и полицейской) власти по укреплению военной безопасности России после ее поражения в Русско-японской войне. Между тем именно ее исследование поможет дать окончательную оценку целостности формировавшейся системы контрразведывательной защиты военных и морских секретов государства, взглянуть на персональный вклад крупных политиков и государственных деятелей в процесс совершенствования национальной безопасности страны, определить позицию царя по этому направлению государственной деятельности.

Пытаясь восполнить образовавшийся в науке пробел, сформулируем ключевые вопросы, требующие своего разрешения. Какие центральные и местные органы исполнительной власти были озадачены скорейшей реализацией комплекса контрмер против иностранных шпионов в России? Кто из министров, руководителей ведомств, местных органов административно-полицейской власти лично инициировал и реализовывал в правоприменительной практике идеи борьбы с иностранным шпионажем? В чем заключалась процедура прохождения оборонных инициатив (законопроектов) в высших исполнительных и законодательных органах власти?

Зверев Вадим Олегович — кандидат исторических наук, доцент Омской академии МВД России.

Приближаясь к искомым ответам, вкратце охарактеризуем степень военно-разведывательного вмешательства Германии, Японии и Китая в военные и морские дела России (с опорой на документалистику начала XX века).

Вскоре после возникновения на географической карте мира объединенной Германской империи, ее военно-политическая элита приступила к воплощению в жизнь идей пангерманизма. Для создания великой «Alldeutschland» была необходима победоносная война против России. Претворение агрессивных геополитических намерений предполагало обстоятельное изучение будущего противника.

Одним из эффективных инструментов сбора военной информации была дипломатическая разведка с центром в Санкт-Петербурге. Как видно из еженедельника «Известия Императорской Николаевской Военной Академии. Научно-библиографический журнал» за 1910 г., немецкие военные атташе уже не ограничивались изучением русских сухопутных сил по журналам, газетам, военной литературе и парламентским дебатам. Изыскивая возможности для посещения смотров, войсковых маневров или расположения действующих армий, они похищали военно-секретные сведения. Так, после знакомства с русскими частями на театрах военных действий Русско-японской войны, кайзеровская армия, расширила свое представление об имеющихся у них нововведениях (походные кухни, телефонная связь и пр.)².

В отличие от Германии, отождествлявшей с Россией угрозу на востоке, Япония рассматривала западного соседа в качестве потенциального противника в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Не удовлетворившись победой в минувшей войне и условиями Портсмутского мирного договора, она продолжила наращивать свои военно-морские силы и вынашивать планы очередного передела дальневосточных территорий.

В одном из январских номеров военного еженедельника для нижних чинов «Русский воин» за 1907 г. можно найти заметку под заголовком «Япония». Ее автор утверждал, что Япония «лихорадочно вооружается на море». В подтверждение своих слов он приводил ряд фактов: «2 апреля сего года в Куре был спущен один из сильнейших броненосцев “Аки” (водоизмещение 19 800 т). Он пробыл на стапели всего 8 мес. Это чрезвычайно малый срок пребывания на стапели броненосца такой величины — срок неизвестный до сего времени ни в Европе, ни в Америке. 9 мая состоялась закладка нового броненосца “Хуки” (водоизмещение 20 800 т), еще более сильного...

Артиллерийское вооружение “Хуки” очень сильно: 10 орудий 12-дм. калибра, 24 орудия 15 с.м., 7.6 с.м. и 4.7 калибра и 8 минных аппаратов, из которых 4 надводных и 4 подводных. Такой силы и такой мощности, как “Хуки”, не достигают и английские суда...»³.

Из «Записки о главнейших военных мероприятиях японцев за время после войны 1904—1905 гг.» (по сообщениям русских дипломатов к апрелю 1909 г.) следует, что кроме гонки морских вооружений недавних врагов обеспокоенность русского Генерального штаба вызывал их военный комплекс и бюджетный профицит. В донесении, в частности, говорилось, что численность ежегодно выпускаемых офицеров возросла вдвое, постоянные войска увеличились на 50 %, армия получила новое вооружение и обмундирование, создана полевая тяжелая артиллерия; с 1890 по 1908 г. экономия государственных финансов составила 500 тыс. иен⁴.

Если взять за основу приведенные документальные фрагменты, не углубляясь в их сравнительный анализ с аналогичными морскими, военными и финансовыми показателями, допустим, европейских держав, станет ясно, что в межвоенный период японцы располагали государственным бюджетом, позволявшим динамично совершенствовать свои наступательные вооружения и воо-

руженные силы на море и континенте, используя значительный интеллектуальный и финансовый ресурс.

Реализация столь крупных, дорогостоящих и конкурентноспособных военных и морских проектов была бы менее успешной, если бы Япония не обладала своевременными и достоверными агентурными сведениями о своем предполагаемом противнике. Заслуга в добывании военных секретов принадлежала японской военной разведке, активно действовавшей на территории России и, прежде всего, на ее Дальнем Востоке.

По данным М.Х. Часового, взятым из русских газет, «японцы производили съемки сибирских судоходных рек, прямо с пароходов; японские разведчики осуществляли съемки рек Сунгари, Нонни и Амура, тракта из Цицикара в Айгун и Благовещенск». Далее автор свидетельствует, что слышал от «вполне достоверных лиц: 1) о съемках пути от ст. Цурухайтуя в Стретинск, произведенной летом 1908 г. японцами при полном бездействии станичных и поселковых властей; 2) о съемке берегов Амура, произведенной японцами чуть ли не по следам русских топографов; 3) об исполненной еще в 1906-07 гг. съемке и исследовании озер Кизи, Чли и Орел в тылу Николаевска на Амуре; 4) об аренде японской компанией у китайцев знаменитых в свое время Желтугинских промыслов, откуда, как из осинового гнезда, весьма удобно будет следить за постройкой Амурской железной дороги... 6) о том, что в одном Владивостоке живет 11 офицеров японского Генерального штаба с целью шпионства... 9) о том, что из дома Важутина, занятого сверху донизу японцами, вся Безымянная батарея, расположенная внизу, как на ладони; 10) о том, что за тигровой батареей японцы наблюдают из нарочито открытого отделения магазина Кеосинша; 11) о том, что Семеновский рынок весь занят японцами, что оттуда им очень удобно наблюдать, не привлекая ничьего внимания, за проходящими мимо поездами, и за Амурским заливом, и за Золотым Рогом, и за береговыми батареями»⁵.

Особое значение отводилось сбору разведывательных данных о восстановлении выведенных из строя в Цусимском сражении кораблях русского флота. Например, в 1907 г., как пишет «Русский воин», на броненосце «Цесаревич», открытом для свободного посещения во французском Бресте, был задержан японец. По показаниям матросов, он сильно интересовался не столько устройством судна, сколько теми исправлениями, которые были сделаны после его повреждения во время Русско-японской войны⁶.

К 1909 г. вероятным союзником Японии, как следует из военной доктрины России, стал Китай. Причем японская сторона принимала деятельное участие в подготовке китайских военнослужащих по так называемому европейскому образцу. «Не без содействия японских денег и инструкторов, — рассказывал «Русский воин», — новые китайские войска довольно быстро укрупнились численно. Так, на маневрах, проходивших в 1906 г., принимало участие уже 39 батальонов, 40 эскадронов и 30 орудий этих войск. Их предположено иметь к 1910 г. — 16, а к 1913 г. — 36 дивизий»⁷.

Согласно материалу, опубликованному в «Харьковских вечерних новостях» (1911 г.) через семь лет Морское министерство Поднебесной империи построит военный флот, в составе: 8 линейных кораблей, 20 крейсеров, 10 кораблей других типов и 5 миноносков⁸.

Параллельно с процессом становления сухопутной армии и планами создания национальных военно-морских сил, Китай активно изучал российскую оборону. В 1909 г. его Военное министерство организовало разведку приграничной русской полосы усилиями местных администраций. Это подтверждается рапортом командующего Отдельным отрядом судов Амурской речной флотилии, капитана 1-го ранга Копонова на имя П.А. Столыпина⁹. Спустя год появились сообщения о первых визитах китайских военных миссий в столицу

России. В «Санкт-Петербургских ведомостях» можно было прочитать: «Вчера прибыло чрезвычайное китайское посольство, знакомящееся с постановкой морского дела в Европе. Во главе посольства стоит принц Цзай-Сиун. С ним вице-президент адмиралтейства, пять офицеров гвардии 2-го и 3-го классов и др. Всего 20 человек...»¹⁰. Наконец, к 1911 г. в приморской прессе печатались заметки о деятельности китайских шпионов, одни из которых пытались срисовать или сфотографировать мосты по линии КВЖД, другие — сумели получить чертежи этих мостов¹¹.

Сказанное указывает на возникновение в межвоенный период в китайской военной организации самостоятельной разведывательной службы. Не прекратив партнерство с японцами, китайские военные, накопившие специальные знания и умения по формам и методам сбора секретных сведений в ходе Русско-японской войны, в короткий срок создали осведомительную сеть вдоль Амура, прибегли к возможностям военного атташата, учредили агентурную разведку.

Многочисленные упоминания о германском, японском, китайском шпионаже, публиковавшиеся в столичной и региональной прессе, литературно-публицистические обзоры по вопросам военной безопасности России и их подтверждения, поступавшие по дипломатическим каналам связи, выявляли скрытую угрозу извне, которая не могла не беспокоить центральные и местные органы исполнительной власти.

Одним из первых высокопоставленных чиновников, сумевших оценить масштабы иностранного шпионажа в Российской империи и степень его опасности военным интересам государства, был директор Департамента полиции М.И. Трусевич. В своей записке «О мерах по выработке общего плана по обороне Государства» (далее — Записка) от 22 июня 1908 г. № 116784 в Совет министров он предлагал комплекс мер по борьбе с этим явлением¹².

Заметим, что с начала XX в. в «Общем плане по обороне Государства», ежегодно включавшем в себя актуальные предложения всех заинтересованных министерств и ведомств, вопрос об охране военных и морских секретов посредством их контрразведывательного обеспечения не ставился. Причина тому видится в предпочтениях Департамента полиции, Военного и Морского министерств, отдававших приоритет проектированию традиционных профилей работы — политического сыска, военной и морской разведки. Решению контрразведывательных задач отводилась второстепенная роль.

После завершения первой русской революции 1905—1907 гг., когда Департамент полиции по инерции концентрировал весь свой ресурс на подавлении политического инакомыслия в стране, его директор Трусевич, предвидя новые вызовы самодержавным устоям, сумел отойти от стереотипного понимания профессионального предназначения подчиненного ему аппарата.

В своей Записке он инициировал то, что до него, в условиях предвоенного времени, Русско-японской войны и первых лет послевоенной реорганизации армии и модернизации морского флота, на столь высоком уровне согласования и подготовки столь важного документа — «Общего плана по обороне Государства» — никто не озвучивал.

В первом из двух предложений Трусевич обратил внимание председателя правительства Столыпина на важную проблему — множество проживавших в приграничных районах империи иностранцев, которые сообщали иностранным властям о слабых сторонах русской обороны, являясь опорными пунктами для иностранных лазутчиков. В случае войны они могли оказать существенное содействие передовым неприятельским отрядам.

Действительно, указанные территории Российской империи были заселены десятками тысяч иностранных подданных. По данным официальной стати-

стики, в конце XIX — начале XX в. только немцев, к примеру, в Варшаве проживало около 17 тыс. чел., в Курляндской губернии — свыше 43 тысяч¹³. В Эстляндской губернии они составляли 26 % всего населения¹⁴. Число китайцев и корейцев только в Приморской (Владивосток, Хабаровск и другие города и населенные пункты), Амурской областях (с центром в Благовещенске) и на острове Сахалин равнялось 83 и 36 тыс. человек¹⁵.

Если проблема перенасыщения иностранцами России и специфика их профессиональной самореализации в указанное время достаточно изучены в отечественной историографии, то наличие «враждебного контура» во внутреннем пространстве империи не подтверждено и не опровергнуто до сих пор. В научной литературе встречаются разные мнения. Представители советской исторической школы¹⁶ бездоказательно утверждали, что все германские и австрийские подданные, компактно жившие в приграничных западных губерниях и стратегических центрах страны, являлись пособниками своих национальных разведок. Взгляды современных российских ученых разделились. Одни из них¹⁷, придерживаются точки зрения своих предшественников, другие, вводя в научный оборот рассекреченные архивные фонды, например Н.В. Греков¹⁸, считают, что в России межвоенного периода нередко борьба со шпионами подменялась «шпиономанией», и многие иностранцы неправомерно подвергались уголовному преследованию.

Полярность суждений в толковании прошлого спецслужб и наличие в нем «белых пятен», заставляют нас сформировать субъективное отношение к предложению, изложенному в Записке.

Источниками осведомленности Трусевича являлись Особый отдел Департамента полиции и его заграничная агентура, жандармские управления и охранные отделения (разрабатывавшие лиц и организации по подозрению в шпионаже), полицмейстеры и генерал-губернаторы (губернаторы) приграничных районов. В этой связи несомненную ценность представляют письма приамурских генерал-губернаторов министру внутренних дел, раскрывающие масштабный характер деятельности иностранных шпионов.

Объективность получаемой таким образом информации косвенно подтверждается обнаруженными нами архивными делами. В лекции А.М. Оссендовского «Торгово-промышленная агентура Австро-германского Генерального штаба» и записке Б.А. Суворина и А.М. Оссендовского «Военно-политический элемент в германской торгово-промышленной программе и борьба с ним» говорится о том, что задачи немецких купцов и промышленников в России сводились, во-первых, к сбору сведений о развитии производительных сил, во-вторых, к противодействию этому развитию и, в-третьих, к агентурной разведывательной службе¹⁹.

Наряду с общими фразами в этих документах встречаются конкретные указания. К примеру, в обязанность немецким предпринимателям вменялось «проникновение во все правительственные учреждения, установка системы осведомления военного министерства; по предписанию германского тайного агента, консула или специального эmissара, выполнение всех поручений германского правительства»²⁰.

Можно догадываться о достоверности сообщений столь содержательных (их общий объем более 60 стр. машинописного текста), подписанных людьми, имевшими лишь умозрительное представление о шпионаже, — главным редактором газеты «Вечернее время» (Б.А. Суворин) и заведующим иностранным отделом той же газеты (А.М. Оссендовский). Бесспорным остается другое — в секретном документообороте директора Департамента полиции и материалах журналистов есть общий смысловой контекст. Ограниченный профессиональный круг германских и австрийских подданных в России (колонисты, земле-

владельцы, торговцы, промышленники, банкиры, страховщики) представлял организованный и законспирированный национальный фронт, призванный в любой момент по приказу из Берлина (или Вены) мобилизоваться для добывания разведывательных сведений в пользу своих держав.

Этот тезис нам представляется убедительным по трем причинам. Во-первых, германские власти приветствовали колонизацию своих соотечественников в европейские государства и законодательно не прерывали их связь с родиной в отличие от закона «О приобретении и утрате права принадлежности к союзу (союзного подданства) и государству (гражданства)» от 1 июля 1870 г., согласно §§ 13 и 21 которого, немец, прибывавший без перерыва в иностранном государстве свыше 10 лет и/или получивший иное подданство, не мог восстановить гражданство в Германии. Закон «О принадлежности к империи и к государству» от 22 июля 1913 г. (§ 25), гласил: «Гражданство не теряется в том случае, если перед приобретением иностранного подданства соответствующие учреждения отечественного государства (полагаем, дипломатические представительства Германии в других странах. — В.З.) выдали, по ходатайству переходящего, письменное разрешение на сохранение подданства...»²¹.

Как видно, из первого закона, кайзеровское правительство требовало от своих соотечественников, постоянно проживавших за рубежом, не реже одного раза в десять лет возвращаться в Германию для подтверждения своей национальной идентичности. Более поздняя норма права изменила и ужесточила эту процедуру. Секретари немецких посольств (консульств), вынося заключение по соответствующему «ходатайству», учитывали не только персональное желание просителя, но и ту пользу, которую он мог принести в новом качестве на своем месте. Осознавая свою зависимость от официальных властей, немецкие подданные (граждане) были готовы ради сохранения своего статуса сочетать меркантильные (и меркантильно-корпоративные) интересы с доктринальными приоритетами этнической родины.

Во-вторых, за пределы Германии наряду с гражданскими лицами уезжали представители военного сословия. По желанию офицеров и нижних чинов резерва, они могли быть командированы в 2-х годичный отпуск за границу с приостановлением их военно-служебных обязанностей. В случае учреждения ими торгового или промышленного дела и уведомления об этом дипломатического представителя Германии, отпуск мог продляться вплоть до увольнения из военного звания (§ 59 закона «Об изменении имперского воинского закона и закона об изменениях воинской повинности от 11 февраля 1888 г.» от 22 июня 1913 г.)²².

Допустим, что столь льготный режим несения военной службы предполагал наличие некоторых обязательств перед правительством. В ответ на возможность заняться предпринимательством в России, остаться немецким подданным/гражданином, поменять профессию и сохранить военные привилегии, военнотружущие должны были выполнять особые поручения представителей Большого генерального штаба Германии.

В-третьих, немцы мужского пола, находившиеся за границей в возрасте 17—45 лет числились военнообязанными. Этот статус предполагал, что все они — не отбывшие или отбывшие воинскую повинность — приписаны к конкретным армейским и флотским подразделениям и экипажам. Каждый из них долженствовал «в случае войны или угрожающей войною опасности», по требованию императора вернуться в свою страну и защищать ее с оружием в руках²³.

Таким образом, озабоченность Трусевича концентрацией иностранцев в приграничных, допустим, западных, российских губерниях, не была лишена оснований. С одной стороны, в условиях мирного времени эта категория лиц в силу своей профессиональной занятости и непосвященности в тонкости шпи-

онского ремесла представляла скорее разнородную социальную массу (с точки зрения вероисповедания, семейного положения, материального достатка, отношения к воинской повинности), способную рассеять внимание административно-полицейских властей. Лишь немногие из них могли вызывать агентурный интерес у военных и морских ведомств Германии, Австро-Венгрии и других, сопредельных с Россией держав.

С другой стороны, в случае начала крупномасштабной европейской войны те же немецкие и австрийские подданные или «натурализовавшиеся» немцы или австрийцы представляли собой тайную военизированную силу. Она могла поддержать свою армию на линии нанесения ее передовыми частями основного удара по Санкт-Петербургу: снабжать их сведениями о дислокации, боеготовности, настроениях русских войск, составе, вооружений и маневрировании кораблей флота, совершать диверсии, саботаж и т.п.

Изложив в Записке свое первое предложение, глава Департамента полиции, не только заявил о возникновении ранее неизвестной проблемы в сфере военной безопасности государства, он очертил ее территориальные рамки, обратил внимание на несовершенство текущего законодательства в сфере борьбы со шпионажем, указал стратегическое направление деятельности высшим исполнительным (Совет министров, МВД, министерство финансов, Военное и Морское министерства, Министерство юстиции) и законодательным органам власти (Государственный Совет и Государственная Дума), а также политической полиции, пограничной страже, военной и морской разведке, судейскому корпусу, прокуратуре.

Второе предложение касалось двух сторон проблемы военной безопасности — взаимодействия политической полиции с военной разведкой и становления контрразведки.

Автор Записки, как бывший прокурор судебных учреждений, понимал что максимальный эффект от сотрудничества в охранительно-оборонительном блоке мог быть достигнут лишь по линии агентурной работы. Он ратовал за «постоянный живой обмен всех необходимых сведений, получаемых от секретных сотрудников, как Штабами военных округов, так и окружными розыскными учреждениями (Районными охранными отделениями или центральными Губернскими жандармскими управлениями)»²⁴.

Обратиться к столь крайней мере, с точки зрения ведомственных приоритетов, интересов розыскного дела и личных предпочтений, мог лишь тот, кто понимал насколько значительными были размеры иностранного шпионажа в Российской империи, проникшего во все сферы ее политической, военной и военно-морской жизни. Сложившаяся обстановка заставляла усомниться в способности государства сохранить в секрете от будущих противников и настоящих союзников проекты и практику воссоздания вооруженных сил, призванных возратить России статус крупнейшей сухопутной и морской силы в Европе.

Неутешительный прогноз побудил Трусевича прибегнуть к конкретным шагам по укреплению военной безопасности на государственном уровне. Именно он, а не Столыпин, как утверждают некоторые исследователи²⁵, инициировал проведение первого межведомственного совещания по вопросу создания отечественной контрразведки. В этом смысле он опередил своего прямого начальника — министра внутренних дел — почти на месяц. По замыслу Максимилиана Ивановича, изложенному в Записке, участниками совещания должны были стать «розыскники» и чины военно-окружной разведки. Им предстояло обсудить вопрос «объединения всего контршпионского дела» под руководством командующих войсками военных округов.

В условиях напряженной борьбы с революционерами, директор политической полиции не пытался минимизировать задачи подчиненных ему жандар-

мско-полицейских структур, изымая из их подведомственности наблюдение за иностранцами и соотечественниками, подозревавшимися в шпионаже. Напротив, как следует из Записки, он приветствовал совместную выработку участниками предполагавшейся встречи «секретных указаний» по обучению офицеров разведки военно-окружных штабов (ответственных за ведение контрразведки) технике розыска на базе соответствующих охранных отделений и жандармских управлений. Помимо профессионального совершенствования, будущим контрразведчикам, при содействии жандармской полиции, предлагалось взять в разработку не только кадровых агентов, но и «местных жителей и чинов разных ведомств, продающих иностранцам различные сведения, имеющие значение в военном отношении».

В отличие от Столыпина, являвшегося скорее координатором деятельности двух совещаний (комиссий) по организации контрразведки 1908—1910 гг., Трусевича следует признать родоначальником идеи возникновения контрразведывательной службы в России. Как идеолог, он увидел в иностранном военном шпионаже не только потенциальную, но и актуальную угрозу военным и морским приоритетам государства, а также предложил схематичную программу коллективной безопасности по борьбе со шпионами в границах компетенции каждого из военных округов. Оригинальные мысли, сформулированные за три года до воплощения их на деле, так и не попали в «Общий план по обороне Государства». Однако они легли в основу решений, принятых упомянутыми выше межведомственными комиссиями, в первой из которых принимал участие в роли руководителя и сам Трусевич.

Наряду с высокопоставленными чиновниками МВД, проблемами укрепления военной безопасности были озабочены и в Военном министерстве. Особую роль в разрешении одной из них — организации межведомственной борьбы с агентурой противника — была призвана сыграть армейская разведка — 5-е делопроизводство части 1-го обер-квартирмейстера Управления генерала-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (далее — УГЕНКВАР ГУГШ), которую возглавлял генерал-майор Н.А. Монкевиц.

Еще в августе 1908 г. его сотрудники разработали проект «Инструкции по контрразведке», в котором субъектами контрразведывательных мероприятий были определены чины Отдельного корпуса жандармов, наружной и охранной полиции, пограничной, таможенной и корчемной стражи под руководством штабов военных округов. Это решение не поддержали в МВД, так как считали, что в интересах общего дела подчинение политической полиции армейским офицерам, не знакомым со спецификой розыска, нецелесообразно.

Параллельно с последовавшим процессом переработки, уточнения, редактирования положений проекта «Инструкции по контрразведке», осуществлявшимся на заседаниях I-й межведомственной комиссии (декабрь 1908 г.), обсуждался вопрос кредитования нового рода деятельности государства.

Представители Департамента полиции, ГУГШ, Морского генерального штаба и других заинтересованных ведомств сошлись во мнении что, для осуществления борьбы с военно-разведывательным вмешательством извне, потребуется 251 520 руб. в год. Свое предложение по размеру суммы необходимо было согласовать с Советом министров. Далее, в форме законопроекта оно передавалось в Государственную думу и Государственный совет для рассмотрения. В случае одобрения, с ним ознакомился царь и выносил окончательный вердикт — отклонить на доработку или придать силу закона.

Кто из представителей высших органов исполнительной власти — министр внутренних дел, военный министр, морской министр или главы Департамента полиции, ГУГШ, Морского генерального штаба — должен был обратиться с соответствующим представлением в правительство? Проходил или не про-

ходил законопроект об ассигновании проектируемой контрразведки установленную процедуру? Какую позицию в вопросе изыскания бюджетных средств на организацию борьбы со шпионажем занял министр финансов В.Н. Коковцов? На сегодняшний день в истории отечественных спецслужб эти вопросы принадлежат к категории загадочных. Не располагая убедительным фактологическим материалом, исследователи либо не изучают их вообще, либо ограничиваются общими фразами.

Не имея дополнений в этой части, перейдем к анализу очередной инициативы УГЕНКВАР ГУГШ по сопровождению финансового предложения II межведомственной комиссии (дата заседаний — июль-август 1910 г.) на всех стадиях его прохождения в высших исполнительных и законодательных органах власти.

9 августа 1910 г. военный министр В.А. Сухомлинов обратился с сопроводительным письмом (№ 1316) и представлением «Об ассигновании денежных средств для организации и ведения борьбы с военным шпионством (по УГЕНКВАР ГУГШ)», № 1317 к Столыпину с просьбой вынести соответствующий вопрос на рассмотрение на ближайшем заседании Совета министров 10 августа²⁶.

Руководители УГЕНКВАР ГУГШ понимали, что одобрение вопроса министрами может предопределить положительное заключение парламентариев. Поэтому для большей убедительности предложили военному министру построить свою речь в письме и представлении с опорой на краткие доказательства военно-политического и военного характера.

Памятуя об известной реплике Столыпина о том, что контрразведка является лишь одной из отраслей политического розыска, Сухомлинов начал письмо с указания на намерения австрийского правительства широко использовать в случае войны с Россией ее национальные, политические и революционные организации. Он допускал, что с их помощью противник создаст для русской стороны «чрезвычайные внутренние затруднения в период войны, мобилизации и подготовки к ней».

Очевидно, в первом своем доводе военные актуализировали сепаратистские настроения и скрытую враждебность к самодержавию со стороны этнического населения и национальных лидеров Царства Польского. Подобные опасения не являлись голословными. Если в 1910 г., согласно указанному письму военного министра, органам контрразведки только предстояло приступить к проверке агентурных сведений о фактах государственной измены польских националистов, то уже через три года ГУГШ и Департамент полиции были убеждены в наличии реальной возможности участия польских вооруженных формирований «Сокол» и «Стрелковые дружины» (под началом Ю. Пилсудского) — в военных действиях против России на стороне Габсбургской монархии²⁷.

В отличие от точного прогноза по поводу военно-политической угрозы во внутреннем контуре империи, довод Сухомлинова о «крайней опасности деятельности австрийских шпионов в пограничных частях Варшавского и Киевского военных округов» выглядел несколько преувеличенным. Допускаем, что во время Русско-японской войны австрийская разведка привлекала для сбора открытых сведений о противнике армейских чинов, выезжавших в западные губернии России под прикрытием знакомства с ее историей, культурой, языком. Судя по циркулярам Департамента полиции, только с мая по октябрь 1905 г. по маршруту на Варшаву, Киев, Камень-Подольск, Одессу, Харьков и обратно в Вену или Краков выехали 11 военнослужащих²⁸. Однако после окончания военных действий на Дальнем Востоке разведывательная активность Австро-Венгрии заметно снизилась.

В своем предположении сошлемся, к примеру, на мнение руководителя австрийской разведслужбы М. Ронге. Он вспоминал: «Наша разведывательная

сеть в России состояла в 1906 г. всего лишь из двух агентов... В 1910 г. на эту разведку опять оказалось возможным выделить лишь малые средства»²⁹.

Не принижая роли австрийского Генерального штаба, подчеркнем, что более ощутимый урон интересам военной безопасности России наносила германская разведка, создавшая на ее европейской территории широкую агентурную сеть. Согласно «Программе тайной разведки Германии в пределах России», попавшей в распоряжение начальника разведывательного отделения штаба Варшавского военного округа полковника Н.С. Батюшина (декабрь 1909 г.), немцев интересовали «сведения о введении нового ружья в пехоте и отчеты об опытах с ним; места, где будут заказаны новые пулеметы и отчеты об опытах с ними; документы по мобилизации и сосредоточению войск; новые агенты во всех пунктах стоянки войск Варшавского, Киевского, Виленского, Московского, Одесского и Казанского военных округов...»³⁰.

Перечень сложных и разнородных задач военно-промышленного и военного содержания свидетельствовал не только о большой численности германской агентуры, но и ее высокой квалификации. Шпионы были внедрены на оборонные заводы и их испытательные полигоны, в главные управления Военного министерства (артиллерийское, инженерное и др.) и военно-окружные штабы, в места дислокации (квартирования) воинских частей.

Если профессиональный ореол, приоритеты и возможности германской разведки были столь велики, возникает закономерный вопрос: почему Сухоумлинов в своем докладе не обратил внимание Совета министров на проблему немецкого военного шпионажа в России?

Несмотря на существовавшие планы оборонительной войны на западе, в которых одним из потенциальных противников России рассматривалась Германия, политические отношения между этими державами и родственные контакты их императоров выглядели в высшей степени корректными и доброжелательными. Понимая конъюнктурность момента и остерегаясь открытого столкновения или скрытой конфронтации со сторонниками русско-германского сближения в Совете министров (одним из участников заседания 10 августа являлся министр Императорского двора граф В.Б. Фредерикс)³¹ и при дворе, военный министр сосредоточил внимание членов правительства на менее значимых сведениях об активизации австрийской разведки.

Тактическая комбинация уклонения от еще болезненно воспринимавшейся в узких политических кругах антигерманской риторики (во всех ее проявлениях) позволяла военным надеяться на решение главной задачи — поддержки министров в вопросе создания и финансирования российской контрразведки.

Последний, третий довод Сухоумлинова, связанный с активизацией иностранных представителей в России, ни у кого из участников заседания не вызвал сомнений. Все гражданские министры, допущенные к секретным сведениям, и министры охранительно-оборонительного блока (МВД, Министерства иностранных дел, финансов и юстиции, Военное и Морское министерства) имели представление о разведывательных намерениях руководителей иностранных посольств и консульств, а также входивших в их штат военных и морских атташе. Их интересовала боеготовность русской армии, особенности и результаты деятельности военных заводов, морских портов и крепостей, баз флота, законодательных институтов власти и т. д.

Кроме того, председателя Совета министров и многих министров не могла не беспокоить мысль о незащищенности подчиненных им ведомств от проникновения в их профессиональную среду агентов 37 иностранных посольств, расположенных в Санкт-Петербурге, 14 из которых территориально приближались к Министерству иностранных дел, Военному и Морскому министерствам, Главному штабу, Министерству финансов. Прежде всего, это были представи-

тельства Германии (за зданием Исаакиевского собора), Турции (за зданием Сената и на Дворцовой набережной), Японии (Французская набережная) и Великобритании (Васильевский остров)³².

В итоге, согласно «Особому журналу Совета Министров» от 10 августа 1910 г., министры единогласно поддержали инициативу Сухомлинова о необходимости выделения средств на борьбу со шпионажем в России. Но в отличие от ежегодного кредита на содержание контрразведки (843 тыс. 720 руб.), целесообразность которого никто не оспаривал, в испрашиваемой единовременной сумме на немедленное осуществление ее деятельности (200 тыс. руб.) было отказано. Министр финансов сообщил, что размер свободных средств 10-миллионного фонда в настоящее время составляет всего лишь 1 млн 17 тыс. рублей. Он убедил своих коллег в том, что «столь незначительная сумма исключает возможность отнесения на нее упомянутого выше крупного расхода»³³.

Было бы несправедливо связывать успешное прохождение законопроекта о финансировании военной контрразведки на этапе его рассмотрения в высшем исполнительном органе власти лишь с именем военного министра. При всей своей энергичности и коммуникабельности он был фигурой неоднозначной. Судя по трем ниже приведенным отзывам, министр вряд ли осознавал всю важность возложенной на него миссии и внушал доверие политической и военной элите государства.

Так, председатель III Государственной думы (глава комиссии по государственной обороне с 1907 г. по март 1910 г.) А.И. Гучков считал Сухомлинова «человеком равнодушным к интересам армии»³⁴. Не лучшего мнения о нем был Коковцов. Будучи одним из последовательных оппонентов военного министра в вопросе выделения кредитов на оборону (в том числе, на организацию борьбы со шпионами), в своих мемуарах министр финансов называл его одним из «главных виновников» поражения России в первой мировой войне. «Он виновен в том, что был преступно легкомысленным на своем посту, — писал автор — окружал себя всякими проходимцами, давая им возможность знать то, о чем они не должны были иметь ни какого понятия...»³⁵.

Наконец, товарищ военного министра А.А. Поливанов, допуская недоверие к своему непосредственному руководителю со стороны военачальников, вспоминал, что в годы войны он ни разу не получил приглашение на совещания по генерал-квартирмейстерской части (разведка, контрразведка), проходившие в Ставке под председательством царя³⁶.

Однако несмотря на отсутствие достаточного авторитета, только Сухомлинов мог воспользоваться данной ему по занимаемой должности прерогативой представлять интересы возглавляемого ведомства в вышестоящей инстанции. В отличие от него, выступившего перед собранием министров и запомнившегося в качестве «технического исполнителя» решений II межведомственной комиссии, вклад центрального аппарата военной разведки остался за кулисами истории. Между тем, если упомянутое выше представление об ассигновании денег на нужды контрразведки имело индекс «по УГЕНКВАР ГУГШ», можно утверждать, что в его подготовке (написании аналитической справки) принимали участие генерал-майор Ю.Н. Данилов (генерал-квартирмейстер), генерал-майор Н.А. Обручев (помощник 1-го обер-квартирмейстера), Н.А. Монкевиц, делопроизводители и помощники делопроизводителей (12 полковников и 7 подполковников Генштаба).

Вместе со штатом разведчиков еще раз упомянем Столыпина, сыгравшего одну из ключевых ролей в ходе создания российской контрразведки. Совмещая посты премьер-министра и министра внутренних дел, он лично осуществлял предварительную приемку итоговых заключений межведомственных совещаний и формулировал перед ними новые задачи. Являясь председателем Совета

министров, он был одним из немногих его участников, кто понимал значение контрразведки в системе мер, призванных укрепить национальную безопасность отечественного государства. «Огромной важности дело было совершенно Столыпиным в области государственной обороны — вспоминал после его гибели А.И. Гучков — ...если взять состояние государственной обороны пять лет назад и положение этого дела в настоящую минуту, то между этими двумя моментами нет ничего общего, — так много работы здесь произведено. Но это могло быть сделано при том обязательном условии, что Народные представители и глава Правительства идут совершенно дружно, не щадя усилий и труда»³⁷.

Наряду с Советом министров, существенную роль в дальнейшем продвижении финансовых инициатив военных сыграл депутатский корпус. Законопроект «Об отпуске Военному министерству средств на секретные расходы» (представление Военного министра по ГУГШ от 30 сентября 1910 г. № 5131) был передан в Государственную Думу III созыва³⁸. После изучения, обсуждения и одобрения в закрытых заседаниях комиссии по государственной обороне 9 ноября 1910 г. и 3 февраля 1911 г. (под председательством Гучкова и в присутствии генерал-квартирмейстера Ю.Н. Данилова), документ направили в бюджетную комиссию.

На совещании 3 марта, не возражая против выделения на борьбу со шпионажем 843 тыс. 720 руб., бюджетная комиссия (в лице ее докладчика Н.В. Савича) признала необходимым, ввиду согласия А.А. Поливанова, ограничить отпуск испрашиваемой суммы десятью годами. В окончательной редакции ее решение прозвучало следующим образом: «Отпускать из средств государственного казначейства в течение 10 лет, начиная с 1911 г., в дополнение к ассигнуемым ныне суммам на секретные расходы Военного Министерства по Главному Управлению Генерального Штаба по одному миллиону четыреста сорок три тысячи семьсот двадцать рублей в год»³⁹.

После синхронизации позиций Государственной думы и Государственного совета — 2 марта финансовая комиссия и общее собрание верхней палаты проголосовали за выделение по смете ГУГШ денег на секретные расходы в сумме 1 443 720 руб. — 5 апреля 1911 г. последовало высочайшее утверждение настоящей сметы в Царском Селе⁴⁰.

Помимо центральных органов исполнительной (и законодательной) власти урегулированием проблем укрепления военной безопасности государства были озабочены и в удаленных регионах империи (например, в пограничном с Монголией Степном генерал-губернаторстве). Однако не все главы административно-территориальных образований одинаково серьезно относились к необходимости организации своевременных и эффективных мер по предупреждению и пресечению действий военных шпионов.

Для подтверждения этой гипотезы рассмотрим некоторые результаты деятельности западносибирских генерал-губернаторов и губернаторов, полученные нами с помощью анализа 27 объявлений, постановлений и обязательных постановлений командующего войсками Сибирского военного округа, исполняющих обязанности генерал-губернаторов Степного края, Акмолинского и Тобольского губернаторов, а также 22 обязательных постановлений при Особом комитете Омской железной дороги, опубликованных в разные периоды времени с 1904 по 1916 годы⁴¹.

Обращает на себя внимание дифференцированный подход, иллюстрирующий недооценку местными чиновниками опасности военного шпионажа. Во-первых, в указанном формате, в отличие от периода военных лет, когда запрещалось содержание почтовых голубей, напоминалось об уголовных санкциях за государственную измену, умышленное истребление в районе театра войны водопроводов, мостов, плотин, телеграфных и «телефонных снарядов», железно-

дорожных путей, в межвоенный период информирования населения со стороны власти не были⁴².

Во-вторых, губернаторское печатное слово выступало средством профилактики и предупреждения преступлений, направленных против самодержавия (в частности, с участием революционеров) после событий 1906—1907 годов. В официальной прессе («Акмолинские областные ведомости», «Тобольские губернские ведомости» и др.) публиковались постановления и объявления о запрещении незаконного хранения, ношения и изготовления холодного и огнестрельного оружия, подстрекательства и принуждения к стачкам и забастовкам рабочих и служащих и т.п. В отличие от реакции власти на политическую нестабильность (постепенную пролетаризацию народных масс), ее участие в противодействии так называемому азиатскому и европейскому шпионажу, судя по исследованным документам, было неочевидным. В письменном лексиконе отсутствовали такие специальные термины, как: «военный шпионаж», «лазутчики», «военные секреты», «государственная тайна».

По сравнению с высокопоставленными губернскими чинами Западной Сибири, ошибочно полагавшими, что иностранный шпионаж как угроза сопряжен лишь с военными столкновениями, и сохранение внутреннего спокойствия государства важнее его внешней безопасности, находившиеся в непосредственной близости от недавних театров военных и морских действий дальневосточные власти считали иначе.

Имеющаяся в нашем распоряжении переписка приамурских генерал-губернаторов с председателем Совета министров и стенографические отчеты закрытых заседаний депутатов Государственной думы свидетельствуют не только об обеспокоенности начальников края, в первую очередь, П.Ф. Унтербергера, судьбой восточных рубежей империи (сопредельных с Японией, Кореей, Маньчжурией), но и об истинных масштабах японского шпионажа и вырабатываемых мерах по борьбе с ним.

Прежде всего обратим внимание на одно совпадение — письмо приамурского генерал-губернатора Унтербергера на имя Столыпина было написано одновременно с началом деятельности I межведомственной комиссии по организации контрразведки. Ввиду отсутствия взаимосвязи между этими событиями (по причине их конфиденциальности), можно допустить что, с одной стороны, на Дальнем Востоке и в Европейской России численность потенциальных шпионов и возможный ущерб от их действий обороноспособности страны превзошли все ожидания. С другой — универсальный механизм, призванный воспрепятствовать утечке секретных сведений за рубеж, в противоположных концах России представлялся единообразно. И генерал-губернатор, и участники совещания осознали необходимость создания специализированных органов по борьбе с иностранным шпионажем.

В своем письме от 17 декабря 1908 г. № 10765, основываясь на сведениях начальника Генерального штаба и собственных выводах, Унтербергер доносил в Санкт-Петербург о значительном количестве японских шпионов. «Добывание сведений осуществляется не только профессиональными агентами, — заключал он — но и всеми проживающими в Крае (Амурская и Приморская области, остров Сахалин. — В.З.) японцами»⁴³.

Выход из сложившегося положения виделся в осуществлении комплекса контрмер по коллективному противодействию военно-разведывательному проникновению японцев в Приамурье. Из них наиболее ощутимыми, по мнению автора, могли стать:

а) публикация обязательного постановления, запрещающего нахождение иностранцев на объектах государственной важности; б) расширение охранных отделений и розыскных пунктов и усиление их специальными органами для

сыска по военному шпионажу (т.е. контрразведкой); в) увеличение числа агентов, знакомых с японским языком; г) усиление промыслового надзора, должностящего выполнять, помимо своего профессионального назначения, функции общего наблюдения за деятельностью японцев; д) недопущение рабочих «желтой расы» на казенные оброчные статьи и концессии, предоставляемые в пользование частных лиц на продолжительные сроки, так как японская разведка пользовалась в качестве шпионов многочисленными китайцами и корейцами, разбросанными по всему краю⁴⁴.

В отличие от четырех последних предложений, решение по которым принималось высшими органами власти и, как правило, утверждалось Николаем II, издание обязательных постановлений входило в сферу полномочий генерал-губернатора. Пользуясь действующим на Дальнем Востоке военным положением, 14 января 1909 г. он обнародовал «Обязательное постановление с целью борьбы против иностранного шпионажа». Согласно его смыслу, Владивостокский порт, все крепости, островные и береговые пространства (имевшие военно-стратегическое значение) объявлялись режимными зонами, подходы к которым для «посторонних лиц» запрещались. В Приамурском генерал-губернаторстве не разрешалось производить какие-либо съемки, измерения или описания: а) местностей; б) казенных зданий и сооружений; в) рек и побережья в районе территориальных вод; г) сухопутных путей сообщения всякого типа⁴⁵. За нарушение указанных предписаний виновный подвергался административному штрафу до 3 тыс. руб. или заключению в тюрьму до 3-х месяцев.

Введенная норма права не могла не восприниматься как временная по двум причинам. Первая. Перечень указанных в ней ограничений был усеченным и не мог обезопасить всю оборонную инфраструктуру края. К особо охраняемым объектам не отнесли канонерские лодки Амурской флотилии и пункты их базирования и временной стоянки; армейские части, штаб и военно-окружные управления Приамурского военного округа. Вторая причина. Установленный в обязательном постановлении столь «символический» срок лишения свободы не мог стать непреодолимым юридическим и психологическим барьером на пути совершения преступлений для иностранных шпионов или жителей дальневосточной окраины, оказывающих им содействие.

Наряду со слабыми сторонами обязательного постановления, имелось одно преимущество. Оно заключалось в быстром и неизбежном наказании подозреваемого за совершение военного преступления, сопряженном с его временной изоляцией. В сравнении с уголовным судопроизводством, эффективность административного преследования заключалась в том, что не требовалось доказывать виновность задержанного лица. Достаточно было зафиксировать факт нарушения им одного из запретов, перечисленных в обязательном постановлении («не дозволяется приближаться посторонним лицам к постройкам инженерного и морского ведомств...; не разрешается в Приамурском генерал-губернаторстве производить какие-либо съемки...»)⁴⁶.

Некоторые положения, отраженные в письме начальника Приамурского края (в частности, указания на широко поставленную шпионскую сеть противника), вскоре нашли свое подтверждение. 31 января 1909 г. свою позицию изложил министр иностранных дел Извольский: «Сделанная П.Ф. Унтербергером характеристика деятельности японцев на нашем тихоокеанском побережье вполне отвечает сведениям, получаемым МИД от наших агентов на Дальнем Востоке... Прилагаю материалы, свидетельствующие о том, что Японское правительство, несомненно, зорко следит за всеми нашими мероприятиями, путем образцовой разведочной деятельности...»⁴⁷.

Спустя два месяца (16 апреля) состоялось заседание образованного под председательством товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановского

особого совещания по вопросу о мерах борьбы с японским шпионажем на Дальнем Востоке. Его участники — 7 представителей МВД (исполняющий должность директора Департамента полиции и приамурский генерал-губернатор), Военного и Морского министерств, Министерства юстиции, Министерства иностранных дел — подтвердили наличие серьезной опасности со стороны Японии не только на востоке, но и в других частях Российской империи. «Не ограничиваясь разведками тайных военных агентов, — помечалось в журнале особого совещания, — японское правительство руководит деятельностью всех своих подданных на русской территории, заставляя их выполнять обширную и планомерную разведочную работу»⁴⁸.

После согласования решения особого совещания с Советом министров, об инициативе Унтербергера узнали в высшем законодательном органе страны. Министр внутренних дел внес на его рассмотрение законопроект «О присвоении Приамурскому генерал-губернатору постоянных полномочий по изданию обязательных постановлений, ограждающих вверенный ему край от иноземного шпионства».

Выступая 31 мая 1910 г. на 124-м (закрытом) заседании Государственной думы III созыва, депутат Н.Н. Чихачев начал с реплики: «Как известно, шпионство на Дальнем Востоке приняло совершенно планомерный характер и производится в самом крупном масштабе»⁴⁹. Заострив внимание коллег на критичности сложившегося положения в регионе, он огласил выводы думской комиссии по направлению законодательных предложений. Прежде всего, была одобрена просьба о предоставлении начальнику края испрашиваемых им полномочий: запрещать посторонним лицам без особого разрешения посещать определенные районы и производить съемки, делать фотографии и т.д. Далее, большинство членов комиссии высказалось за ужесточение законопроекта и наделение главы администрации правом налагать все взыскания одновременно по совокупности (штраф и лишение свободы) на виновных лиц, с конфискацией имущества. И, наконец, в дополнение к обсуждаемой проблематике, комиссия сочла целесообразной скорейшую выработку властями Приамурья системы мер, направленных на предупреждение иноземного шпионажа в его границах.

Завершая исторический обзор, отметим, что задачи укрепления военной безопасности Российской империи в период между Русско-японской и первой мировой войнами стояли перед центральными и местными органами исполнительной власти (министерства и ведомства охранительно-оборонительного блока). Процесс решения одной из них, связанной с организацией борьбы с иностранным военным шпионажем, имел ряд особенностей, а именно:

— впервые в своей истории государство (в лице исполнительных органов власти) признало шпионаж одной из главных угроз его национальным интересам в сфере военной, морской и политической независимости, согласясь с необходимостью поиска эффективного средства обеспечения этих интересов;

— идеи контрреагирования государства на новые вызовы извне зародились не только в главном городе страны, но и на ее окраинах. Некоторые из начальников приграничных административно-территориальных образований не только понимали, что иностранные шпионы своими действиями ослабляют российскую обороноспособность, но и предпринимали незамедлительные меры к воспрепятствованию совершаемых ими военных преступлений на подвластной себе территории. Борьба со шпионами принимала инициативный и локальный характер;

— в отличие от этапа межведомственного урегулирования вопросов подчиненности в деятельности будущей службы контрразведки, отличавшегося продолжительным непониманием сторон, этап прохождения проектов решений о ее создании и финансировании в высших исполнительных и законодатель-

ных учреждениях страны характеризовался краткосрочностью, единогласием и конструктивизмом;

— создание царской контрразведки объединило усилия ряда государственных и военных деятелей — и тех, кто отвечал за неизбежность внутренних устоев самодержавия, и тех, кто способствовал его внешней стабильности (М.И. Трубевиц, П.А. Столыпин, С.Е. Крыжановский, П.Ф. Унтербергер, В.А. Сухоминов, Ю.Н. Данилов, Н.А. Монкевиц, другие ответственные лица охранительно-оборонительного блока). Благодаря их совместным начинаниям, аналогов которым в истории спецслужб и правоохранительных органов не было, главные «контршпионские» инициативы были одобрены депутатским корпусом, утверждены Николаем II и, получив силу закона, значительно укрепили военную безопасность Российской империи в предвоенные годы.

Примечания

1. ШИНДЖИКАШВИЛИ Д.И. Сыскальная полиция царской России в период империализма. Омск. 1973; МЕРЗЛЯКОВ В.М. Об организации контрразведывательных органов России. В кн.: Российские спецслужбы на переломе эпох: кон. XIX в. — 1922 г. Исторические чтения на Лубянке. М.-Новгород. 1999, с. 3—15; КИРМЕЛЬ Н.С. Организация русской контрразведки и ее борьба с японским и германским шпионажем в Сибири: 1906—1917 гг. Дисс. канд. ист. наук. Иркутск. 2000; МАКСИМОВ Д.В. Становление и развитие органов контрразведки в российской провинции: нач. XX в. — 1941 г.: на примере Курского региона. Дисс. канд. ист. наук. Курск. 2006; ЕГИЗАРОВ А.Г. Организационно-правовые основы деятельности органов военной контрразведки Российской империи и ее особенности на Кубани. Дисс. канд. юрид. наук. Краснодар. 2010.
2. МАКШЕЕВ Ф.А. Служба германского генерального штаба. — Известия Императорской Николаевской Военной Академии. Научно-библиографический журнал. 1910, № 9, с. 723—725.
3. Русский воин. 1907, № 4 (22 января).
4. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1276, оп. 5 (1909), д. 739, л. 154—155.
5. ЧАСОВОЙ М.Х. Угроза Сибирскому Востоку. СПб. 1910, с. 30—32.
6. Русский воин. 1907, № 3 (15 января).
7. Там же, № 49—50 (25 декабря).
8. Харьковские вечерние новости. 1911, № 20 (9 сентября).
9. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1276, оп. 5 (1909), д. 739, л. 510—511.
10. Санкт-Петербургские ведомости. 1910. № 24 (3 января), с. 4.
11. Хабаровский листок. 1911. № 4 (21 октября), с. 3—4.
12. РГИА, ф. 1276, оп. 5 (1909), д. 522, л. 243—244.
13. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 10. СПб. 1892, с. 555; т. 33. СПб. 1896, с. 85.
14. Там же, т. 41. СПб. 1904, с. 117.
15. Общие собрания Государственного Совета 16 и 19 декабря 1909 г. СПб. 1909, с. 120.
16. СЕЙДАМЕТОВ Д., ШЛЯПНИКОВ Н. Германско-австрийская разведка в царской России. М. 1939; НИКИТИНСКИЙ И., СОФИНОВ П. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914—1918 гг. Тбилиси. 1942.
17. КУДРЯШОВ С. Немецкий шпионаж. — Родина. 1993, № 5—6, с. 92—95.
18. ГРЕКОВ Н.В. Русская контрразведка в 1905—1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М. 2000.
19. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2000, оп. 15, д. 701, л. 11—12; РГИА, ф. 49, оп. 1, д. 236, л. 243, 246—247.
20. РГВИА, ф. 2000, оп. 15, д. 701, л. 12.
21. Законопроекты, внесенные различными министерствами на рассмотрение Государственной Думы 4-го созыва и доклады по ним Комиссии по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни в 4-ю сессию. 1915—1916 гг. Пг. 1916, с. 3—4, 9.
22. Там же, с. 13.
23. Там же, с. 9—10.
24. РГИА, ф. 1276, оп. 5 (1909), д. 522, л. 244.

25. См.: Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М. 1999, с. 141; ГРЕКОВ Н.В. Ук. соч., с. 117.
26. РГИА, ф. 1276, оп. 6 (1910), д. 464, л. 1—2, 3—6.
27. ШЕЛУХИН А.Ю. Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX века (1906—1914). — Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1996, № 3, с. 29; АЛЕКСЕЕВ М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. М. 1998, с. 79.
28. Посчитано автором: Государственный архив Омской области (ГА ОО), ф. 14, оп. 1, д. 1171, л. 3—Зоб., 15, 42, 50.
29. РОНГЕ М. Война и индустрия шпионажа. М. 2000, с. 15, 35.
30. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 102 ОО ДП, оп. 316. 1911, д. 38 л А, л. 4—12.
31. В научной литературе существует мнение, что В.Б. Фредерикс мог быть вхожим в «немецкую партию». См., например: АВРЕХ А.Я. Чрезвычайная следственная комиссия временного правительства: замысел и исполнение. Исторические записки. Т. 118. М. 1990, с. 80—84; МЕЛЬГУНОВ С. Судьба императора Николая II после отречения. М. 2005, с. 19.
32. План-панорама города Санкт-Петербурга. СПб. 1913, с. 2—3, 22.
33. РГИА, ф. 1276, оп. 20 (1910), д. 46, л. 47.
34. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и Военного министра Временного правительства. М. 1993, с. 58.
35. КОКОВЦОВ В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911—1919. М. 1991, с. 477.
36. ПОЛИВАНОВ А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916 гг. Т. 1. М. 1924, с. 131—132.
37. Государственная деятельность Председателя Совета министров Статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина. Ч. III. СПб. 1911, с. 283.
38. Дума (Государственная) III Созыв 1907—1912. Сессия IV: 1910—1911. Материалы (секретные) Комиссии по Государственной обороне. Доклад закрытых заседаний № 2916. СПб. 1910—1911, с. 1.
39. Там же.
40. Заключение отделов Финансовой комиссии Государственного Совета по сметам на 1911. СПб. 1911, л. 42; РГИА, ф. 1158, оп. 1 (1911), д. 117, л. 72, 196, 213.
41. ГА ОО, ф. 10, оп. 1, д. 749, л. 86, 99; ф. 14, оп. 1, д. 1160, л. 4—6, 8; д. 1169, л. 66; ф. 25, оп. 1, д. 285, л. 183, 201, 206, 227—234, 242, д. 314, л. 1596, 219; ф. 190, оп. 1, д. 292, л. 6, 12—14, 20, 40, 72, 88, 96, 187—188, 200, 221, 234, 242.
42. Примером бездеятельности администраций могут стать обязательные постановления, увидевшие свет в приграничном с Монголией Степном генерал-губернаторстве. В них не учитывалась необходимость организации адекватных мер реагирования на угрозу иностранного шпионажа. Между тем, территории Акмолинской, Семипалатинской и других областей стали объектом топографической разведки иностранных военных ведомств. См.: Военный шпионаж иностранцев в Степном генерал-губернаторстве Российской империи после Русско-японской войны. — Научный вестник Омской академии МВД России. 2011, № 1, с. 20—24.
43. РГИА, ф. 1276, оп. 5 (1909), д. 586, л. 6.
44. Там же.
45. Там же, л. 3.
46. Там же.
47. Там же, л. 4.
48. Там же, л. 8.
49. Государственная Дума. III Созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия третья. Часть IV. СПб. 1910, стб. 2873.

Московско-литовская война на рубеже 60-х — 70-х гг. XIV в.

Н.А. Хан

После занятия владимирского стола в 1363 г. Дмитрий Иванович московский смог решить ряд внешнеполитических задач на ордынском направлении. Вместе с тем, на западном направлении Москва столкнулась с сильным и серьезным противодействием Литвы. Ее великий князь Ольгерд (Ol'gerd, Algirdas) (1345—1377) расширял державу в борьбе, как отмечено в новейшей литературе, «с авангардом католической Европы» против Тевтонского ордена. Понимая это, Дмитрий Иванович подходил к отношениям с Литвой весьма взвешено, понимая, что это государство выполняло роль буфера, защищавшего от агрессии крестоносцев. К тому же Литва поддерживала Тверь, что в сочетании с планами Мамаю по устранению Калитовичей с политического горизонта, представляло вполне реальную угрозу планам Москвы по объединению русских земель. В 1350-е гг. Литва установила свою власть в Новгород-Северском княжестве, Брянске и Смоленске. В 1370 г. Дмитрий Иванович совершил поход в Брянск, что стратегически было необходимо для восстановления связи с Южной Русью.

В советской историографии взаимоотношений Москвы и Литвы события, предшествовавшие Куликовской битве, трактуются так: в 1367 г. Дмитрий Иванович возвел белокаменный кремль, который в 1368 и в 1370 гг. пытался, но так и не смог взять Ольгерд, а после того, как под Любутском в 1371 или 1372 г. его авангард был разгромлен Дмитрием Ивановичем, Ольгерд выдал свою дочь Елену, внучку Александра Михайловича тверского, за Владимира Андреевича — двоюродного брата Дмитрия московского — в качестве династического приложения к подписанию вечного мира.

В новейшей американской историографии большое внимание уделяется сооружению каменной крепости в Москве, а в многотомной «Истории России» последовательно в рамках хронологии летописей излагаются события 1367—1375 годов ¹.

«Я хотел бы, — недавно писал А.Н. Сахаров, — напомнить факт о том, что в период до Куликовской битвы Москва трижды отбивала натиск литовцев в 1368, 1370, 1372 годах» ².

Хан Николай Александрович — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного горного института.

На самом деле, судя по белорусско-литовским летописям, события носили более драматичный характер и в историческом плане — более поступательный. И хотя в них не сообщается о возведении каменной крепости в Москве, следует полагать, что при военно-стратегической оценке ситуации Москва исходила из ее наличия.

«Михаил тверской, — писал С.М. Соловьёв в своей знаменитой работе «Об отношении Новгорода с великими князьями», — вздумал возобновить борьбу деда своего с Москвою, забыв, что обстоятельства были уже не те..., Дмитрий собственными силами и силы Москвы превышали тверские»³.

Необходимо пояснить, что во времена Ивана Калиты монголы не имели планов взятия столицы московского княжества. Поэтому сооружение каменного кремля — это очень важный исторический факт в военно-политической истории Восточной Европы. Л.В. Черепнин описывает сооружение каменного фортификационного сооружения, называемого кремлем, как иллюстрацию к обоснованию датировки первого dokonчания двоюродных братьев, совладельцев Москвы, — Дмитрия Ивановича, будущего Донского, и Владимира Андреевича, будущего серпуховского и боровского князя, героя Куликовской битвы⁴.

Несколько отклоняясь от изложения, заметим, что каменная крепость в Москве — первый реализованный проект Владимирской Руси по возведению нового типа фортификации, детерминированный пожаром 1365 года. Начатый в Нижнем Новгороде проект не увенчался успехом, ввиду двух разбойных походов ушкуйников в 1366 году.

Согласно летописным данным, в следующем году Дмитрий Иванович совершил неожиданное нападение на Тверь, в результате которого Михаил тверской бежал в Литву. Судя по записям конспективно описывающей события Никифоровской летописи, воспользовавшись отсутствием основных сил, занятых во главе с Андреем (горбатым) Полоцким в Голице-Волынской Руси, Владимир Андреевич, серпуховско-боровской князь, «пришед ратью, взя Ржеву». Это была блестящая военно-политическая победа московских князей, вбивших клин между Тверью и Литвой. Переполошившийся противник Москвы быстро сколотил коалицию, которая, воспользовавшись отсутствием войск, подошла к московскому кремлю. Однако взять кремль Ольгерд не смог. По данным тверской летописи, Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич заперлись во вновь отстроенном кремле, «что стоял около города три дня и три ночи остановъ загородиа все пожже»... «а града кремля не взял и поиде прочь».

Таким образом, потоптавшись у стен кремля, Ольгерд даже не попытался его штурмовать. Наиболее содержательно события 1368 г. приведены в Московском летописном своде (МС), где в отличие от белорусско-литовских летописей в конце статьи под 6874 г. приводятся более подробные сведения об этих событиях.

Значительный научный интерес представляет поездка Владимира Андреевича, достаточно скупо описанная в белорусско-литовских летописях: «Тое же зимы князь Володимир Ондреевич ходи на помощь псковичем»⁵. Не понятна целесообразность такого шага с точки зрения разрешения ситуации в пользу Москвы в литовско-тверском противодействии. Объяснение этому маневру мы находим в МС, читая, как зимой 1368—1369 гг. «...князь Володимерь Андреевич, посланъ великимъ няземъ, иде в Новъгород Пськовичемъ на помощь и бысть тамо от збора до Петрова дни». Таким образом, в 1368 г. москвичи нанесли два военных удара с целью разрушить литовско-тверскую коалицию. Как покажут некоторые последующие события, присоединению Смоленска к Москве мешала борьба с Тверью, как по территориальным, так и политическим мотивам. С одной стороны, она отвлекала все силы и средства, а с другой,

— способствовала, как ни странно, некоторому уменьшению appetитов главного врага Москвы — Мамаю.

События 1368 г., повлиявшие на дальнейшее развитие литовско-русского противостояния, высоко оценены «Ливонской историей» 1887 года⁶.

Ожидая военного ответа, Михаил тверской, собрался с силами. Стоит упомянуть о малоизвестном факте, вскользь отмеченном Э. Клюгом, а затем П.Д. Малыгиным (одним из редакторов перевода работы Клюга), — «в осенину Михаил Александрович во две недели город Тферь срубили древян»⁷. Не отвлекаясь на сроки возведения оборонительного сооружения, а если говорить точнее — крепостной стены (вала с частоколом), заметим, что работы производились во время ежегодного сбора основного налога — налога на доходы, а это исходя из климатических условий, могло быть только в сентябре. (Очень странно, что Тверской сборник события этого года и, что особенно важно, фортификационное строительство, вообще игнорирует)⁸.

Стремительное возведение вала с частоколом в Твери, по-видимому, изменило планы Москвы на 1369 г., и она нанесла удар по Смоленскому княжеству — тогдашней территории Литвы, а зимой 1369—1370 гг. стала укреплять фортификацию Переславля, который не смог взять Кейстут 7 апреля 1372 г., как традиционно датирует это событие Клюг⁹. Все это создало предпосылки для похода Ольгерда в 1370 году. Маховик войны раскручивался все сильнее.

26 ноября 1370 г. Ольгерд (1296—1377), Великий князь литовский, внезапно появился под Волоком Ламским. Попытка сходу взять город успехом не увенчалась, а осуществлялась как обычно при нападении на города в средневековье — по мосту через центральные и, по-видимому, единственные ворота. Здесь на мосту приняли бой волочане, возглавляемые князем Василем Ивановичем Березуыским. Сам князь получил удар копьем, нанесенный из-под моста. Нагноение переросло в гангрену и князь скончался. Смерть Березуыского произошла, скорее всего, после того, как война закончилась. В то же время можно интерпретировать факт ранения на мосту, как попытку волочан совершить вылазку, поскольку перед этим источник сообщает о том, как Ольгерд «два дни оу Волока бився». Летопись дает высокую оценку подвигу Василия Березуыского: «иже преже много мужьствова на ратехъ и много храбровавъ на браняхъ и тако положи животь свои, служа князю верою. Тому хоробру такова слава»¹⁰.

Двухдневный штурм ни к чему не привел, но грозил спутать все планы, и тогда Ольгерд попытался переиграть ситуацию. Он бросил Волок и маршем двинулся на Москву. Однако, забегая вперед, заметим, что Ольгерд уже потерял время, и это дало возможность Москве подготовиться к обороне.

Дату 26 ноября мы уже приводили — это день появления литовской армии под Волоком¹¹. Дальнейший хронометраж событий несложен, если принять во внимание, что литовская рать, по данным МС, появилась у Москвы 6 декабря. При этом напомним, что исходя из сведений А.Н. Кирпичникова о походе Дмитрия московского в 1375 г. на Тверь, летом московским ратям нужно было пройти 120 км. за 6 суток¹². Зимой 1370—1371 гг., когда дороги не расчищались, расстояние 120 км Ольгерд прошел за 8 дней¹³.

Тверской сборник приводит дату появления Ольгерда под Волоком 6 ноября, что может быть опиской, природа которой состоит не в стремлении оспорить московское летописание, а в желании показать иной информационный источник. Дело в том, что тенденциозная Хроника Быховца XVI в.¹⁴ указывает без даты началом антимосковских кампаний Ольгерда г. Витебск¹⁵. Даже прямые измерения расстояния от названного города до Волоколамска (373 км) позволяют утверждать, что дата 6 ноября в Тверской летописи означает не появление литовской армии под Волоком в 1370 г., а ее выход из Витебска. В

специальной палеоклиматической сводке отмечено, что в 1370 г. на Русской равнине была дождливая осень и многоснежная зима. Если последнее не оспаривается, то вероятность наличия шоссейной дороги как инженерного сооружения, которой не страшна осенняя распутица¹⁶, следует лишь подтвердить¹⁷.

В Москве было решено, что Дмитрий Иванович останется в кремле, а его ближайшие сподвижники — двоюродный брат Владимир Андреевич и митрополит Алексий — разъедутся в самые отдаленные пункты, чтобы в случае самого неблагоприятного развития событий Северо-Восточная Русь имела возможность сохранить духовное и военное руководство, силы и ресурсы. Дмитрий Иванович заперся в кремле, но летописи по данным этого года не сообщают, сжег ли он перед этим посад, тогда как в 1368 г., несмотря на более сложную обстановку, он посад сжег¹⁸. Тем не менее, Клюг разыскал сведения относительно того, как москвичи сожгли Загородье, где находился торгово-ремесленный посад¹⁹. Посады состояли из деревянных строений и полуземлянок. Материалы, из которых они были сделаны, могли использоваться нападавшими для сооружения осадной техники, а зимой — для бесплатного расквартирования войск. В декабре 1368 г. Ольгерд смог в таких условиях простоять перед крепостью, где постоянно «курились» дымки печей, трое суток, а в 1370 г. — восемь. Источники не сообщают о каких-либо активных боевых действиях со стороны литовской рати. И не мудрено, ведь перед этим они не смогли взять даже городок Волок. Поэтому, сделав вывод, что отдать приказ о штурме Ольгерд не решился.

В таких случаях в средневековье переходили к осаде, надеясь измором заставить противника капитулировать. Осаждавшие занимались грабежами, захватом пленных, что предполагает наличие разведки. Об этом русским было хорошо известно, более того, русские войска также использовали подобные методы ведения войны²⁰. В предыдущую кампанию Ольгерд, как известно, воспользовался данными допроса пленных, которые указали на отсутствии ратей у Дмитрия Ивановича в Москве, и это позволило ему принять решение идти на Москву²¹. На это раз, дойдя до Москвы, Ольгерд остановился на Поклонной горе, где и получил известия о выдвигении с Перемышля²² Владимира Андреевича. Здесь он прикрывал юго-западное направление, исходя из опыта прошлой кампании. На этот раз, насколько можно предположить, москвичами был распушен слух о присоединении к Владимиру Андреевичу рязанских князей.

Эта информация послужила основанием для запроса о перемирии, которое было заключено не позднее 13 декабря. Против Ольгерда был и настрой его собственной армии, не горящей желанием идти на штурм²³. При этом, Ольгерду нужно было уйти не просто с миром, при боеспособной армии, но и сохранить лицо военачальника, хотя бы перед своей личной дружиной и вассалами.

Обратимся к первоисточнику. «А Ольгердъ въсхоте вечного миру, а хотя дати дщерь свою за князя Володимира Андреевича, еже и бысть. И тако помирися отъиде отъ Москвы...»²⁴. Предположим, что инициатором перемирия был Ольгерд. Представляется, что сначала оно должно было быть заключено сроком до 30 июня следующего, 1371 г., после чего по предложению Ольгерда, мог быть заключен «вечный мир». Гарантией такого мира послужил бы брак его дочери Елены с Владимиром Андреевичем. Поэтому предложение Ольгерда, сделанное им под стенами кремля, было для русских князей делом выигрышным, как с военно-политической, дипломатической, так и с моральной точки зрения.

Запись МС о времени заключения мира «на Петров день» статьи под 1370 г. сопоставима с записью следующего года, где говорится об обручении Владимира Андреевича после отъезда Дмитрия Ивановича в орду за ярлыком 15 июня.

Значит послы Ольгерда прибыли в Москву в период между 15 и 30 июня 1371 г., и перемирие было заключено. Его подписал митрополит Алексий. Очевидно, тогда и произошла помолвка Владимира Андреевича и дочери Ольгерда Елены²⁵. Черепнин обнаружил факт продления перемирия 1371 г. сроком еще на три месяца, на которое, очевидно, пошла Литва после окончания первого срока. И только после окончания второго срока «вечный» мир был заключен. Он продержался не более года.

Конечно, он был невыгоден Твери и Мамаю. Но, если Мамай манипулировал ярлыком на великое княжение, то Михаил тверской, как представляется, пропустил через свою территорию новгородских ушкуйников, нанесших удар по Костроме и Ярославлю²⁶. Ответ Дмитрия Донского был двойной и по средневековым меркам немедленный²⁷.

Скорее всего, «тое же зимы месяца декабря 30 родися великому князю Дмитрею Ивановичу сынъ Василеи. Тое же зимы женися у великаго князя Олгирда Литовскаго князь Володимеръ Андреевич Московскыйи и понят дщерь его Елену». Это позволяет утверждать, что после рождения наследника серпуховской князь был отправлен в Литву, где его принял будущий тесть, назвавший будущего зятя московским князем, и вывез оттуда жену. Полемизируя с В.А. Кучкиным, относительно возможной даты женитьбы Владимира Андреевича, А.Б. Мазуров определяет ее до начала Великого поста 1372 г., то есть до 25 января²⁸.

Изложение приведенных событий было необходимо хотя бы для того, чтобы показать невозможность сражения под Любутском в 1371 или 1372 годах. Необходимо придерживаться даты, как белорусско-литовских летописей, так и МС, — 12 июля 1373 года. Однако А.А. Зимин склоняется к более ранней датировке²⁹.

Завязка и эскалация конфликта произошли стремительно. Оказывая давление на своего вассала, Литва потребовала попуска ратей для нападения на московские, а также новгородские владения. Поводов для этого у Литвы было много. Достаточно вспомнить, что до того, как был заключен договор «О единачестве», Литва также могла быть подвергнута нападению со стороны Москвы и Новгорода.

Вторжение литовских войск произошло на апрельской фоминой неделе 1373 г., то есть по последнему снегу. За перечислением состава ратей Литвы летописец упустил из виду имя великого князя — Ольгерда и, как покажут события этой войны, не зря.

Имея численное преимущество, литовско-тверское войско атаковало Переяславль, Дмитров, Кашин. Везде были сожжены посады, взяты откупы с городов, но сами укрепления — грады — были им не по силам. Взятые в плен мирное население сгонялось в Тверь. Апофеозом войны послужило нападение на Торжок и разграбление союзниками Новоторжской волости. Жители Торжка и присланные им на помощь новгородцы сражались в поле до последнего, но были разбиты превосходящими силами противника. В числе погибших было много знатных бояр и воевод, в том числе известный ушкуйник Олександр Обакуневич³⁰.

Как уже говорилось, взятые в плен жители и ратники сгонялись в Тверь. То, что произошло в Твери в июне-июле 1373 г., сейчас бы назвали гуманитарной катастрофой. В жару несколько тысяч человек без пищи и какой-либо помощи оказались в подоженном посаде столицы княжества. Огонь охватил весь город. Как пишет Московский свод, пламя сотворило то, что «иже и погани тако не творять», что являлось отражением общерусского мнения. Новгородская летопись отмечала: «понеже бо ни от поганных не бывало такого зла». Тверской князь Михаил Александрович, приказав спасти часть своего имуще-

ства и наиболее ценных пленных, покинул горящую Тверь. Очевидно, что многие пленные, пользуясь неразберихой, попросту разбежались.

Нападение на Торжок состоялось 31 мая 1373 г., а пожар произошел спустя две-три недели, во всяком случае, до 30 июня, — Петрова дня, когда Владимир Андреевич, двоюродный брат Дмитрия Ивановича, покинул Новгород, посетив его второй раз за последние 5 лет. Сопоставляя визиты 1368 и 1373 гг., нетрудно заметить, что правительство Дмитрия Ивановича считало Новгород «своей» территорией, и не давало возможности расширить литовскую экспансию.

Уместным будет обращение к «регистру текстов», относящихся к новгородско-ганзейской торговле. Напомним, что 20 июля 1372 г. Новгород переключил мир с немецким купечеством³¹, кратко описанный Кучкиным³². Рассмотренное военно-политическое столкновение в Торжке показало, что делалось все правильно: Новгород развязывал себе руки, но, к сожалению, отбить атаку антимосковской коалиции не сумел. Ведь никто не станет отрицать, что, защищая Торжок, новгородцы защищали и московские интересы.

Анализ записей Новгородской первой летописи младшего извода по Комиссионному списку под 6880 г. и статьи следующего года наряду с вышеизложенным позволяет утверждать, что, благодаря Владимиру Андреевичу, в Новгороде стали копать ров на Людовом, Загородном и Неревском концах города. Летописец разнес эти события по разным датам, дабы не быть обвиненным в промосковских настроениях³³.

Московский князь пробыл в Новгороде с 13 марта по 29 июня 1373 года³⁴. Пытаясь отвлечь силы литовско-тверской коалиции от московских городов, Новгород 24 мая двинул в Торжок свои рати. Это вынудило Михаила тверского лично принять участие в отражении угрозы с Торжка. Возникает вопрос, имел ли юридические основания Владимир Андреевич распоряжаться в Новгороде, как военный представитель Дмитрия московского? Ответ — положительный. Как следствие, возникает второй вопрос — нес ли он моральную ответственность за проигрыш под Торжком? Что удивительно, но Москва в эпоху Дмитрия Донского действительно чувствовала свою ответственность перед периферией за промахи в своей наступательной политике. Известно, что, когда Мамай взял Нижний Новгород, Москва предлагала выкуп, чтобы избежать поджога города. Рассмотренный случай произошел раньше, но не стал от этого менее актуальным. Коль скоро князь Владимир отбыл из Новгорода 29 июня, значит, он готовился лично возглавить оборону города. Между тем, известен проект мирного договора Новгорода и Твери (Наказ), датируемый Кучкиным июнем — началом июля³⁵, который, по нашему мнению, может служить оправданием действий Владимира Андреевича, тем более, что князю было известно о планах Михаила тверского. Посылка новгородских послов в Тверь, возможно в качестве прикрытия отъезда князя, могла состояться 29 июня 1373 года. Владимир Андреевич больше нужен был в Москве.

Содержание проекта договора, его унижительность для Новгорода, который отказывался от всего захваченного Тверью, позволяет заключить, что это был тактический ход Новгорода, поскольку из новейших исследований становится ясно, что в последующем обстановка позволила новгородцам дезавуировать свои собственные предложения.

Летописи лаврентьевско-троицкой группы утверждают об участии Михаила тверского в стоянии под Любутском. Тверской сборник указывает на 12 июля, как на дату выезда из Твери ее князя, что позволяет предположить, что Михаил тверской воспользовался пожаром для скрытного выдвижения на встречу с Ольгердом под Любутск.

Несколько возвращаясь назад, заметим, что в предыдущем 1372 г. Дмитрий Иванович был занят рязанскими делами, и что важно отметить, — решил

вопрос о владельце княжеского стола в Рязани в свою пользу. Это было сделано в то время, когда Ольгерд замышлял свой грандиозный план.

После женитьбы, а может и одновременно с ней, 25 января был заключен Договор между Великим князем Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем серпуховским, по которому помимо всего прочего Владимиру Андреевичу был обещан Торжок³⁶. Таким образом, в следующем, 1373 г., серпуховской князь «отстаивал» уже свой удел.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что Владимир Андреевич действовал в правовой традиции духовных грамот, оставленных еще Иваном Калитой. Как установил в свое время Ю.Г. Алексеев, духовные Колиты послужили легитимным основанием возникновения политически удельного строя и верховной власти великого князя московского³⁷. Таким образом, отнесение Торжка к числу уделов двоюродного брата Дмитрия Ивановича позволяет в дальнейшем уверенно объяснить бинарность положения духовных Дмитрия Донского об отнесении Галича-Дмитрова Владимиру Андреевичу.

Сражение под Любутском в ряде летописей описывается как событие, произошедшее после женитьбы Владимира Андреевича, что расходится с устойчивым в историографии мнением, но не может быть опровергнуто хронологией событий. Помимо этого, необходимо отметить, что сражения как такового, по данным летописи, не было вовсе. Однако сейчас важен сам факт, что даже тенденциозная в этом отношении протверская летопись, отмечает, что Дмитрий Иванович не заперся в каменном кремле, а вышел навстречу войскам коалиции и договорился с ними о мире.

Белорусско-литовская Супральская летопись, казалось бы, забегая на 2 года вперед, точнее всех сообщает: «Того же лета Олгирьдь, князь литовський, поиде ратию к Москве. Слышалъ же князь великий Дмитрии Ивановичъ, Собра вои многи приде противу ему, ему стрегоша у Любуцьку. И стояху прямо себе, а промежи ров круть, нелзе снятиси обеимъ полькомъ. И взя миръ межи собою вечные».

Предварительный просмотр записи МС под 1373 г., посвященной «любутской истории», показывает, что реконструировать план Ольгерда по взятию Москвы можно с достаточной долей вероятности. Собрав огромные силы во главе с братом Кейстутом, сыном Витовтом, великий литовский князь Ольгерд Гедиминович сам участия в этом мероприятии не принимал, о чем упоминалось выше. И нападения на московские города, расположенные по периметру Тверского княжества, были рассчитаны на вооруженное вмешательство Дмитрия Ивановича, но даже нападение на подмосковный Дмитров не спровоцировало москвичей на военное вторжение, и тогда войска коалиции обрушились на Торжок. В это время, очевидно, из района Могилева-Чернигова-Брянска Ольгерд с личной дружиной пошел к Оке, надеясь с юга выйти на Москву.

Как официально сообщает МС, Ольгерд «в думе (задумал. — Н.Х.) со княземъ Михаилом Тферьскм со едино и поиде с ратью к Москве». Так под Любутском встретились три армии — Ольгерда, тверская и Дмитрия Ивановича. Это произошло в конце июля — начале августе 1373 года. Мир был заключен, исходя из того, что все три стороны принадлежали к одной конфессии. Ольгрэд исповедовал религию православного толка, как частное лицо. Таким образом, Рогожская летопись чуть ли не приписывает Твери роль миротворца.

Вместе с тем, место боевого соприкосновения Ольгерда и Дмитрия Ивановича московского интересно само по себе. Любутск в настоящее время представляет собой археологический памятник — объект культурного наследия федерального значения, расположенный при впадении речки Любутки в Оку, несколько ниже по течению современной Калуги. Отсюда видно, что подойти

к этому пункту тверские рати, минуя Москву, могли только транзитом через Смоленские земли.

Согласно грамоте литовского князя Ольгерда к патриарху Филофею, датируемой Кучкиным летом 1371 г., Калуга в числе иных городов, таких как Ржев, Луки, Березудск, Мценск отошла к Москве после провала московской операции в декабре 1370 года. Поэтому появление Любутска, как места встречи, соседнего с Калугой, позволяет отнести их к исторической дуальности городов средневековой Руси, выходящей за рамки простого историко-археологического источниковедения. И в самом деле, Любутск, расположенный восточнее оспариваемой Ольгердом Калуги, должен был быть взят литовско-тверским войском и послужить отправной точкой наступления на Москву. Калуга не могла остаться в стороне, когда рать Дмитрия московского «воевати города Дбряньска», что произошло летом 1370 года³⁸. Никто не станет утверждать, что к Брянску москвичи добрались через Тулу или Дорогобуж. Однако следствием этого похода могло стать аннулирование Филофеем своего патриаршего акта о наделении Алексея главой русской, киевской и литовской церковью, о чем с сомнением пишет протоиерей И. Мейндорфф³⁹. Может быть, исходя из этого обстоятельства, Ольгерд стал жаловаться в Константинополь, но не по церковным делам, а по политическим, а это было удобней сделать несколько позднее провала второй «литовщины». Можно предположить, что Любутск в 1371 г. уже был объектом геополитического действия⁴⁰.

Поход тверского князя в обход московской земли требует обоснования. Но, перед тем, как сослаться на перспективный пример XVI в., приведем сведения смоленской летописи Аврамки. Источник сообщает с максимальными подробностями о том, что по инициативе Ольгерда Михаил тверской прибыл под Любутск. Дата выхода тверской дружины из Твери, 16 июля, должна быть отнесена к выходу Дмитрия Ивановича из Москвы⁴¹. Монах Авраамка сообщил, что «стояние» продолжалось несколько дней, то есть ситуация была патовой, и после подписания очередного вечного мира рати разошлись. При этом летописец, несколько приукрашивая события, сообщает о том, что тверичи возвратились на родину без потерь⁴². Последнее косвенно может свидетельствовать о транзите тверичей через смоленские земли.

Михаил тверской и его дружина принимали участие в сражении под Любутском. В 1500 г., согласно исследованиям, в частности, А.А. Зимина и Н.С. Борисова, основная московская рать сосредоточивалась на смоленском направлении. Ее первоначально возглавлял Юрий Захарьич, который весной 1500 г. взял Дорогобуж. Затем этому воеводе были приданы тверские войска Д.В. Щени, и они подоспели вовремя, проделав путь более, чем в 300 км⁴³, победив затем в Ведрошской битве⁴⁴.

Надо сказать, что военной истории известны факты, когда о встрече союзников или начале стратегических операций было известно всем, а не только противникам. Учитывая расстояния, а также дату выхода Михаила из Твери, можно считать, что лазутчики сообщили Дмитрию Ивановичу о выдвижении тверичей на Оку⁴⁵.

Оперативно-тактическое искусство Ольгерда, подтвержденное в стоянии под Любутском, натолкнулось в данном эпизоде на стратегию Москвы относительно захватчиков с Дикого поля, где противостояние Мамаю, как это станет очевидным в ходе последующих событий, будет основной военной тактикой Дмитрия московского. Поэтому, когда в исторической литературе утверждается, что только в 1376 г. Дмитрий Иванович впервые вышел на Оку «стеречь Мамая», следует уточнить, что это не так. Ведь поход на Оку, состоявшийся в 1373 г., мог быть вызван теми же причинами, что и поход 1376 года. В любом случае, надежность разведанных на таком оперативном пространстве свиде-

тельствует о предварительной проработке вопроса московскими военными кругами. Отныне в Москве решили не допускать противника — Ольгерда, а затем Мамаю — на свою территорию, когда даже при поражении врага остаются потоптанные сельхозугодья, разрушенные села и города, а мирное население попадает в плен ⁴⁶.

В этой связи, когда летописи сообщают об обнесении в следующем году Владимиром Андреевичем града Серпухова дубовой стеной, интерпретируя этот шаг как антиордынское оборонительное мероприятие, следует согласиться с этим, упомянув и об антилитовской направленности серпуховской фортификации. Известно, что Серпухов подвергался нападению иноземных захватчиков в 1382, 1409 и 1410 годах. При этом в последний раз, в 1410 г., это совершил литовский князь Свидригайло. Впоследствии, согласно Д. Островски, Дж. Кипу и Дж. Алефу, Калуга и Серпухов были главными пунктами сосредоточения резервов для обороны со стороны Дикого поля ⁴⁷. А.М. Сахаров как-то заметил, что берег Оки в 1360 г. начал укреплять митрополит Алексей, заложив около Таруссы Владчев монастырь ⁴⁸. Следует помнить, что исследования, указавшие на формирование в XVI в. двухкомпонентной оборонительной системы Северо-Восточной Руси, имеют ввиду возведение московской каменной крепости и «берега» ⁴⁹.

Вернемся непосредственно к сражению под Любутском, куда дружина Дмитрия Ивановича подошла раньше противника. Дмитрий Иванович рассчитывал мощным внезапным ударом, опрокинув боевое охранение, прижать главные силы Литвы к оврагу, но литовцы сумели превратить авангард в арьергард. Вероятно, Ольгерд попытался обойти Любутск. Тогда москвичи стремительно атаковали сторожевой полк противника, и Ольгерд вынужден был отвести главные силы за овраг или ров. Последнее обстоятельство существенно облегчает поиск места любутского стояния и его современную топографическую привязку.

Две армии стояли друг против друга, разделенные оврагом. Сложилась патовая ситуация, и только перемирие позволило воюющим сторонам разойтись без опасения получить удар в спину.

В перемирной грамоте, составленной здесь под частоколом Любутска, которая использовалась Кучкиным в монографии «Договорные грамоты московских князей XIV в.», есть два пункта, которые выделяются своим императивом. 1. «А се грамота буде князю великому Олгерду не любя, инь отошлеть». 2. «А со Ржевы до исправы не сослати».

Предположим, что данный документ составлялся в походных условиях и носил предварительный характер. Но это абсолютно не означает, что он готовился наспех. (Черепнин, где-то заметил, что перемирие состоялось «под Любутском»). Датообразующие признаки — «от оспожина заговения до Дмитриева дни» — указывают на окончание любутского противостояния в военной плоскости и переход в плоскость дипломатическую. Следовательно, переговорщики каждой из сторон встречались не раз и, заметим, не за одним столом. Кучкин пишет, что с той стороны было семь переговорщиков, косвенно указывая на численность ратей антимосковской коалиции. Рассмотрим пункты договора подробней.

П. 1 следует отнести к требованиям, исходящим от литовской стороны. К сожалению, документа о «вечном мире» историками не обнаружено. Литовская сторона, выступая в качестве инициатора перемирия, выставляла условием внесение изменений в конечный текст мирного договора. Кучкин, приводя «ответную» реплику москвичей на требование Ольгерда, отметил боеготовность противостоящих сторон.

Не оспаривая данное положение, заметим, что это московская часть документа, в которой Дмитрий Иванович призывал литовскую сторону не затяги-

вать с рассмотрением московских предложений по мирному договору, который назывался в то время «докончанием». Следует отметить, что в дипломатической практике того времени перемирия носили срочный характер.

По поводу Ржева (п. 2) уточним, что эта приписка означает спорность выделенного населенного пункта⁵⁰. Составители документа в последний момент подстраховались ввиду возможных обвинений в братании с противником. Опытность царедворцев заслуживает уважения, хотя очевидно, что в полевых условиях стороны не всегда расходились миром. Дело в том, что на самом деле источниковедческая ценность такой приписки состоит в том, что, поскольку он составлялся около Любутска, который стороны, видимо, не поделили *in situ*, то сейчас мы можем соотнести Любутск и Ржев, как два военных объекта, отмеченные одновременно в литовской и залесской частях Списка всех русских городов⁵¹.

Возвращаясь несколько назад, приведем бесценное известие Тверского сборника, который после сообщения о побеге из тверского погреба-тюрьмы четырех новгородцев 20 апреля 1373 г. с местническим патриотизмом сообщает: «Того же лета князь великий Михайло около града Твери валъ копаль, и ровъ копаль, отъ Волги до Тьмаки, Тверскими волстми и Новотржскими губами, и вал засыпали (срыли. — *Н.Х.*) отъ Волги».

Данное известие как раз и позволят понять причину «командировки» Владимира Андреевича в Новгород⁵², которая началась до вторжения литовских ратей в пределы Тверской земли в период антипасхи 1373 года. Совладелец Москвы возглавил строительство в Новгороде дополнительных фортификационных сооружений, и эта его деятельность, естественно, не осталась незамеченной в Твери. Москве это было необходимо и по экономическим соображениям, поскольку согласно Г. Дивальду, Р. Камерону и Л. Нилу, в середине XIV в. Ганзейский союз, куда вошел и Новгород, получил полное оформление⁵³. Весьма крупные по тем меркам фортификационные работы тверичей и послужили толчком для раскрытия плана Ольгерда на 1373 г. относительно Москвы.

После получения известия о вводе в пределы Тверского княжества литовского войска в Москве сразу обнаружили, что среди его командного состава были все, кроме самого Ольгерда. Из практики прошлых нападений Литвы было хорошо известно, что атака на Москву происходила всегда во главе с Ольгердом, когда тяжелая кавалерия сбивала заставы и маршем двигалась к цели. Поэтому, во все города был разослан приказ «стоять до последнего» и предпринять меры по установлению местонахождения Ольгерда, а также Михаила тверского.

Однако, объективно кампанию 1373 г. Ольгерд проиграл, не добившись поставленной цели и понеся при этом, в отличие от Твери, некоторые военно-политические потери. Современный литовский историк Э. Гудавичюс заметил, что всю свою жизнь Ольгерд с братом Кейстутом провел в седле⁵⁴, но после поражения он до самой своей смерти в 1377 г. не пытался предпринять никаких шагов в отношении Северо-восточной Руси, уступив при этом Смоленское княжество. Обращение Андрея (горбатого) Полоцкого, бывшего сыном покойного литовского князя от первого брака, к русским в 1377 г. свидетельствует о серьезном внутривосточном кризисе в Литве, возникшем из-за вопроса престолонаследия. Это обращение последовало после страшного поражения русских войск на р. Пьяне (Пьянзе) от Мамай в июле 1377 г. и стало серьезной моральной и политической поддержкой Дмитрия Ивановича.

Возведение каменной, как оказалось неприступной для Ольгерда, крепости в Москве заставило его искать военно-тактические приемы для ее взятия.

Два раза он попытался использовать фактор внезапности, а в 1373 г. — глубокий обходной маневр. План Ольгерда состоял в том, чтобы отвлечь внимание, силы и средства Москвы на тверском и новгородском направлениях, затрудняя оперативную связь между Москвой и Новгородом, а затем, оставив Дмитрию Ивановичу погубленную Тверь, броском из района Калуги захватить Москву.

В заключении заметим, что западное направление внешней политики Московского княжеского дома не было детерминировано борьбой с Тверью и присоединением Смоленска. Это направление было связано с таким геополитическим фактором, как Великое княжество Литовское, которое до начала описанных событий вобрало в себя западные и южнорусские земли и стремилось поставить Москву на уровень Твери.

Внешняя политика в то время основывалась, прежде всего, на использовании вооруженной силы, а дипломатия в данном случае лишь подчеркивала успехи или неудачи военных. Причем, мирные договоры подписывались после завершения военных действий и нарушались опять же с применением силы. Затем они перезаключались, чтобы снова быть нарушенными. В Москве полагали, что справятся с Тверью всегда и «иными средствами», поэтому не заключали с ней мирных договоров как с Литвой. В Москве считали Михаила тверского конкурентом за обладание владимирским княжением, но не иноземным захватчиком, на которого бы распространялись нормы международного права⁵⁵. Еще А.В. Экземплярский писал, как «на исходе 1373 г. Михаил Тверской подписал мир с великим князем московским: отпустил его сына Ивана (конечно, за деньги выкупив его в орде)»⁵⁶. Коюг описывает, как весьма заботливое, содержание старшего сына Михаила тверского в качестве пленника в Москве при митрополичьем дворе⁵⁷.

Хочется обратить внимание на исследования французского историка В. Водова, который пишет, что, начиная с XIV в., тверские князья объявили себя старшими, ведя свое происхождение от киевских князей⁵⁸. Именно с Михаила Яроолавовича и Ивана Даниловича началась борьба за титулование словом «царь»⁵⁹.

Появление Михаила Александровича под Любутском со своей дружиной доказывает территориальную экспансию Твери в борьбе против Москвы, апогей которой пришелся на рассматриваемое время.

На территории северо-восточной Украины были найдены клады, состоящие из длинных новгородских палочковидных слитков. Есть все основания предположить, что слитки эти могут быть соотнесены с тверскими финансовыми потоками в ближнюю Украину, что нумизматически может быть приемлемо, исходя и длительного периода обращения данного денежного носителя дорублевой системы⁶⁰.

Следует сказать, что в течение рассматриваемого периода и в последующем Тверь постоянно укреплялась в фортификационном плане. Укреплялся Москвой и Новгород, но инженерные сооружения возводились на дерево-земляной основе. Эти крепости, также как и каменный кремль Москвы, противными сторонами, воюющими друг с другом, не были взяты штурмом ни разу. Поэтому, факт строительства каменного кремля в Москве свидетельствует не столько о военных притязаниях Москвы в то время, сколько о ее экономической мощи. Решение литовской проблемы позволило Москве сосредоточиться на борьбе с Мамаем. До Куликовской битвы оставалось 7 лет.

1. The Cambridge history of Russia. Vol.1. From early Russia to 1689. Cambridge. 2006, p.166—167.
2. САХАРОВ А.Н. Древняя Русь на путях к «Третьему Риму». М. 2006, с. 102.
3. СОЛОВЬЁВ С.М. Об отношении Новгорода с великими князьями: [Доп. сводной Новгородской грамотой]. М. 1846, с. 74.
4. ЧЕРЕПНИН Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. I. М.-Л. 1948, с. 33. Заметим, что Дмитрий Иванович показал кремль Михаилу тверскому, но перенять опыт тот никогда не пытался.
5. ПСРЛ, т.17, стб. 37—38.
6. История Ливонии. Т.2. Рига. 1887, с. 369.
7. ПСРЛ, т.15, стб. 91.
8. Там же, стб. 429.
9. КЛЮГ Э. Княжество Тверское (1247—1485). Тверь. 1994, с. 197, 206.
10. ПСРЛ, т.15, стб. 94.
11. Тверской сборник приводит дату появления Ольгерда под Волоком — 6 ноября, что как здесь показано, не является опиской. См.: ПСРЛ, т. 15, стб. 430.
12. КИРПИЧНИКОВ А.Н. Куликовская битва. Л. 1980, с. 27.
13. Постоянный снежный покров в московском регионе зимой 1370—1371 гг. установился довольно рано — в конце ноября, причем по старому стилю. Это наблюдение позволяет точнее осуществить дальнейшую критику исторического источника, отложившегося в одной из белорусско-литовских летописей: «В лето 6878. По мнози мощи быша знамения по небу, яко столпы. Тогда уполану снег в Новегороде за святым Благовещеньем, засыпа двори и с людьми. На ту же зиму ноября месяца паки приходи Олгирдь к Волоку. На Николин день к Моськве и стоя у города 8 дни и, возьм мир, возворатися восвоеси». Свои причины не упоминать центр есть у Тверского сборника: «Той же зыми въ Новьгороде Нижнемъ уползе много снегъ, и упаде съ горы за сватоймъ Благовещениемъ, и засыпа двори съ людьми». См.: ПСРЛ, т. 35, с. 48; т. 15, стб. 430.
14. ПСРЛ, т. 11, с. 11. Хроника Быховца, памятник белорусско-литовского летописания, — тенденциозный источник XVI в., составившийся в пору наивысшего напряжения отношений между Россией и Литвой. Литературный пересказ ее можно найти у М.Н Тихомирова. См.: ТИХОМИРОВ М.Н. Средневековая Москва. М. 1997, с. 298—299.
15. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. Минск. 2004, с. 83.
16. БОРИСЕНКОВ Е.П., ПАСЕЦКИЙ В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М. 1988, с. 280.
17. Мосты XIV в., их роль в транспортной системе Англии изучалась Д. Харрисоном. См.: HARRISON D. The bridges of medieval England: transport and society, 400—1800. Oxford. 2006.
18. ПСРЛ, т. 11, с. 11.
19. КЛЮГ Э. Ук. соч., с. 199.
20. О взятии «языка» русскими непосредственно перед Куликовской битвой можно прочесть в западнорусских летописях. ПСРЛ, т. 32, с. 51.
21. ПСРЛ, т. 25, с. 185.
22. Имеется два населенных пункта под названием Перемышль, но поскольку оба являются субъектами рассматриваемого исторического процесса, велика вероятность того, что здесь мог быть задействован Перемышль калужский. Правда, еще В.Н. Дебольский показал на основании сопоставления Растовца и Перемышля, что речь идет о Перемышле подмосковном. С этим соглашаются все специалисты. См.: ЮШКО А.А. Феодальное землевладение Московской земли XIV в. М. 2002, с. 43; КУЧКИН В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М. 1984; ЕГО ЖЕ. К оценке договора 1372 г. великого князя Дмитрия с Владимиром Серпуховским. — Отечественная история. 2007, № 3, с. 84.
23. ЧЕРНОВ В.З. Волок Ламский в XIV — первой пол. XVI в. Структуры землевладения в формировании военно-служивой корпорации. М. 1998, с. 50.
24. ПСРЛ, т. 15, стб. 94—95.
25. ХОРОШЕВ А.С. Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М. 1986, с. 99.
26. Еще в период правления Гедимины, как пишет Дж. Феннелл, в Новгороде сложилась пролитовская партия, которая, соединившись с протверской в 1346 г., дала бой Москве в Торжке. Это дало толчок походам ушкуйников, с чем в принципе согласился В.А. Кучкин. См.: FENNEL J. History of the Russian Church to 1448. L.-N.Y. 1995, p. 127, 226.
27. БОРЗАКОВСКИЙ В.С. История Тверского княжества. СПб. 1876, с. 154.
28. МАЗУРОВ А.Б. Духовная грамота вдовы князя Владимира Андреевича Серпуховского. В кн.: История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. М. 2006, с. 43, прим. 4.

29. ЗИМИН А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — Проблемы источниковедения. Вып. 6, 1958, с. 285, прим. 68.
30. ХОРОШЕВ А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М. 1980.
31. Датировка дипломатического акта — «за 3 дня до праздника Марии Магдалины». Речь шла о продлении перемирия. См.: ГВНП, № 43, с. 79, 77; СКВАЙРС Е.Р., ФЕРДИНАНД С.Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М. 2002, с. 305; КАШТАНОВ С.М. Институты государственной власти Великого Новгорода и Пскова в свете немецкой средневековой терминологии (Предварительные заметки). Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М. 2003, с. 297 и примечания.
32. КУЧКИН В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М. 2003, с. 99.
33. БОБРОВ А.Г. Новгородское летописание 20-х гг. XV в. Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. Т. 48. М. 1993, с. 187—191.
34. БАССАЛЫГО Л.А. Еще раз о датировке грамот ГВНП № 15—18 и ДДГ № 9. В кн.: Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей. М. 2009, с. 32.
35. ГВНП, № 17; КУЧКИН В.А. Договорные грамоты..., с. 96.
36. КУЧКИН В.А. Договор 1972 г. Великого князя Дмитрия Ивановича с Владимира Андреевича Серпуховским. — Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007, № 2(28), с. 20.
37. АЛЕКСЕЕВ Ю.Г. Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы. Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 18. 1987, с. 108—109.
38. ПСРЛ, т. 25, с. 185.
39. МЕЙНДОРФФ И. Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей. Paris. 1990, с. 230, 239. Дело могло дойти до патриаршего судебного разбирательства, но никто из доверенных лиц в Константинополь не прибыл, и дело угасло в горниле «захватывающих коллизий», — пишет Мейендорфф, — между Тверью и Москвой» (1373 г.), а затем появился Киприан.
40. Характерно, что Любутск, как город литовской и залесской части Списка всех русских городов, не входил, в отличие от Калуги, в состав отчин, передаваемых по наследству потомкам Дмитрием Донским.
41. Прибыть под Любутск Дмитрий московский мог не позднее 26 августа. Историкам известен весьма любопытный случай, приведенный Г.М. Прохоровым, когда претендент на пост патриарха Киевского и всея Руси митрополит Киприан, пытаясь прорваться в Москву, 3 августа 1378 г. писал письмо своим сторонникам в Белокаменную из Любутска, а уже 23 был выдворен из Москвы слугами Дмитрия Ивановича. См.: ПРОХОРОВ Г.М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. СПб. 2000, с. 264.
42. ПСРЛ, т. 16, стб. 98.
43. Для того, чтобы «воевати» Брянск в 1370 г. дружине Дмитрия московского нужно было преодолеть по прямой 350 км, а в оба конца — 700.
44. Как пишет Густав Алеф, тверские рати принимали участие во всех западных походах Ивана III. См.: ALEF G. Op. cit., p. 120—121.
45. Столь ранних известий о действиях специальных служб в источниках не находилось. Вместе с тем, по первому докончанию Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича, каждый из его подписавших был обязан докладывать другому «без промышления» обо всех выступлениях крестьян, а также покушениях на имущество и отчину «поведать правду». Интересно отметить, что Черепнин не стал возводить данные положения источника в ранг классовой борьбы, хотя, наверное, следует поискать сведения о каких-нибудь крестьянских бунтах или иных социальных столкновениях в это время. См.: ЧЕРЕПНИН Л.В. Ук. соч., с. 34.
46. БОРИСОВ Н.С. Русские полководцы XIII—XVI веков. М. 1993, с. 91—92.
47. КЕЕР J.L.H. Soldiers of the tsar: army and society in Russia, 1462—1874. Oxford. 2002, p. 16.
48. САХАРОВ А.М. Города Северо-восточной Руси XIV—XV вв. М. 1959, с. 98.
49. HELLIE R. The costs Muscovite military defense and expansion. The Military and society in Russia, 1450—1917. Cambridge. 1999, p. 48.
50. В.Л. Янин считает, что стороны оставили это вопрос «открытым». См.: ЯНИН В.Л. О дате составления обзора «а се имена градом всем русским дальним и ближним». Древнейшие государства на территории Восточной Европы. М. 1995, с. 130
51. Не принимая во внимание Курск. См.: ТИХОМИРОВ М.Н. Список русских городов дальних и ближних. (Историко-географическое значение памятника XV в.). Исторические записки. Т. 40. М. 1952, с. 224, 237, 248, 252.
52. ГОРСКИЙ А.А. Москва и Орда. М. 1986, с. 86.

53. CAMERON R., NEAL L. A concise economic history of the World. From Paleolithic Times to the Present. N.Y.-Oxford. 2003, p. 76; DIWALD H. Geschichte der Deutschen. Frankfurt a. M. 1978, p. 702.
54. ГУДАВИЧИУС Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М. 2005, с. 138, 147.
55. OSTROWSKI D. Troop mobilization by the Muscovite grand Princes (1313—1533). The military and society in Russia 1450—1917. History of warfare. Vol. 14. Brill-Leiden-Boston-Köln. 2002, p. 32.
56. ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб. 1889, с. 105. Дату 1373 г. — заключение мира между Тверью и Москвой после Любутска — приводил В.С. Борзаковский. См.: БОРЗАКОВСКИЙ В.С. Ук. соч., с. 158.
57. КЛЮГ Э. Ук. соч., с. 207, 209.
58. VODOFF W. La place du grand-prince de Tver' dans les structures politiques russes de la fin du XIVe et du XVe siecle. Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Wiesbaden. 1980, Bd. 27, S. 32—62; The Cambridge history of Russia, vol. 1, p. 150.
59. ФЛОРЯ Б.Н. О путях политической централизации русского государства: (на примере Тверской земли). Из истории русской культуры: сборник в 5 т. Т.2. Кн.1. М. 2002, с. 520—521; GRUMMY R. The formation of Muscovy (1304—1613). L.-N.Y. 1987, p. 29—37.
60. БАУЕР Н.П. Серебряные слитки и золотые слитки русского средневековья. (Археологическое исследование). М. 2013, с. 171.

Образование Молдавского государства

А.В. Майоров

История образования Молдавского государства (Молдавской земли) изложена в «Сказании вкратце о молдавских господарях» — части так называемой Славяно-Молдавской летописи 1359—1504 годов¹. Текст памятника ныне известен по одиннадцати спискам XVI—XVIII вв., семь из которых — списки Воскресенской летописи, еще три списка — в сборниках смешанного содержания и один — в Патриаршем списке Никоновской летописи².

Памятник содержит легендарные сведения о пришедших из Венеции двух братьях Романе и Влахате — прародителях молдавского народа. Спасаясь от гонений еретиков, братья пришли в место, называемое Старый Рим, и основали здесь город Роман. Род их сохранил верность древнему православию после того, как папа Формос принял латинство, а его последователи основали Новый Рим. Между потомками Романа — «Романовцами» — и латинянами началась «великая брань», продолжавшаяся до времени правления венгерского короля Владислава, племянника Саввы Сербского, тайно в своем сердце хранившего верность православию, хотя внешне соблюдавшего «латинский закон».

В правление Владислава на Венгрию напали татары. Из своих кочевий на реках Прут и Молдава через горы татары под предводительством князя Неймета прошли венгерскую землю Эрдель (Трансильвания) и встали на реке Мореш. Венгерский король позвал на помощь римлян — новых (то есть латинян), обратившись к кесарю и папе, и старых (то есть православных «романовцев»). Новые римляне прислали Владиславу тайную грамоту, предлагая поставить православных старых римлян в первые ряды войска, чтобы все они погибли в битве с татарами, а тех, кто уцелеет, задержать у себя в Венгрии, пока новые римляне не захватят их город и не обратят в латинство оставшихся там без защиты женщин и детей.

Вскоре на реке Тисе произошла «битва великая» короля Владислава с татарами князя Неймета. Старые римляне первыми пошли на татар и вместе с венграми одержали над ними полную победу. «Жалую и милую» старых римлян за храбрость, Владислав позвал их к себе на службу и показал тайную грамоту новых римлян. Не поверив этой грамоте, старые римляне отпроси-

Майоров Александр Вячеславович — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

лись у короля проведать свой город и, увидев, что Старый Рим разорен, а их жены и дети обращены в латинство, стали просить Владислава дать им для проживания новые земли и сохранить их старую греческую веру. Король охотно выполнил просьбу и дал старым римлянам землю в Маромаруше³, между реками Морешем и Тисой, называемую Крижи (Крижетур). Здесь и поселились старые римляне, взяв в жены венгерских женщин и обратив их в православие.

Среди «романовцев» был мудрый и мужественный человек по имени Драгош. Однажды на охоте, преследуя тура, он перешел горы и нашел за ними прекрасную пустующую землю на краю татарских кочевий. Отпросившись у короля Владислава, Драгош вместе с дружиной, женами и детьми перешел Карпаты и поселился на новой земле по реке Молдаве. Соплеменники выбрали его своим господарем и воеводой. И так по Божией воле началась Молдавская земля.

Драгош правил два года, затем четыре года воеводствовал его сын Сас, а после восемь лет — сын Саса Лацко, а затем шесть лет — воевода Богдан. Далее следует перечень имен других молдавских правителей с указанием числа лет правления. Летопись заканчивается кратким сообщением о смерти господаря Стефана III Великого в июле 7010 (7017; в действительности Стефан умер 2 июля 1504, то есть 7012 г.) и переходе власти к его сыну Богдану.

Все известные ныне списки Славяно-Молдавской летописи 1359 — 1504 гг. находятся в рукописных собраниях Российской Федерации — Санкт-Петербурга и Москвы. Наиболее ранние из них датируются второй половиной XVI века. Первые публикации памятника также были сделаны в России — в 1793 и 1856 годах⁴.

Со времени публикации известной работы Богдана Петричейку Хашдеу о Негру Водэ — легендарном правителе Валахии — стало очевидным, что «Сказание вкратце о молдавских господарях» ведет повествование о происхождении молдаван не с незапамятных античных времен, как считалось ранее, а от вполне реальных исторических событий, происходивших в XIII веке.

Легенда о переселении предков румын и молдаван из Венеции могла зародиться в Олтении (Малой Валахии) после того, как в первой половине XIII в. здесь в Недейе, а затем в других местах на территории современных жудецев Долж и Горж поселились венецианцы. Обнаружив близкое сходство своей речи с разговорным языком венецианцев, олтяне убедились в своем родстве с ними. Это открытие и породило мнение о приходе румын из Венеции⁵.

Согласно Хашдеу, находит историческое объяснение и существование двух ветвей валахов — католической в Долже и православной в Романаце. В правление венгерского короля Владислава (Ласло) IV Куна (1272—1290) в Олтыанском воеводстве (наиболее сильном румынском воеводстве королевства) известны католический воевода Михаил Летин из Недейи и православный воевода Дан из Романаца. С началом правления Михаила усилилась напряженность в отношениях между католиками и православными. Среди последних самыми ревностными были жители Романаца (историческая территория Романаца ныне входит в жудец Олт). «Новыми римлянами» Сказания историк считал «летинов» из Недейи (Новый Рим), а православных «старых римлян» идентифицировал с жителями Романаца, на территории которого располагался античный город Ромула (Старый Рим)⁶.

Согласно новейшим данным, город Ромула, основанный на месте дакийского поселения Мальва, во II—III вв. н. э. был одним из двенадцати городов провинции Римская Дакия (после 158 г. Ромула — столица диоцеза Южная (или Мальвийская) Дакия); в настоящее время — деревня Решка в районе Добрословень жудеца Олт⁷.

Выводы Хашдеу нашли некоторую поддержку в ходе дальнейших исследований⁸. Вместе с тем, современные румынские историки ставят под сомнение существование в Олтении XIII в. сколько-нибудь значительных противоречий в отношениях православного и католического населения, ссылаясь на отсутствие надежных исторических данных на этот счет. Кроме того, прозвище воеводы Михаила «Летин» может указывать не только на конфессиональную, но и на этническую принадлежность: так могли называть выходца из Литвы. Впрочем, земли Малой Валахии (Олтении) в большей степени могли испытывать католическое влияние, чем расположенные на восток от нее земли Великой Валахии (Мунтении)⁹.

Иная ситуация складывалась на территории комитата Марамарош — северо-восточной окраины Венгерского королевства, которая долгое время оставалась малонаселенной. Также как и другие приграничные регионы, венгерские короли и знать различными способами пытались колонизировать необжитые районы Марамароша, в том числе путем привлечения иностранных поселенцев.

После монголо-татарского нашествия 1241—1242 гг., когда половина Венгерской равнины практически обезлюдела, колонизация распространилась по всей стране. Начиная со времени правления Владислава IV, валахи стали селиться в Венгрии в большем количестве, в XIV в. их приток еще больше усилился. Валахи группами переселялись в Венгрию, привлекаемые налоговыми льготами и наличием свободных земель. Причем, основной поток валашской колонизации происходил не с территории Олтении и Мунтении, а из так называемой Великой Влахии (ныне в Центральной Македонии), находившейся под церковной юрисдикцией православной Вранской епархии, поэтому выходцы оттуда в основном исповедовали православие. Первые валашские поселенцы должны были появиться в Марамароше в конце XIII в., а первые письменные свидетельства о колонизационной деятельности валашских князей могут быть датированы 1326 годом¹⁰.

О том, что истоки легенды о происхождении молдаван следует искать в первой половине XIII в., могут свидетельствовать имена легендарных прародителей народа — Романа и Влахаты — названные в Сказании.

В 1247 г. посол римского папы Иннокентия IV в Монголию Джованни дель Пано Карпини, покидая пределы половецких степей, на обратном пути в Западную Европу повстречал двух князей, направлявшихся на восток: «При выезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю татар, и его товарищей и живущего поныне князя Алогу и его товарищей». Далее Карпини делает еще одно важное замечание: «С нами из Комании выехал также посол князя Черниговского и долго ехал с нами по России. И все это русские князья»¹¹.

Приведенное известие давно замечено исследователями, у которых в целом не вызывает сомнений, что имя *Aloha* (*Олоха*) вероятнее всего могло быть производным от этнонима *волох* (*валах*), а отнесение Романа и Олохи к числу русских князей должно означать не столько этническую, сколько конфессиональную принадлежность к православным христианам. Все это, несомненно, позволяет соотнести князей Романа и Олоху, упоминаемых Карпини в числе свидетелей его путешествия на Восток, с Романом и Влахатой — персонажами «Сказания вкратце о молдавских господарях»¹².

Можно привести еще одно упоминание о валашском правителе с именем, созвучным имени Роман, встречающееся в источниках первой половины XIII века. В одном из вариантов составленной около 1215—1220 гг. пространной записи «Песни о Нибелунгах» упоминается некий валашский герцог Рамунг (*Romunc*): «Примчался в Тульн с дружиной из семисот бойцов // Валашский герцог Рамунг, храбрец из храбрецов»¹³.

Исследователи в целом не сомневаются в исторической реальности воеводы Драгоша, переселившего предков молдаван на новую родину, несмотря на явственные мифологические черты рассказа о вожде-герое, открывающем во время охоты новые земли для своего народа. Иногда Драгоша идентифицируют с упоминающимися в исторических документах Драгошем из Бедё или Драгошем, сыном Дьюлы. Впрочем, эти отождествления остаются спорными¹⁴.

По-разному историками определяется и время прихода Драгоша в Молдавию, предложенные датировки располагаются в весьма широком хронологическом диапазоне — от второй половины XIII до середины XIV века¹⁵.

Если строго следовать хронологическим указаниям «Сказания вкратце о молдавских господарях», то Драгош вместе с соплеменниками пришел в Молдавию и установил свою власть путем колонизации новых земель в 1359 г., после чего он правил здесь от лица венгерского короля в течение двух лет. 6867 (1359) г. в качестве даты прихода Драгоша приводят и все другие молдавские летописи XV—XVI веков¹⁶. Исключение составляет только написанная в 1566 г. на польском языке так называемая Молдавско-Польская летопись 1352—1564 гг., датирующая приход Драгоша 6860 (1352) годом¹⁷.

Тем не менее, именно 1352—1353 гг. признаются большинством исследователей как наиболее вероятное время правления Драгоша, поскольку такая датировка лучше согласуется с известными по другим источникам датами последующих событий, прежде всего, началом правления воеводы Богдана I и его борьбы за свержение венгерского суверенитета (1359 г.)¹⁸.

Однако, опираясь на более широкий комплекс известий, относящихся к борьбе венгерского и польского королей за освобождение земель к востоку от Карпат от власти татар, а также учитывая счет лет правления потомков Драгоша, приведенный в Сказании, наиболее вероятным временем образования «марки Драгоша» можно считать период между 1345 и 1349 годами¹⁹.

Вошедший в «Сказание вкратце о молдавских господарях» рассказ о переселении православных «романовцев» на новую родину после их победы над татарами в составе войска венгерского короля Владислава содержит противоречие, не позволяющее впрямую соотнести этот рассказ с историческими событиями середины XIV века. В описываемое время в Венгрии правил король Людовик (Лайош) I (1342—1382), и среди представителей Анжуйской династии вообще не было правителей с именем Владислав.

Споры по поводу отождествления короля Владислава, победителя татар и покровителя православных валахов, позволившего им переселиться на новые земли, ведутся давно. Выяснение этого вопроса имеет принципиальное значение для истории Молдавии, так как позволяет определить время переселения предков молдаван из Марамароша на берега реки Молдовы и, следовательно, дату основания Молдавского государства.

Первым специальным исследованием по этому вопросу стала статья выдающегося румынского историка, впоследствии президента Румынской Академии Димитрие Ончула «Драгош и Богдан — основатели Молдавского княжества» (1884 г.). Проанализировав все версии легенды, Ончул сделал вывод, что Владислав из Сказания не мог быть венгерским королем Владиславом IV Кунном, никогда не побеждавшим татар, а, наоборот, потерпевшим от них тяжелое поражение. Кроме того, во второй половине XIII в. Марамарош еще не был заселен валахами. Описанные в Сказании события могли произойти только при короле Людовике I Анжуйском.

Ончул ссылается на сообщение придворного летописца Людовика Яноша из Тырнова о частых набегах татар на Эрдель (Трансильвания) и земли секеев, а также об ответном походе венгерской армии под командованием Андрея Лакфи, закончившемся разгромом татар, возглавляемых неким Атламышем²⁰. Вен-

герский король Владислав, — делает вывод Ончул, — может быть отождествлен с трансильванским воеводой Андреем Лакфи²¹.

Уже в 1885 г. другой классик румынской историографии Александру Ксенопол оспорил выводы Ончула, считая, что в легенде речь идет о Ласло IV Куна. Между историками развернулась жаркая полемика. Ончул признал вывод Ксенопола ошибочным, уточнив, что Владислав в Сказании — это отец трансильванского воеводы Андрея Лакфи или буквально *Лацкфи*, то есть сына *Ла(м)цка* (Латцко — Владислав)²².

В наиболее развернутом виде аргументы Ксенопола представлены во втором томе его неоднократно переизданной «Истории румын Траянской Дакии», где анализу Сказания посвящен специальный раздел. В защиту своей позиции историк приводит грамоту Ласло Куна, датированную 1288 г., в которой король упоминает об экспедиции, предпринятой им вместе с множеством баронов и вельмож его королевства с целью преследования половцев, тайно бежавших из страны. По следам беглецов участники экспедиции прошли «через горы», граничащие с владениями татар, в земли, «куда не ступал ни один из предшественников короля»²³. Ксенопол полагал, что именно этот поход Ласло IV через Карпаты против половцев и победа над ними в несколько измененном виде могли отразиться в Сказании, где половцы превратились в татар²⁴.

Как отмечал в 1986 г. Николае Стоическу, спор между Ончулом и Ксенополом разделил последующих румынских историков на два лагеря — сторонников одной или другой точки зрения²⁵. Этот спор, в котором также участвуют молдавские историки, продолжается и в настоящее время.

Первые попытки приурочить рассказ о переселении молдаван на новую родину ко времени правления венгерского короля Ласло IV были сделаны еще молдавскими летописцами. К примеру, легендарного Владислава с Ласло Куном отождествил Мирон Костин (1633—1691), синхронизировав тем самым два разных события — основание Молдавского княжества Драгошем и возникновение первого румынского княжества Негру Водэ в Мунтении²⁶.

Имя короля Владислава в качестве главного хронологического ориентира в легенде о Драгоше и переселении молдаван воспринимал Август Людвиг Шлёцер, также отождествлявший этого Владислава с Ласло IV, поскольку последний не только состоял в родстве с Саввой Сербским (племянник Саввы Стефан Драгутин был женат на сестре Ласло), но и подозревался в ереси католической церковью²⁷.

Среди новейших историков наиболее последовательно и широко отождествление короля Владислава с Ласло Куном аргументируют Павел Параска и Овидиу Печичан. Исследователи устанавливают, что конфликт Ласло IV с половцами возник вследствие исполнения королем требований папского легата Филиппа, епископа Фермо, касавшихся искоренения в Венгрии ересей, язычества и восточной схизмы. В 1279 г. под давлением этого легата Ласло предписал половцам, в большом количестве переселившимся в Венгрию еще накануне нашествия Батыя, перейти к оседлой жизни, строго следовать католическому обряду и поселиться на новых, назначенных королем местах, в частности в Кришане, на реках Тиса, Криш, Муреш, Тимиш и в районе города Тыргу-Муреш (ныне административный центр жудеца Муреш). Примечательно, что часть этих гидронимов — Тиса, Муреш, Криш — упоминаются в летописном рассказе о победе Владислава над татарами²⁸.

В ответ на репрессии в 1282 г. венгерские половцы подняли восстание. После поражения, нанесенного им королевскими войсками в битве на Тисе при впадении в нее Муреша (еще одно совпадение с рассказом Славяно-Молдавской летописи о победе Владислава над татарами) часть половцев ушла на восток

«за горы». Возможно, именно эти беглые половцы спровоцировали новое нашествие татар в 1285 г., в котором сами приняли участие.

По мнению Параски, автором Славяно-Молдавской летописи поход против половцев был перенесен на поход против татар, поскольку половцы, борющиеся за сохранение автономии, как считали уже некоторые средневековые хронисты, бежали к татарам²⁹. Чтобы вернуть беглецов, Ласло IV со своими баронами в 1288 г. организовал экспедицию, в ходе которой венгерские войска достигли территории Молдавии³⁰.

Тудор Сэлэгян обратил внимание, что в рассказе Симеона Даскэла, продолжателя и интерполятора летописи Григоре Уреке, есть сообщение (со ссылкой на древние венгерские хроники), что король Владислав начал сражение с татарами перед Рождеством, а освободил от них Молдавию и вернулся в свою столицу на масленицу³¹. И хотя Симеон Даскэл не указывает точных дат, его описание более соответствует хронологии татарского нашествия 1285 г.: король Владислав (Ласло IV) начал войну с татарами 25 января, а завершил боевые действия на Пасху (25 марта)³².

Впрочем, сам Сэлэгян приходит к выводу, что в Славяно-Молдавской летописи все же речь идет о победе над татарами, произошедшей в середине XIV века³³.

Рассмотрим главные аргументы в пользу такого решения.

В 1340—1350-х гг. в результате серии успешных военных кампаний польского и венгерского королей татары были вытеснены с территории Восточного Прикарпатья и Приднестровья. Опираясь на союз с Венгрией, польскому королю Казимиру III (1333—1370) к 1349 г. удалось присоединить к своим владениям Галицкую землю, правители которой ранее признавали зависимость от Золотой Орды³⁴.

В 1343 г. венгерский король Людовик I также начал наступление против татар, но первые столкновения с ними оказались неудачными. Тогда король назначил Андрея Лакфи, ишпана секеев и будущего воеводу Трансильвании, командовать венгерской армией, состоявшей преимущественно из секеев, пересекшей Карпаты и вступившей в татарские владения в начале 1345 года³⁵.

Об этом походе сообщают два современных венгерских источника. Первое сообщение содержится в шестой части «Жития и деяний Людовика, короля Венгрии» упомянутого выше архидиакона Яноша из Тырнова, придворного летописца Людовика I, именуемого также Яношем из Кюкюллё (ныне Тырнэвени, жудец Муреш, Румыния). Указанное известие, как и весь труд Яноша из Тырнова, дошел до нас в составе так называемой Дубницкой хроники, составленной в Варадине в 1470-х гг. путем сведения текстов более ранних источников. Свое нынешнее название хроника получила по единственному сохранившемуся списку, происходящему из Дубницы (ныне в Словакии). Рассказ Яноша из Тырнова воспроизведен также в Будайской хронике и Хронике Яноша Туроци³⁶.

Второе сообщение — содержащий ряд дополнительных подробностей рассказ о битве венгров и секеев с татарами анонимного монаха-минорита, возможно, непосредственного очевидца событий. По некоторым данным, этим анонимным автором мог быть Янош из Эгера, также близкий ко двору Людовика I. Составленная им Хроника охватывала период с 1345 по 1355 гг. и также дошла до нас в составе Дубницкой хроники³⁷.

В «Житии и деяниях Людовика» Яноша из Тырнова читаем: «В то время, когда свирепый народ Тартар часто нападал на Венгерское королевство, на земли Трансильвании и [земли] Секеев, король послал против Тартар усердного и воинственного мужа Андрея, сына Лацка (Andream filium Lachk), трансильванского воеводу, вместе с народом Секеев, знатью и сильными воинами, чье

большое войско вторглось в землю, где они (татары. — *А.М.*) обитали, и, сойдясь с ними на поле битвы, победило их вместе с их князем по имени Атламош, и этот князь был обезглавлен, и множество знамен и пленных Тартар было передано его королевскому величеству в Вышеград. После этого Секеи стали часто нападать на Тартар и с большой добычей возвращаться домой. А те Тартары, кто ушел, бежали в далекие приморские области к другим Тартарам»³⁸.

Из сообщения анонимного минорита узнаем точную дату победы над татарами и ряд других подробностей: «В 1345 году [от Рождества] Господа, спустя три года после коронации короля Людовика, в праздник Очищения Пресвятой Девы Марии Секеи с немногими Венграми, оказавшимися среди них, с помощью Божией выступили против Тартар, и предали мечу бесчисленное множество Тартар в земле их. И там очень сильный их князь по имени Отламус, второй после Хана, женатый на сестре самого Хана, был взят живым, а после обезглавлен; за его выкуп были обещаны огромные деньги. Но Венгры отказались, заботясь о будущем; они также принесли домой их (татар. — *А.М.*) флаги, множество пленных, и очень большую добычу, прежде всего, золото и серебро, ценные вещи, а также драгоценные камни и дорогие одежды, сражение между ними продолжалось три дня непрерывно»³⁹.

Итак, согласно анонимному минориту, решающая битва с татарами состоялась на праздник Очищения Пресвятой Девы Марии. В Римско-Католической церкви этот праздник посвящен воспоминанию о принесении младенца Иисуса во храм и очистительном обряде, совершенном его матерью на сороковой день после рождения первенца. В православной традиции праздник именуется Сретением — в память о встрече в Иерусалимском Храме младенца Иисуса с праведным старцем Симеоном. Праздник отмечается 2 февраля.

Победоносный поход против татар венгров и секеев под предводительством Андрея Лакфи упоминается также в нескольких грамотах Людовика I. 29 апреля 1357 г. король пожаловал трансильванскому вице-воеводе Доминику Мачке и его брату Иванке поместье Красно в комитате Тренчен за прежние заслуги, среди которых особо выделяется участие вместе «со своим господином, достойным мужем Андреем, сыном Лацка, тогда комитом Секеев, а ныне воеводой Трансильвании, [в походе] против Тартар и Рутенов»⁴⁰.

Давно замечено, что *Rutenos*, упомянутые в этом источнике в качестве союзников татар, — это, вероятнее всего, русские жители Подолья, признававшие власть татар, платившие им дань и участвовавшие в их военных предприятиях⁴¹.

В известных ныне источниках не отразились факты, которые могли бы свидетельствовать о вытеснении татар с территории будущего Молдавского княжества ранее середины XIV века. Между тем, именно разгром и изгнание татар должны были стать необходимым условием последующего переселения на молдавские земли валахов под предводительством Драгоша.

Перелом в вековом противостоянии Венгерского королевства с татарами мог наступить только после 1345 года. В следующем году секеи, по свидетельству анонимного минорита, совершили еще одну вылазку против татар, вновь одержали победу, нанеся им большие потери, и возвратились с немалой добычей; в результате татары отошли на юг, к побережью Черного моря⁴². Здесь они понесли новые потери вследствие распространения в Причерноморье эпидемии чумы, пришедшей из Италии около 1347 года⁴³.

Об освобождении от татар земель будущей Молдавии во второй половине 1340-х гг. может свидетельствовать следующий факт. В начале 1347 г. римский папа Климент VI (1342—1352) счел, что в результате побед над татарами наступил подходящий момент для восстановления к востоку от Карпат прежней иерархии католической церкви. В послании от 29 января, адресованном венгер-

скому архиепископу Калоча, папа распорядился восстановить «Милковский епископат в Венгерском королевстве, на землях, граничащих с Тартарами», и назначить в качестве нового епископа Тому Нимпти, капеллана венгерского короля августинского монаха-отшельника и проповедника⁴⁴.

Известно, что попытки восстановить Половецкое или Милковское епископство предпринимались папами при поддержке венгерского короля еще в конце 1320-х и в 1330-е годы. Однако назначаемые на милковскую кафедру прелаты не могли находиться в своей епархии и несли службу в других местах. Так было и с Т. Нимпти, который через несколько месяцев после своего назначения был уже в Венеции в качестве посла венгерского короля⁴⁵.

Это можно объяснить, исходя из письма папы Николая III (1277—1280) к своему легату Филиппу, епископу Фермо, датированного 7 октября 1278 г., где говорится, что город Милков лежит в руинах еще со времен нашествия Батыя, и что уже сорок лет там нет ни епископа, ни католических жителей⁴⁶. Епархиальный центр Милков располагался, вероятно, на одноименной реке (притоке Сирета), в районе современного города Фокшаны (жудец Вранча, Румыния).

И все же, попытки возродить Милковское епископство увенчались успехом. Это произошло, по-видимому, в первой половине 1350-х годов⁴⁷. 12 февраля 1353 г. папа Иннокентий VI (1352—1362) назначил еще одного епископа на милковскую кафедру, говоря о ней, как о вакантной долгое время⁴⁸.

Восстановление католической епархии к Востоку от Карпат, несомненно, стало результатом ослабления власти татар в этом регионе. Тем не менее, борьба с ними Венгерского королевства на рубеже 1340—1350-х гг. еще продолжалась. Около 1348 г. татары совершили ответное вторжение в Венгрию. Весной 1352 г. королевские войска были вновь мобилизованы для войны с ними, а папе отправлено донесение о недавнем нападении татар, которое могло быть частью их военных действий против Польши (в 1352 г. союзные венгерско-польские войска участвовали в осаде волынского города Белза, обороняемого литовцами, союзниками которых были татары)⁴⁹. В следующем году король Людовик, опасаясь нового нападения татар, распорядился укрепить все замки своего королевства⁵⁰.

О походах венгерского короля против татар в 1352 и 1354 гг. сообщает также флорентийский историк Маттео Виллани (ум. в 1363 г.), продолжатель Новой Хроники своего брата Джованни. По сведениям хрониста, во время похода 1354 г. венгерский король даже пытался заключить мир с неким юным татарским королем, склонявшимся будто бы к принятию христианства⁵¹. Впрочем, сведения Виллани отличаются неясностью и явными преувеличениями, вызывая серьезные сомнения у исследователей⁵².

Начавшаяся в 1359 г. в Золотой Орде двадцатилетняя внутренняя усобица ослабила государство и не позволила сохранить контроль над отдаленными западными окраинами.

Ослабление влияния татар в Восточном Прикарпатье имело еще одно последствие: Венгерское королевство заявило свои права на земли «Кумании», в том числе территории между Карпатами и Днестром. Только в таких условиях здесь мог появиться Драгош, воевода из Марамароша, прибывший в Молдавию в качестве наместника венгерского короля и возглавивший процесс колонизации освобожденных земель марамарошскими валахами. О том, что Людовик I считал Молдавию частью Венгерского королевства, свидетельствует его известная грамота 1365 г., в которой четырежды упоминается «наша земля Молдавия»⁵³.

Центр Молдавского воеводства во времена Драгоша должен был находиться в бассейне реки Молдовы и на Буковине; юго-восточная часть позднейшего Молдавского княжества и в особенности районы, прилегающие к побережью Черного моря, скорее всего, оставались еще под властью татар⁵⁴.

На рубеже 1350—1360-х гг. другой воевода из Марамароша по имени Богдан сверг потомков Драгоша, поднял мятеж против венгерского короля и в борьбе с ним отстаивал независимость Молдавии. Янош из Тырнова сообщает: «В правление венгерского короля Людовика воевода марамурешских волохов Богдан, собрав их, тайно ушел в Молдавию, подвластную Венгерскому королевству и давно опустошенную соседними татарами. Людовик посылал туда несколько раз войско, но число волохов столь умножилось в этой земле, что она сделалась особым княжеством»⁵⁵. Именно Богдана большинство историков считает основателем Молдавского государства⁵⁶.

Возможно, под влиянием образования независимого от Венгрии и Золотой Орды Молдавского княжества в Восточном Прикарпатье стали возникать другие политические образования с преимущественно валашским населением. По некоторым данным, правитель одного из них, воевода Петр, в 1359 г. сумел остановить наступление войск польского короля Казимира III⁵⁷.

Рассмотренные нами факты показывают, что необходимые условия для массового переселения валахов на прудо-днестровские земли, могли возникнуть не ранее середины 1340-х гг., а образование здесь «венгерской марки» воеводы Драгоша могло произойти не ранее конца 1340 — начала 1350-х годов. Более ранние датировки этих событий не находят надежной опоры в известных ныне источниках. Поход через Карпаты около 1288 г. венгерского короля Владислава IV, преследовавшего беглых половцев, не мог привести к освобождению молдавских земель от власти татар и установлению над ними суверенитета венгерского короля.

Золотая Орда продолжала контролировать земли к востоку от Карпат вплоть до середины XIV в. и, более того, использовала их как плацдарм для нападений на Венгерское королевство. Отказ от дальнейших претензий на молдавские и украинские земли, вероятно, мог произойти только после поражения ордынцев в битве у Синих Вод в 1362 году. Данное обстоятельство, на наш взгляд, исключает возможность переселения в Молдавию марамарошских валахов воеводы Драгоша ранее середины XIV в., поскольку в противном случае подобное переселение должно было происходить с санкции золотоордынского хана (или иного татарского правителя).

Почему же в славяно-молдавских летописях XV—XVI вв. приход Драгоша и «начало Молдавской земли» приурочены ко времени правления венгерского короля Владислава? Как представляется, источники позволяют дать ответ и на этот вопрос.

В уже цитированном нами рассказе анонимного минорита о победах секеев и венгров над татарами в 1345 и 1346 гг. есть еще одно весьма примечательное сообщение. Это — легендарный рассказ о чуде Девы Марии и св. Владислава, совершенном прямо на поле боя и обеспечившем христианскому воинству полную победу над язычниками.

Ссылаясь на рассказы очевидцев, хронист пишет: «Говорят, что в ходе битвы между Христианами и Тартарами в Варадинском соборе не могли отыскать голову святого Владислава. Это во истину было чудом! Когда церковный подкустодий (subcustos) вошел в сокровищницу, чтобы увидеть голову, он нашел святыню на ее обычном месте, но всю в испарине, как будто она была живой и только что вернулась вся разгоряченная после какой-то тяжелой работы... Истинность чуда была подтверждена одним очень старым татариним из числа пленных, который сказал, что разбили их не Секеи и Венгры, а сам Владислав, который услышал, как они (секеи и венгры. — А.М.) постоянно к нему зывали. Другие его (татарина. — А.М.) товарищи также говорили, что, когда Секеи выступили против них, перед ними шел некий высокий рыцарь; сидя на огромном коне с золотой короной на голове и с боевым топором в

руке..., он могучими ударами опустошал их ряды. В воздухе над головой рыцаря в ослепительном сиянии, казалось, парит прекраснейшая дама: у нее на голове была видна золотая корона изысканной красоты. Из всего этого очевидно, что то были сама благословенная Дева Мария и благословенный король Владислав, которые помогли Секеям в битве с язычниками за веру в Иисуса Христа»⁵⁸.

Описанное анонимным миноритом чудо, как видим, совершилось не только на поле битвы. Его следы также обнаружили в Соборе Успения Девы Марии в Варадине (ныне город Орадя в Румынии). Здесь хранились мощи св. Владислава (короля Ласло I). Именно Варадин на протяжении нескольких веков был тем местом, где всячески поддерживался и развивался культ св. Владислава, создавались новые легенды о подвигах и чудесах, совершенных этим святым.

Еще при жизни король Ласло I (1077—1095) был тесно связан с Варадином, постоянно оказывая ему особое покровительство: основал здесь монастырь и заложил собор, построил замок и сделал город епархиальным центром. После смерти короля Варадин стал местом его погребения и со временем превратился в крупнейший в средневековой Венгрии центр почитания св. Владислава⁵⁹.

В Варадинском соборе хранилась одна из самых почитаемых венграми реликвий — череп святого, для которого была изготовлена позолоченная герма-реликварий в виде погрудного скульптурного портрета. Утраченная во время пожара в начале XV в., реликвия затем была вновь обретена и помещена в новый драгоценный реликварий. В 1607 г. из Варадина ее перенесли в Дьер, где в кафедральном соборе она хранится до настоящего времени⁶⁰.

Описанное придворным хронистом Людовика I чудесное явление на поле битвы венгров и секеев с татарами св. Владислава в виде могучего рыцаря, сопровождаемого самой Божией Матерью в праздник Очищения (Сретения), несомненно, стало следствием развития культа этого святого, широко поддерживаемого королями Анжуйской династии.

Современные исследователи говорят даже о целенаправленном насаждении в Венгрии культа св. Владислава в XIV в.: его образ стал своего рода символом идеального рыцаря, защитника христиан, одним из важных элементов придворной рыцарской культуры, пришедшей вместе с новой династией⁶¹.

Уже в первой половине XIV в. образ св. Владислава как победителя кочевников-язычников широко отражался в венгерских исторических хрониках и произведениях изобразительного искусства, где появлялись неизвестные в более ранних источниках эпизоды его подвигов и чудес, проявленных, в том числе, в борьбе с татарами. Возникает представление о способности святого чудесным образом возрождаться к жизни через свои нетленные мощи, покоившиеся в Варадинском соборе, становиться непобедимым рыцарем-великаном и помогать венграм в борьбе с татарами.

Еще Д. Ончул обратил внимание на рассказ анонимного минорита о чуде св. Владислава. В своих поздних работах, продолжавших полемику с А. Ксенополом, он предложил связать рассказ минорита с сообщениями славяно-молдавских летописей о Драгоше и короле Владиславе. По мнению Ончула, в образе последнего мог выступать не Владислав IV (как думал Ксенопол), а сам св. Владислав, чудесным образом поднявшийся из могилы в Варадинском соборе, чтобы помочь своему народу победить татар. Составитель «Сказания вкратце о молдавских господарях» знал легенду о чуде св. Владислава и использовал ее для объяснения основания Молдавского государства⁶². К подобным выводам приходят и другие исследователи⁶³.

Ончул полагал, что именно св. Владислав направлял и помогал победить татар воеводе Андрею, «сыну Лакца» (то есть Владислава)⁶⁴. В «Сказании вкратце

о молдавских господарях» нет упоминания об этом воеводе. Однако здесь имеются другие сведения, отсылающие к культу св. Владислава. В Сказании говорится, что православные «старые римляне», прежде чем переселиться в Молдавию, с разрешения короля Владислава некоторое время жили в Марамароше и Крише, где взяли себе в жены местных женщин: «Владислав же король... даде имъ землю в Маромаруше, межи реками Морешем и Тисею, нарицаемое место Крижи и ту вселишася...»⁶⁵.

Летописное «Крижи» (Крижетур) — это, судя по всему, Кришана — соседняя с Маромурешем историческая область в современной Румынии (жудецы Арад и Бихор), получившая свое название от трех небольших рек — Кришул-Алб, Кришул-Негру и Кришул-Репеде (притоки Кёрёша). Историческим центром Кришаны был Варадин (Орадя) — главный центр почитания св. Владислава в средневековой Венгрии. Здесь, по-видимому, и возникла легенда о чуде, описанном анонимным миноритом. Во всяком случае, именно в Варадине, как уже отмечалось, была создана так называемая Дубницкая хроника, в составе которой до нас дошел упомянутый рассказ минорита.

Причастность к победе над татарами и переселению в Молдавию выходцев из Кришаны заставляет предположить, что в походе против татар Андрея Лакфи наряду с венграми и секеями могли участвовать также валахи.

Превращению в летописном рассказе реального венгерского короля, санкционировавшего переселение валахов в Молдавию, в образ св. Владислава мог способствовать еще один важный фактор. Венгерские правители Анжуйской династии, начиная, по-видимому, с Людовика, воспринимали этого святого в качестве своего династического покровителя, символизирующего правящих в Венгрии королей.

Об этом свидетельствует появление изображений св. Владислава на королевских печатях и монетах. В частности, известно несколько видов монет разного достоинства (в том числе золотых дукатов), отчеканенных в правление Людовика I, с изображением родового герба Анжу на лицевой стороне и фигуры св. Владислава с нимбом и копьем (или боевым топором) в правой руке на обороте⁶⁶. Такая традиция получила продолжение в правление дочери Людовика Марии Анжуйской (1382—1395) и ее мужа и соправителя Сигизмунда Люксембургского (1387—1437)⁶⁷.

Наибольших масштабов почитание св. Владислава правителями Венгрии достигло в XV в., в особенности при короле и императоре Сигизмунде. В 1390 г. он вместе со своей супругой участвовал в открытии конной статуи святого, установленной перед Успенским собором в Варадине. Этой статуе жители города приписывали магическую силу: считалось, что она помогла отстоять Варадин во время вражеских нашествий⁶⁸.

По-видимому, Сигизмунд Люксембургский культивировал особую личную связь со св. Владиславом и даже отождествлял себя с ним. Единственный из правителей Венгрии, кто был похоронен в Варадинском соборе рядом с мощами святого, Сигизмунд сделал все возможное для восстановления его гермы-реликвария, утраченной во время пожара, воплотив в облике святого свои собственные черты: существующий ныне бюст-реликварий св. Владислава обнаруживает сходство с прижизненным портретом Сигизмунда, выполненным около 1433 г. Антонио Пизанелло⁶⁹.

Как видим, представители не только Анжуйской, но и Люксембургской династии, занимавшие венгерский трон, чтили св. Владислава и использовали его образ в качестве сакрального королевского символа.

Универсальный характер этого символа, обозначавшего венгерского короля вообще, вне зависимости от родовой принадлежности, в еще большей степени проявился в XV—XVI веках. К нему прибегали и Ягеллоны и Габсбурги,

поочередно занимавшие венгерский престол, как, например, Уласло I (1440—1444) и Владислав (Ласло) V (1445—1457)⁷⁰. Изображения св. Владислава, стоящего анфас с боевым топором в руке, чеканили на своих монетах представители новой династии Хуньяди Матиаш I Корвин (1458—1490)⁷¹ и последующие венгерские короли вплоть до Рудольфа I (1576—1608)⁷².

Большинство исследователей относят составление протографа Славяно-Молдавской летописи, содержавшего рассказ о победе над татарами венгерского короля Владислава и приходе Драгоша в Молдавию, ко второй половине XV в., времени правления господаря Стефана III⁷³. Вполне вероятно, что при описании событий столетней давности молдавские летописцы использовали известный им универсальный сакральный символ венгерского короля, в равной степени применимый для обозначения как Людовика I, современника Драгоша, так и Матиаша I, современника Стефана III.

К персонификации Людовика I как короля Владислава в Славяно-Молдавской летописи могла привести также культивируемая в Варадине легенда о чуде св. Владислава, восставшего из могилы, чтобы помочь воинам Людовика победить татар в 1345 году. Эту легенду, возможно, знали выходцы из Кришаны, переселившиеся в Молдавию вместе с Драгошем.

Образ венгерского короля, победителя татар, именуемого Владиславом, нашел отражение в памятниках древнерусской литературы. Еще до появления русского перевода Славяно-Молдавской летописи, в 1470-х гг. в московское великокняжеское летописание была включена «Повесть о убиении Батыея», рассказывающая о событиях монголо-татарского нашествия на Венгрию, в которой Батыея разбивает в бою и убивает своей боевой секирой венгерский король Владислав.

Во второй половине XV в. благодаря устойчивым контактам с венгерским и молдавским дворами, в Москве, несомненно, знали о традиции венгерских королей использовать образ св. Владислава в качестве своего сакрального символа. Некоторые внешние атрибуты этой традиции были заимствованы московским великим князем. В Государственном Эрмитаже хранится так называемый «венгерский (угорский)» или «московский» золотой Ивана III с изображением венгерского короля Владислава I Святого на лицевой стороне и гербовым щитом Матьяша I Корвина на обороте, изготовленный по образцу венгерских золотых дукатов того времени⁷⁴.

Исходя из сказанного, можно предположить, что в древнерусских письменных памятниках второй половины XV — начала XVI в. — «Повести о убиении Батыея» и «Сказании вкратце о молдавских господарях» — упоминание в качестве победителя татар венгерского короля Владислава означает не столько реального правителя, сколько символический образ короля-христианина, победителя язычников, тесно связанный с образом св. Владислава, которому в XIV—XV вв. стали приписывать подвиги (в том числе посмертные), совершенные в борьбе с кочевниками.

Попробуем выяснить, о какой победе венгерского короля Владислава над татарами, предшествовавшей переселению валахов Драгоша в Молдавию, говорится в «Сказании вкратце о молдавских господарях».

Эта победа не может быть связана с рассмотренным выше походом через Карпаты венгров и секеев под предводительством Андрея Лакфи, совершенным в 1345 году. Описывающие его венгерские хроники говорят, что королевские войска разбили татар в их собственных землях: «большое войско вторглось в землю, где они (татары. — А.М.) обитали» (Янош из Тырнова); «предали мечу бесчисленное множество Тартар в земле их» (анонимный минорит)⁷⁵. О том, что эти земли находились к востоку от Карпат, где преобладало русское население, подчинявшееся власти татар, может свидетельствовать королевская

грамота 1357 г., в которой сказано, что поход Андрея Лакфи был направлен «против Таргар и Рутенов»⁷⁶.

Между тем, в «Сказании вкратце о молдавских господарях» прямо указывается, что татары, пришедшие из своих кочевий на реках Пруте и Молдове через Карпаты, были разбиты войсками короля Владислава в Трансильвании (Эрдели): «И в лето Владислава коралевства воздвижеса на Угры брань от татарь, от князя Неймета с своих кочевищъ, с реки Прута и с реки Молдавы. И преидоша чрезъ высокие горы и поперегъ земли Угорьския Ерделя, и приидоша на реку Морешъ и ста ту... И немногу времени минувшу, и быша битва велика Владиславу королю угорьскому съ татары, с Нейметомъ княземъ на реке на Тисе»⁷⁷.

Обе названные здесь реки — Тиса и ее левый приток Марош (Муреш) — расположены к западу от Карпат, в пределах исторической территории Венгерского королевства. Следовательно, описанная в Сказании победа короля Владислава над татарами не соответствует реалиям кампаний 1288 и 1345 гг., когда войска венгерских королей действовали в Восточном Прикарпатье, на землях, подвластных татарам.

Кроме того, из дальнейшего сообщения Сказания следует, что битва на Тисе закончилась полной победой королевских войск, в авангарде которых шли «старые римляне» (то есть православные валахи), и великой радостью короля по случаю разгрома татар: «... и поидоша старые римляне наперед всех и опосле многие люди угрове и римляне одинъ латыньский законъ, и побиша татарь... Краль же Владиславъ укорьский вельми радовашася о такомъ пособии божи...»⁷⁸. Приведенное описание не согласуется с известными нам событиями нашествия на Венгрию Ногая и Телебуги в 1285 г., в целом имевшего противоположные результаты.

Следовательно, в «Сказании вкратце о молдавских господарях» отражено другое событие — крупная победа венгерских войск над татарами во время очередного нападения последних на королевство. Эта победа создала предпосылки для последовавших за ней успешных ответных походов венгров и секеев через Карпаты на земли самих татар, новых побед над ними, вытеснения татар из Карпато-Днестровского региона и заселения освобожденных земель православными валахами — подданными венгерского короля.

Все эти события, по-видимому, должны были происходить непосредственно одно за другим, не будучи разделены значительными промежутками во времени. Победа венгерского короля над татарами в битве на Тисе, по всей видимости, должна была иметь место незадолго до успешных ответных походов против татар венгров и секеев, в частности, кампании Андрея Лакфи 1345 года.

К тому же, если строго следовать сюжету Сказания, между победой на Тисе и началом переселения православных валахов («старых римлян») в Молдавию должно уместиться во времени еще одно событие. После победы над татарами венгерский король разрешил валахам переселиться из прежней области обитания («Старого Рима») к северо-восточным границам королевства, на новые земли в Марамароше и Кришане, жить здесь по православному закону и взять в жены венгерских женщин: «Владислав же король прия их (старых римлян. — *А.М.*) с великымъ хотением а даде имъ землю в Маромаруше, межи реками Морешем и Тисею, нарицаемое место Крижи и ту вселишася и собращася римляне и живяше ту и пояше за себя жены угорки от латыньского закону во свою веру христианскую даждь и до ныне»⁷⁹.

Известные нам венгерские хроники не содержат сведений о крупной победе над татарами войск венгерского короля, которые можно было бы сопоставить с рассказом Славяно-Молдавской летописи. Тем не менее, в нашем распоряжении есть свидетельства других средневековых источников, не связанных с

венгерским и молдавским летописанием, в которых это событие все же нашло некоторое отражение.

О крупной победе венгерского короля над татарами под 1326 г. коротко сообщается в 125-ой главе «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга: «125. Об опустошении земли Венгрии и убийстве 30 тысяч татар. В год от Рождества Христова 1326 король Венгрии убил 30 тысяч из войска татар, которые разорили его королевство»⁸⁰.

Из слов хрониста следует, что разгром и избиение тридцати тысяч татар венгерским королем произошли где-то на территории самого Венгерского королевства, после того, как напавшие на страну татары в очередной раз подвергли ее разорению.

Насколько можно доверять этому известию?

Написанная священником Тевтонского ордена Петром из Дусбурга «Хроника земли Прусской» была завершена в том же 1326 г. и представляет картину исторических событий XIII — первой четверти XIV века. Интересующее нас сообщение помещается в заключительной, четвертой книге хроники, которая в отличие от трех предыдущих повествует о различных событиях всемирной истории с целью вписать деяния ордена в более широкий исторический контекст⁸¹.

Венгерские дела стали интересовать орденского хрониста ввиду обострения противоречий с Польшей, которые на рубеже 1320—1330-х гг. переросли в масштабный военный конфликт, разделивший Европу на два враждебных лагеря. Активное участие в нем принимали войска венгерского короля Карла Роберта (1312—1342), воевавшие на стороне его тестя, польского короля Владислава Локетка (1320—1333). В частности, осенью 1330 г. венгерские отряды участвовали в походах польского короля на захваченную Орденом Кульмскую землю, о чем сообщается в дополнениях к «Хронике земли Прусской», составленной, вероятно, также Петром из Дусбурга⁸². О том, что прусский хронист в описываемый период внимательно следил за событиями, происходившими в Венгрии, свидетельствует детальный рассказ о неудачном походе венгерского короля против мятежного воеводы Мунтении Басараба и разгроме королевских войск в битве при Посаде в ноябре 1330 года⁸³.

Отмеченное в Хронике Петра из Дусбурга крупное поражение татар в Венгрии, как кажется, нашло отражение и в других источниках.

В письме к венгерскому королю Карлу Роберту от 5 августа 1331 г. папа Иоанн XXII (1316—1334) сообщал, что недавно из писем самого Карла, доставленных его послом, братом Иоанном, провинциальным министром Ордена муноритов в Венгрии, ему стало известно сразу о нескольких важных событиях. Во-первых, о славных победах короля над татарами и другими врагами католической веры, и, во-вторых, о случайном поражении, постигшем Карла и его войнство, возвращавшееся из похода и попавшее в засаду⁸⁴.

Очевидно, что в числе славных побед над татарами и другими врагами католической веры папа, прежде всего, имел в виду описанный выше разгром напавших на Венгрию татар войсками Карла Роберта, о чем последний сам сообщал папе в одном из несохранившихся до нашего времени посланий.

Победа венгров над татарами побудила папу впервые после нашествия Батыея поставить вопрос о возрождении Милковской епархии, что произошло, вероятно, уже в конце 1320-х годов. В 1332 г. в письме к эстергомскому архиепископу Иоанн XXII распорядился возвести в сан милковского епископа Витуса Монтеферрийского⁸⁵. Подобному решению папы, несомненно, должна была предшествовать крупная победа над татарами, приведшая к ослаблению их влияния к востоку от Карпат, сопоставимая по своим масштабам с успехом Андрея Лакфи в 1345 г., за которым, как мы видели, последовали аналогичные меры со стороны папы.

С какими событиями могло быть связано нападение татар на Венгрию, обернувшееся их тяжелым поражением от королевских войск?

О пребывании татар к северу от Дуная в 1326 г. сообщает Лаоник Халкондил (около 1423 — около 1490 гг.) в своей «Истории в десяти книгах», освещающей события 1298—1463 гг., главным образом, противостояние Византии с турками. Согласно греческому хронисту, нападение турок, дошедших в 1326 г. до Дуная, удалось остановить с помощью татар, переправившихся с северного берега реки ⁸⁶.

Возможно, татары появились в Трансильвании как союзники Византии. По сведениям греческих хроник, император Андроник III Палеолог (1328—1341) в начале царствования заключил с ними мирный договор ⁸⁷. Арабский купец и путешественник Ибн Баттута (1304—1377) сообщает, что одна из дочерей Андроника была выдана за хана Золотой Орды Узбека ⁸⁸. Впрочем, отношения Византии и Золотой Орды в 1320—1330-е гг. в целом оставались весьма противоречивыми, а сведения о браке дочери императора с золотоордынским ханом не находят подтверждения в византийских источниках и, скорее всего, являются не вполне достоверными ⁸⁹.

Более вероятной представляется связь нападения татар на Венгрию в середине 1320-х гг. с мятежом мунтянского воеводы Басараба (упоминается также как Иванко Басараб), приведшим к возникновению независимого Румынского государства. Судя по характерному тюркскому имени, Басараб мог происходить из рода знатных половцев (*bas* — голова, главный, *-aba* — уважительное отец, старший брат), кроме того, известно, о тесных контактах Басараба с татарами и их союзниками на Балканах. Пришедший к власти в Мунтении ок. 1314 г. Басараб, по-видимому, с самого начала своего правления признал зависимость от Золотой Орды и с ее помощью вел борьбу против Венгрии ⁹⁰.

О союзе Басараба с «черными татарами» упоминает сербский царь Стефан Урош IV Душан (1331—1355) в автобиографической заметке, помещенной во введении к его Законнику. По мнению современных исследователей, *черными* могли называться татары, обитавшие на территории современной Молдавии ⁹¹.

Поражение Карла Роберта от Басараба в 1330 г. немедленно отразилось на венгерско-татарских отношениях. За ним последовала целая серия нападений татар на Венгрию, имевших место в 1332, 1334 и 1338 годах ⁹². Правда, все эти вторжения не оставили следов в королевских грамотах и исторических хрониках, судить о них можно только по не вполне ясным упоминаниям (или, скорее, намекам) в папской корреспонденции. По-видимому, стычки с татарами в 1330-х гг. носили локальный характер и не имели для Венгрии тяжелых последствий ⁹³.

Наконец, остается еще одна, на наш взгляд, наиболее вероятная возможность объяснения причин татарского нападения на Венгрию в середине 1320-х годов. В виду того, что вторжение и разгром татар нашли отражение в «Хронике земли Прусской», эти события, как кажется, могут касаться не только венгерско-татарских отношений, но и взаимодействия королевской власти с немецкими колонистами, тесно связанными с Тевтонским орденом в Пруссии.

В «Сказании вкратце о молдавских господарях» есть еще один след, позволяющий продолжить поиск отразившихся в памятнике исторических реалий. Это — имя предводителя напавших на Венгрию татар — *Неймет* («воздвигся на Угры брань от татарь, от князя Неймета»).

Еще никому из исследователей не удалось объяснить, с каким из татарских антропонимов может быть связано такое имя и кому из известных ныне правителей или иных исторических деятелей Золотой Орды оно могло принадлежать.

Между тем, совершенно очевидна фонетическая связь имени *Неймет* с венгерским этнонимом *nemet* («немец»). Образованный от такого этнонима ан-

тропоним мог возникнуть только в венгерской языковой среде. В румынском и молдавском языках этноним «немец» имеет другие эквиваленты: *german* (*Герман*), *пеатю* (*нямц*).

По-видимому, *немцем* или *саксом* в средневековой Венгрии могли называть кого-нибудь из трансильванских саксов.

Выходцы из различных немецких земель (преимущественно из долины Мозеля) составляли основное население исторической области Бурценланд (Цара-Бырсей) в Южных Карпатах.

Немецкая колонизация юго-восточных окраин Трансильвании началась в середине XII в., когда венгерский король Геза II (1141—1162) пригласил сюда немцев-рудокопов, рассчитывая с их помощью развивать местную горную промышленность. Вторая волна немецкой колонизации началась в 1211 г., когда королем Андреем II (1205—1235) были приглашены в Бурценланд рыцари Тевтонского ордена, оставшиеся не у дел после поражения в Палестине. Рыцари возвели на карпатских перевалах несколько крепостей, в том числе замок Кронштадт (ныне Брашов, административный центр одноименного жудеца Румынии). Однако чрезмерная самостоятельность тевтонцев встревожила Андрея II, и в 1225 г. он настоял на их переселении в Пруссию⁹⁴.

В ходе немецкой колонизации особое значение получили поселения вокруг Германштадта (ныне Сибиу, административный центр одноименного жудеца), которые должны были служить пограничными крепостями для защиты Венгрии от кочевников. Из района Германштадта немецкая колонизация продолжалась далее на восток, где возник город Мюльбах (ныне Себеш в жудеце Альба). В конце XIII в. первые группы немецких колонистов проникли в Марамарош, основав поселения по обоим берегам Тисы (в Хусте, Виске, Течеу и Кымпулунге, жудец Марамуреш в Румынии). Еще одно поселение — Сигет — было основано ими позднее, вероятно, в начале XIV века⁹⁵.

В 1324 г. трансильванские саксы восстали против венгерского короля Карла Роберта. Недовольство было вызвано проводимой им с помощью нового трансильванского воеводы Тома Сечени политикой, направленной на ограничение автономных прав и иных привилегий, которыми изначально пользовались «немецкие гости» в Венгерском королевстве⁹⁶.

Восстание возглавил комит Хеннинг из Петрифалеу или граф Хеннинг фон Петерсдорф. Об этом свидетельствуют два документа трансильванского воеводы и комита Солнока Тома, изданные 12 апреля 1325 г. в Деве (ныне — административный центр жудеца Хунедоара). В первом, более просторном документе, воевода Тома приказывает возратить наследникам комита Хеннинга поместья, отобранные Карлом Робертом за то, что этот комит восстал против короля вместе с трансильванскими саксами⁹⁷. Второй документ содержит предписание воеводы Тома капитулу Альба-Юлии выдать наследникам комита Хеннинга грамоты на владение Петрифалеу⁹⁸. Из документов следует, что выступление саксов имело широкий размах, для его подавления королю пришлось объявить мобилизацию верных дворян и лично возглавить экспедицию в Трансильванию.

Боевые действия продолжались с июня по август⁹⁹. Под напором королевских войск восставшие отступили к замку Репс (ныне — Рупеа в жудеце Брашов) и несколько недель выдерживали осаду. Но силы были неравными. В одной из стычек с королевскими войсками Хеннинг фон Петерсдорф погиб. В результате этого восстания король должен был пойти на некоторые уступки саксам. Тем не менее, задуманная им административная реформа была проведена до конца: на заселенных саксами землях были созданы новые территориально-административные образования в главе с назначенными королем чиновниками¹⁰⁰.

По всей видимости, восстание саксов 1324 г. опиралось на военную поддержку со стороны татар. К такому выводу приходит большинство современных исследователей¹⁰¹. Основанием для этого может служить следующий факт. После поражения восставших королевские войска под командованием Финты де Менде совершили поход через Карпаты «в земли татар», о чем свидетельствует жалованная грамота Карла Роберта от 10 октября 1324 года¹⁰².

Указанная грамота является подтверждением более раннего королевского пожалования в адрес Финты, сына Самуила, за его заслуги в борьбе с татарами. Оригинал первоначальной дарственной не сохранился, ее краткое содержание отражено лишь в королевских регестах¹⁰³. Некоторые исследователи датируют упомянутую в документе экспедицию против татар предыдущим, 1323 годом¹⁰⁴. Однако, из грамоты ясно следует, что впервые пожалование было сделано 12 августа 1324 г., когда Карл Роберт находился в Трансильвании. До мая 1324 г. король, судя по изданным им документам, в течение нескольких лет постоянно находился в Темешваре (нены — Тимишоара в Румынии), а затем в Буде и Вышеграде, и только в июне 1324 г. прибыл на юг Трансильвании, оставаясь здесь, по меньшей мере, до августа¹⁰⁵. Следовательно, экспедиция Финта де Менде могла состояться только в течение летних месяцев 1324 г., то есть одновременно или сразу же после подавления восстания трансильванских саксов.

Цели экспедиции источник прямо не разъясняет. Тем не менее, можно думать, что она носила военный характер и привела к боевым столкновениям с татарами. Опасаясь ответных действий со стороны татар, Карл Роберт в 1325 г. обратился к папе с просьбой о помощи в борьбе с «неверными народами», живущими в непосредственной близости от границ его королевства¹⁰⁶.

Войскам Финты де Менде, очевидно, сопутствовал успех, который иногда даже сравнивают с победой над татарами Андрея Лакфи в 1345 году¹⁰⁷. Во всяком случае, в результате похода в плен было захвачено несколько татар. Двое из них, по-видимому, представляли какую-то особую ценность и были отправлены венгерским королем римскому папе. В булле от 1 октября 1325 г. папа Иоанн XXII особо благодарит Карла Роберта за присылку двух юных татарских пленников¹⁰⁸.

Очевидно, известная по документам 1324—1325 гг. победа венгерского короля над восставшими немецкими колонистами, поддержанными татарами, может быть сопоставлена с сообщением «Хроники земли Прусской» о разгроме и массовом избиении татар венгерским королем, помещенным под 1326 годом. Не исключено, что речь идет вообще об одном и том же событии, освещаемом, так сказать, с разных сторон, с несколько смещенной датировкой в прусской хронике. Как бы то ни было, причастность к нападению на татар трансильванских саксов объясняет интерес к произошедшему со стороны прусского хрониста.

Есть еще одно важное обстоятельство, указывающее на возможную связь победы венгерского короля над татарско-немецкими войсками под предводительством графа Хеннинга фон Петерсдорфа — князя Неймета древнерусского Сказания — с другим описанным в Сказании событием — переселением в Марамарош православных валахов, перешедших на службу к венгерскому королю вскоре после победы над татарами.

22 сентября 1326 г. Карлом Робертом была издана жалованная грамота в адрес валашского князя Станислава, сына Стена, согласно которой за свою преданность и прежние заслуги перед королем Станислав получал поместье Стрымтура в Марамароше вместе с другими привилегиями и княжеским титулом¹⁰⁹.

По всей видимости, валашскому князю были пожалованы свободные земли в малонаселенном окраинном комитате, и такое пожалование подразумевало переселение вместе с князем его родственников и прочих членов этно-племен-

ной группы, которую он возглавлял. Потомки Станислава, один из которых носил имя Драгош, упоминаются в документах 1346 и 1408 годов.

Переселение в Марамарош валахов князя Станислава, несомненно, продолжало политику венгерских властей по освоению пустующих земель королевства. И хотя первые валашские поселенцы появились в Марамароше, вероятно, еще в конце XIII в., жалованная грамота 22 сентября 1326 г. является первым известным ныне письменным свидетельством колонизационной деятельности валашских князей ¹¹⁰.

В литературе уже отмечалось, что пожалование валашскому князю Станиславу земель в Марамароше могло быть наградой за его участие в военных действиях венгерского короля против татар, в частности, — в экспедиции Финты де Менде ¹¹¹. Переселение в Марамарош, похоже, действительно означало для валахов переход на военную службу к венгерскому королю. Не исключено, что именно марамарошские валахи князя Станислава упоминаются в Хронике Яна Длугоша, сообщающего под тем же 1326 г. об участии в походе польского короля Владислава Локетка против Бранденбурга, начатом на праздник св. Иоанна Крестителя вместе с русинами и литовцами также валахов ¹¹², присланных, вероятно, Карлом Робертом.

Как нам кажется, есть еще одно важное обстоятельство, указывающее на то, что описанная в «Сказании вкратце о молдавских господарях» победа венгров над татарами должна была произойти в первой половине XIV в., не ранее времени правления короля Карла Роберта. Это — весьма характерный для своего времени эпитет, использованный в обращении к венгерскому королю «новыми римлянами»: «Великому кралю Владиславу, Златый Затокъ, рекше угорьскому» ¹¹³.

Выражение *Златый Заток*, использованное в обращении, неоднократно привлекало внимание исследователей Сказания. Отметив в целом исправную передачу составителем Воскресенской летописи текста Славяно-Молдавской хроники, И. Богдан указал на единственную с его точки зрения ошибку: лишенный всякого смысла эпитет, данный венгерскому королю Владиславу. Историк признал, что не может дать удовлетворительного объяснения словосочетанию «златый заток» и поэтому оставляет его без перевода на румынский язык.

В качестве возможной версии Богдан предлагает видеть здесь ошибку переписчика Воскресенской летописи. В оригинале рукописи против имени Владислава на полях могла значиться глосса «златый за(ча)токъ» с надстрочным *ч* под титлом, означавшая, что следующий далее текст письма к королю «новых римлян» нужно писать с красной строки и выделить инициалом. Эту глоссу другой писец не смог правильно разобрать, приняв за эпитет, относящийся к Владиславу, и внес в основной текст ¹¹⁴.

Версию Богдана опроверг А.И. Яцимирский, согласно которому выражение «златый заток» в отношении венгерского короля имеет вполне естественное происхождение и встречается в других памятниках древнерусской письменности ¹¹⁵. В составленном в XVII в. русском переводе некоей латиноязычной Космографии (оригинал которой не установлен), в главе, посвященной описанию Венгрии, историк находит соответствующую параллель: «Страна Угорская и Ческая. Изъ давныхъ лет короли бывали самовластные, и нарицалися они златыя отоцы, что златыя руды копають множество, и златыя угорския идуць по всей земли» ¹¹⁶.

Мы можем привести еще одну, более близкую параллель. В созданном в начале XVI в. «Послании о Мономаховых дарах», приписываемом киевскому митрополиту Спиридону-Савве, для обозначения Венгерского королевства использован эпитет *Затоци Златые*. В Послании рассказывается, что после получения власти над миром римский кесарь Август должен был поставить во всех

странах своих наместников, в том числе и в Венгрии, куда он назначил Пиона: «...и Пиона постави в Затоцех Златых, иже ныне наричютца Угрове»¹¹⁷.

Как видим, выражения *Златый Заток* и *Затоци Златые*, используемые для обозначения венгерского короля и Венгерского королевства, появляются в русской письменности практически одновременно, — в начале XVI века. Название *Златые Затоци*, очевидно, следует признать более исправным, тогда как встречающаяся в анонимной Космографии XVII в. форма *Златые Отоци*, по-видимому, является ошибочной. Во всяком случае, термины *отокъ* и *отоци* не фиксируются в словарях древнерусского языка. Термин *затокъ*, напротив, хорошо известен и употребляется в нескольких значениях. В некоторых случаях существительное мужского рода *затокъ* образуется от глагола *заточити* в значении «заключить под стражу, заточить». В XVI—XVII вв. у глагола *заточити* появляется еще одно значение — «выстраивать, устроить», возможно, под влиянием польск. *Zatoczyć*¹¹⁸.

Из описания Венгрии, помещенного в анонимной Космографии XVII в., следует, что именование венгерских королей «златия отоци (затоци)» связано с массовой добычей золотой руды («златия руды копають множество») и таким же массовым производством золотых монет венгерской чеканки, имевших хождение во многих европейских странах, в том числе в Молдавии и Валахии («златия угорския идуть по всей земли»).

Подобное объяснение прямо адресует нас к хорошо известным событиям, произошедшим в Венгрии в правление короля Карла Роберта, начавшего широкомасштабную добычу золотоносной руды и массовую чеканку венгерских золотых форинтов.

После открытия в 1320-х гг. двух крупнейших в Европе месторождений золота и серебра — в окрестностях Кермецбаньи (ныне — Кремница, в Банскобыстрицком крае Словакии) и Надьбаньи (ныне — Бая-Маре, административный центр жудеца Марамуреш Румынии) — Венгрия стала ведущим производителем драгоценных металлов и сохраняла этот статус вплоть до открытия Нового Света. Во второй половине XIV — начале XVI в. страна поставляла на мировой рынок до одной трети всех драгоценных металлов — 3 тыс. фунтов золота и 20 тыс. фунтов серебра ежегодно. Около 1325 г. на недавно построенном монетном дворе в Кермецбаньи по образцу флорентийского флорина Карл Роберт начал массовый выпуск венгерского золотого форинта, имевшего постоянную стоимость и устойчивый обменный курс по отношению к серебряному динару. Венгерские золотые монеты очень быстро стали одним из самых популярных в Европе денежных средств¹¹⁹.

Сказанное позволяет заключить, что эпитет *златый заток* в значении «изготовитель золотых монет» или «владелец золотых копий», мог быть обращен в адрес венгерского короля не ранее того, как Венгрия превратилась в крупнейшего экспортера золота, производителя золотых монет, используемых в качестве международной валюты. Первым и наиболее вероятным обладателем прозвища *Златый Заток* среди венгерских правителей, как кажется, мог быть король Карл Роберт, чья успешная денежная реформа заложила фундамент финансового благополучия королевства.

Описанное в «Сказании вкратце о молдавских господарях» обострение вражды православных «романовцев» или «старых римлян» с недавно обращенными в католичество «новыми римлянами», произошедшее в правление короля Владислава и закончившееся вынужденным переселением «романовцев» на новые земли в Марамароше и Кришане, по-видимому, также может найти объяснение в реальных событиях первой половины XIV века.

В XIII — начале XIV в. в Великой и Малой Валахии (Мунтения и Олтении), по-видимому, еще не существовало особой церковной организации. В

силу традиционно преобладавшего болгарского церковного влияния, большинство местного населения тяготело к православию, а большая часть валашского духовенства принадлежала к Видинской, Доростольской и Вичинской православным епархиям. Валашские священники рукополагались и подчинялись иерархам, поддерживавшим каноническую связь с Константинопольским патриархатом, которых римский папа пренебрежительно называл «псевдо-епископами»¹²⁰.

Положение стало меняться в правление мунтянского воеводы Басараба I. Чтобы заручиться поддержкой папы в своем противостоянии с венгерским королем, мятежный воевода начал оказывать активную поддержку католическим миссионерам и, возможно, сам принял католичество. Во всяком случае, после того, как Басараб заложил кафедральный собор в своей новой столице Куртя-де-Арджеш, папа Иоанн XXII в булле от 1 февраля 1327 г. назвал его «преданным католическим князем» и призвал продолжать поддержку церкви в борьбе со всеми ее врагами¹²¹. Этот факт, несомненно, свидетельствует о сотрудничестве мунтянского правителя с апостольским престолом, детали которого остаются неясными¹²².

Впрочем, сближение правителей Валахии с католической церковью продолжалось недолго. Сын и преемник Басараба Николае I Александру (1351/1352—1364) был сторонником православия. Уже в 1359 г. он получил санкцию константинопольского патриарха на учреждение Угровлашской православной архиепископии с центром в Куртя-де-Арджеш¹²³. Новую епархию возглавил вичинский митрополит Иакинф Критоупл, бежавший со своей прежней кафедры из-за притеснений со стороны татар¹²⁴.

Таким образом, если гонения на православие, вынудившие часть валахов переселиться в другие земли, действительно имели место в Мунтении, то произойти это могло, по-видимому, только в период воеводства Басараба I, незадолго до начала 1327 г., когда его сближение с папой, очевидно, достигло своего апогея.

Это наблюдение, как представляется, подкрепляет сделанный выше вывод о том, что в древнерусском Сказании отразилось участие валахов в победе венгерского короля над объединенным татарско-немецким войском в 1324 году.

Сохранившиеся исторические документы, как кажется, подтверждают участие в кампании наряду с православными валахами («романовцами» или «старыми римлянами») валахов-католиков («новых римлян»), сторонников воеводы Басараба.

Жалованная грамота от 26 июля 1324 г. свидетельствует о награждении венгерским королем Карлом Робертом магистра Мартина, сына Бугара, графа Силадьи за оказанные им многочисленные услуги, в том числе за многократную доставку посланий «Басарабу воеводе по ту сторону гор»; при этом последний именуется «нашим трансильванским воеводой»¹²⁵.

Как следует из документа, незадолго до 26 июля 1324 г. между королем и его мятежным воеводой было достигнуто соглашение, ставшее результатом длительных и трудных переговоров. Грамота была издана, когда король со своими войсками уже находился на юго-востоке Трансильвании и вел борьбу с восставшими саксами и поддерживавшими их татарами. Это обстоятельство наводит на мысль, что временное примирение с Басарабом могло быть связано с необходимостью вооруженной борьбы с немцами и татарами¹²⁶.

Очевидно, следствием договоренности с мунтянским правителем стала присылка на помощь королю военных отрядов, состоявших как из православных, так и из принявших католичество валахов. В одном из посланий Басараба, упоминаемых в королевской грамоте от 26 июля 1324 г., могла содержаться та самая просьба, которая изложена в письме «новых римлян» к венгерскому королю, приведенном в Сказании о молдавских господарях, — поставить пра-

вославных валахов впереди всего войска и тем самым обречь их на верную гибель.

Итак, по нашему мнению, описанные в древнерусском «Сказании вкратце о молдавских государях» события происходили в первой половине XIV в. в правление двух венгерских королей Анжуйской династии — Карла Роберта и Людовика. Оба они фигурируют под именем Владислав в силу сложившейся в средневековой Венгрии традиции использовать образ св. Владислава как универсальный сакральный символ королевской власти.

Описанная в первой части Сказания победа над татарами может быть связана с реальными событиями 1324 г. — подавлением поддержанного татарами восстания трансильванских саксов, за которым последовало переселение православных валахов из Мунтении в Марамарош. Переселение валахов воеводы Драгоша на молдавские земли могло произойти не ранее конца 1340-х гг. и было обусловлено вытеснением татар из Восточного Прикарпатья вследствие крупной победы над ними войска венгров и секеев под предводительством Андрея Лакфи в 1345 году.

Примечания

1. Текст памятника по одиннадцати спискам опубликован: Славяно-Молдавские летописи XV—XVI вв. М. 1976, с. 55—59.
2. БУГАНОВ В.И., ГРЕКУЛ Ф.А. Введение. Славяно-Молдавские летописи..., с. 6—13.
3. Маромаруш (Марамарош) — исторический комитат в северо-восточной части Венгерского королевства, ныне — территория Закарпатской области Украины и жудеца Марамуреш в Румынии.
4. Русская летопись с Воскресенского списка, подаренного в оной Воскресенский монастырь патриархом Никоном в 1658 году. СПб. 1793, ч. 1, с. 53—58; Полное собрание русских летописей. Т. 7. СПб. 1856, с. 256—259.
5. PETRICEICU-HASDEU B. Negru-Vodă. Un secol și jumătate din începuturile statului Țării Românești, 1230—1380. T. IV. București. 1898, p. CXXXIX—CXLI.
6. Ibid., p. CLXI—CXX.
7. TĂTULEA C.M. Romula-Malva. București. 1994.
8. ЗЕЛЕНЧУК В.С. Молдавские летописи как источник изучения ранней этнической истории молдаван. В кн.: Историографические аспекты славяно-волошских связей. Кишинев. 1973, с. 13.
9. URSACHE P. Eseuri etnologice. București. 1986, p. 133—134; CIOBANU ST. Istoria literaturii române vechi. Chișinău. 1992, p. 117; UNGHEANU M. Români și «Tălharii Romei». București. 2005, p. 372—379.
10. VÁSÁRY I. Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185—1365. Cambridge. 2005, p. 157.
11. ДЖИОВАННИ ДЕЛЬ ПЛАНО КАРПИНИ. История Монгалов. В кн.: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. 1957, с. 82.
12. BRĂȚIANU GH.I. Tradiția istorică despre întemeierea statelor românești. București. 1980, p. 164; РУССЕВ Н.Д. Волохи, русские и татары в социальной истории средневековой Молдавии. — Русин. 2005, № 2, с. 94.
13. Песнь о Нибелунгах. Л. 1972, с. 157.
14. SPINEI V. Moldavia in the 11th — 14th Centuries. București. 1986, p. 199; VÁSÁRY I. Op. cit., p. 158, № 96.
15. ПАРАСКА П.Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев. 1981, с. 50—62; ПОЛЕВОЙ Л.Л. «...И с того времени началась Земля Молдавская». Кишинев. 1990, с. 17—21.
16. Славяно-Молдавские летописи..., с. 24, 35, 55, 60, 62, 68.
17. Там же, с. 105, 117.
18. DELETANT D. Moldavia between Hungary and Poland, 1347—1412. — The Slavonic and East European Review. 1986, t. 64 (2), p. 190—191; NICULESCU A. Romania Hungarica. — Revista Literară Vatra. 2005, № 1—2, p. 116—125; HARJULA M. Romanian Historia. Norderstedt. 2009, p. 19.
19. GOROVEI ST. Întemeierea Moldovei. Probleme, controversă. Iași. 1997, p. 109.

20. IOANNIS THWROCZ. Cronica Hungarorum. Ab origine gentis inserta simul Chronica Ioannis arhidiaconi de Kikullew. Scription rerum Hungaricorum. Tyrnaviae. 1765, part I, p. 177.
21. ONCIUL D. Scrieri istorice. București. 1968, vol. I, p. 89—130.
22. Ibid., p. 303—304.
23. Documente privitoare la istoria românilor. Culese de E. Hurmuzasei și editate de N. Densușianu. București. 1987, vol. I. part. 1, p. 484.
24. XENOPOL A.D. Istoria românilor din Dacia Traiană. București. 1986, vol. II, p. 30—33.
25. Ibid., vol. II, p. 51, № 3.
26. Cronicile slavo române din sec. XV—XVI publicate de Ion Bogdan. București. 1959, p. 317—318.
27. SCHLÖZER A.L. Geschichte von Litauen als einem eigenen Grossfürstenthume bis zum Jahre 1569. Halle. 1785 (Allgemeine Welthistorie der neueren Zeiten. Bd. 32), S. 93f.
28. ПАРАЦКА П.Ф. Ук. соч., с. 43—49.
29. IOANNIS THWROCZ. Op. cit., p. 247.
30. PARASCA P. Cine a fost «Laslău craiul Unguresc» din tradiția medievală despre întemeierea Țării Moldovie? — Revistă de istorie și politică. 2011, an. IV, № 1, p. 17.
31. GRIGORE URECHE. Letopisețul Țării Moldovei. București. 1958, p. 68—69.
32. SĂLĂGEAN T. Transilvania și invazia mongolă din 1285. Români în Europa medievală. Studii în onoarea profesorului Victor Spinei. Brăila. 2008, p. 274—275.
33. Ibid., p. 281.
34. PASZKIEWICZ H. Polityka ruska Kazimierza Wielkiego. Kraków. 2002; WYROZUMSKI J. Kazimierz Wielki. Kraków. 2004.
35. SPINEI V. Op. cit., p. 175—176; VÁSÁRY I. Op. cit., p. 156; JACKSON P. The Mongols and the West, 1221—1410. Harlow. 2005, p. 213; SĂLĂGEAN T. Romanian Society in the Early Middle Ages (9th — 14th Centuries). History of Romania: Compendium. Cluj-Napoca. 2006, p. 199.
36. Chronicon Budense. Budae. 1838, p. 276—277; IOANNIS THWROCZ. Op. cit., p. 221.
37. HORVÁTH J. Die ungarischen Chronisten der Angiovinenzeit. Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 21. 1971, S. 375—377.
38. Chronicon Dubnicense. Historiae Hungaricae Fontes Domestici (Quenque-Ecclesiae). Budapestini. 1884, vol. III, p. 167—168.
39. Ibid., p. 151—152.
40. Monumenta ecclesiae Strigoniensis. T. IV (1350—1358). Strigonii-Budapestini. 1999, p. 169, № 137.
41. ВАШАРИ И. Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого. Золотоордынская цивилизация. Казань. 2010, с. 25.
42. Chronicon Dubnicense, p. 152.
43. CZAMAŃSKA I. Mołdawia i ośrodczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV wieku. Poznań. 1996, S. 23; БЕРГЕР Е.Е. «Черная смерть». Средние века. М. 2004, с. 335.
44. Acta Clementis PP. VI (1342—1352). Citta del Vaticano, 1960 (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes, 3rd series. Vol. IX), p. 188—189, № 122.
45. DOBRE C.F. Mendicants in Moldavia: mission in an orthodox land (thirteenth to fifteenth century). Daun. 2009, p. 32—33.
46. Acta Romanorum Pontificum ab Innocentio V ad Benedictum XI (1276—304). Citta del Vaticano, 1954 (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes, 3rd series. Vol. V. Part 2), p. 59—60, № 27.
47. PAPACOSTEA S. Geneza statului in evul mediu românesc. București. 1999, p. 42—43; DOBRE C.F. Op. cit., p. 33—34.
48. Acta Innocentii PP. VI (1352—1362). Citta del Vaticano, 1961 (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes, 3rd series. Vol. X), p. 14, № 6.
49. Chronicon Dubnicense, p. 163—166.
50. JACKSON P. Op. cit., p. 212—213.
51. Chroniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Secondo le migliori stampe e correddate di note filologiche e storiche. Trieste. 1858, vol. II, p. 84, 124—125.
52. ВАШАРИ И. Ук. соч., с. 27—29.
53. Documenta historiam Valachorum in Hungaria illustrantia: usque ad annum 1400 p. Christum. Budapest. 1941, p. 178—180; Documenta Romaniae historica, C, Transilvania. 1361—1365. București. 1985, p. 398, № 382.
54. VÁSÁRY I. Op. cit., p. 158.
55. IOANNIS THWROCZ. Op. cit., p. 245.
56. DECEI A. Une opinion tendencieuse de l'historiographie hongroise: les origines de Bogdan I, fondateur de la Moldavie. — Revue de Transylvanie. 1939, vol. 5, p. 289—312; GOROVEI ST. Dragoș și Bogdan. București. 1973; DELETANT D. Op. cit., p. 190—191.
57. SĂLĂGEAN T. Op. cit., p. 199—200.
58. Chronicon Dubnicense, p. 152.
59. KLANICZAY G. Op. cit., p. 173—194.

60. MONTGOMERY S.B., BAUER A.A. The Reliquary Bust of Saint Ladislav and Holy Kingship in Late Medieval Hungary. Decorations for the holy dead: visual embellishments on tombs and shrines of saints. Turnhout. 2002, p. 77—85; WETTER E. Objekt, Überlieferung und Narrativ. Spätmittelalterliche Goldschmiedekunst im historischen Königreich Ungarn. Ostfildern. 2011 (Studia Jagellonica Lipsiensia, Bd. 8).
61. ENGEL P. The Realm of St. Stephen: a history of medieval Hungary, 895—1526. London. [u. a.] 2005, p. 147.
62. ONCIUL D. Scrieri istorice. București. 1968, vol. I, p. 304.
63. Cronicile slavo române..., p. 158, № 3; GRIGORE URECHE. Op. cit., p. 41.
64. ONCIUL D. Op. cit., vol. I, p. 395, 484, 699—700.
65. Славяно-Молдавские летописи..., с. 57.
66. HUSZÁR L. The art of coinage in Hungary. Budapest. 1963, tabl. 542—543; POHL A. Ungarische Goldgulden des Mittelalters, 1325—1540. Graz. 1974, tabl. 79.2,4,10.
67. HUSZÁR L. Op. cit., tabl. 566, 572—573; POHL A. Op. cit., tabl. 112,4; D1.6; D2.52.
68. KURCZ A. Lovagi kultúra Magyarországon a 13—14. Században. Budapest. 1988, old. 213—215; MAGYAR Z. A Kolozsvári testvérek váradi kyrályszobrai. — Századok. 1995, t. 129, № 5, old. 1155—1166.
69. LUCIE-SMITH E. Uncollected writings: [studies of western art]. London. 2012, p. 42—44.
70. HUSZÁR L. Op. cit., tabl. 597, 636—637; POHL A. Op. cit., tabl. F1-5; H2-10, H3-6.
71. HUSZÁR L. Op. cit., tabl. 674, 676, 680; POHL A. Op. cit., tabl. K1-22; K4-2; 15.6; 161.7.
72. HUSZÁR L. Op. cit., tabl. 1002.
73. ГРЕКУЛ Ф.А. Историография славяно-молдавского летописания XV—XVI вв. Летописи и хроники. 1976 г.: М. Н. Тихомиров и летописеведение. М. 1976, с. 172—188.
74. ПОТИН В.М. Венгерский золотой Ивана III. В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей к 70-летию академика Л.В. Черепнина. М. 1972, с. 282—283.
75. Chronicon Dubnicense, p. 151—152, 167—168.
76. Monumenta ecclesiae Strigoniensis, t. IV, p. 169; № 137.
77. Славяно-Молдавские летописи..., с. 55—56.
78. Там же, с. 56.
79. Там же, с. 57.
80. PETER VON DUSBURG. Chronica terre Prussie. Darmstadt. 1984, (Chronik des Preussenlandes, AQ 25), p. 538. Русский перевод см.: ПЕТР ИЗ ДУСБУРГА. Хроника земли Прусской. М. 1997, с. 211.
81. POLLAKÓWNA M. Kronika Piotra z Dusburga. Wrociaw-Warszawa-Kraków. 1968, s. 185.
82. ПЕТР ИЗ ДУСБУРГА. Ук. соч., с. 216.
83. Там же, с. 217.
84. Vetera Monumenta historica Hungariam sacram illustrantia. Romae. 1859, vol. I, p. 544, № 845.
85. Acta Clementis PP. VI, p. 191, № 122b.
86. LAONIC CHALCOCONDIL. Expuneri istorice. București. 1958, p. 31—32.
87. Ioannis Cantacuzent Histriarum. Bonn. 1828, Bd. I, P. 465; Fontes historiae Daco-Romanae, T. III. București. 1975, p. 484—485.
88. DEFREMERY M. Fragments de geographes et d'historiens arabes et persans inedits relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie Meridionale. — Journal Asiatique. Paris. 1849, vol. 10, p. 179.
89. PELLIOT P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris. 1949, p. 83—85; LAURENT V. L'assaut avorte de la Horde d'Or contre d'Empire Byzantine. — Revue des etudes byzantines. 1960, t. 18, p. 154, 157, 160.
90. BRĂTIANU GH.I. Marea Neagră de la origini până la cucerirea otomană, ediția a II-a rev. Iasi. 1999, p. 380; IORGA N. Condițiile de politică generală în cari s-au întemeiat bisericile românești în veacurile XIV—XV. Studii asupra evului mediu românesc. București. 1984, p. 99.
91. CIOCILTAN V. The Mongols and the Black Sea trade in the thirteenth and fourteenth centuries. Leiden-Boston. 2012 (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450, vol. 20), p. 275—276, № 548.
92. RHODE G. Die Ostgrenze Polens. Politische Entwicklung, kulturelle Bedeutung und geistige Auswirkung. Bd. I: Im Mittelalter bis zum Jahre 1401. Köln-Graz. 1955, S. 173; SPULER B. Die goldene Horde: die Mongolen in Russland, 1223—1502. Wiesbaden. 1965, S. 97; KNOLL P.W. Op. cit., p. 125, № 20.
93. JACKSON P. Op. cit., p. 212.
94. BINDER L., GÖLLNER C. & E., GÜNDISCH K. Geschichte der Deutschen auf dem Gebiete Rumäniens. Bd. I: 12. Jahrhundert bis 1848. Bukarest. 1979.
95. POPA R. Țara Maramureșului în veacul XIV-lea. Prefață de M. Berza. Ediția a II-a, îngrijită de A. Ionita. București. 1997, p. 46—47.

96. KRISTÓ GY. *Early Transylvania (895—1324)*. Budapest. 2003, p. 125, 234.
97. *Documente privind istoria românilor*. C: Transilvania. Veacul XIV, vol. II (1321—1330). București. 1953, p. 143—144, № 309.
98. *Ibid.*, p. 144, № 310.
99. Обзор документов, свидетельствующих о перемещении королевских войск см.: JACKSON P. *Op. cit.*, p. 230, № 126.
100. DROTLEFF D. *Taten und Gestalten: Bilder aus der Vergangenheit der Rumäniendeutschen*. Cluj-Napoca. 1983, S. 19—20; ROTH H. *Hermannstadt kleine Geschichte einer Stadt in Siebenbürgen*. Köln-Weimar-Wien. 2006, S. 17.
101. SPINEI V. *Op. cit.*, p. 128; PAPACOSTEA S. *Between the Crusade and the Mongol Empire: The Romanians in the 13th Century*. Cluj-Napoca. 1998, p. 284; JACKSON P. *Op. cit.*, p. 212; CIOCILTAN V. *Op. cit.*, p. 274—275.
102. *Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen*. Hermannstadt. 1892, Bd. I (1191—1342), S. 387, № 423; *Documente privind istoria românilor*. C: Transilvania. Veacul XIV, vol. II, p. 135, № 293.
103. *Documente privind istoria românilor*. C: Transilvania. Veacul XIV, vol. II, p. 132—133, № 287.
104. ПАРАСКА П.Ф. Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатье и образование Молдавского феодального государства. В кн.: *Карпато-Дунайские земли в средние века*. Кишинев. 1975, с. 46.
105. *Documente privind istoria românilor*. C: Transilvania. Veacul XIV, vol. II, p. 2—68, 71—72, 82—83, 85, 111, 119—120, 123—124, 126—127, 129—132.
106. *Ibid.*, p. 159—160.
107. SPINEI V. *Op. cit.*, p. 29, 128.
108. *Vetera Monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*, vol. I, p. 501—502, № 772.
109. *Diplome maramuresene din sec. XIV—XV*. Sighet. 1900, p. 6—7; *Documente privind istoria românilor*. C: Transilvania, veacul XIV, vol. II, p. 197—198, № 407.
110. VÁSÁRY I. *Op. cit.*, p. 157.
111. GIURESCU C.C. *Tîrguri sau orașe și cetăți moldavene, din secolul al X-lea pînă la mijlocul secolului al XVI-lea*. București. 1967 (*Bibliotheca historica Romaniae. Monographies. T. 2*), p. 61.
112. *Ioannis Dlugnssii Opera Omnia*. Cracovia. 1876, t. XII, p. 116.
113. *Славяно-Молдавские летописи...*, с. 56.
114. BOGDAN I. *Vechile cronicе moldovenesci pînă la Urechia. Texte slave cu studiu, traduceri și note*. București. 1891, p. 67.
115. ЯЦИМИРСКИЙ А.И. Сказание вкратце о молдавских господарях в Воскресенской летописи. СПб. 1901, с. 13
116. Книга, глаголемая Козмография, сложена отъ древнихъ философъ, преведена с Римскаго языка. ПОПОВ А. *Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции*. М. 1869, с. 462.
117. *Послание Спиридона-Саввы*. ДМИТРИЕВА Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.-Л. 1955, с. 162.
118. *Словарь русского языка XI—XVII вв*. М. 1978, с. 322, 324—325.
119. SINOR D. *A History of Hungary*. N.Y. 1959, p. 89; KOSÁRY D.G. *A history of Hungary*. N.Y. 1971, p. 48; NAGY B. *Transcontinental trade from East-Central Europe to Western Europe (fourteenth and fifteenth centuries)*. ...The man of many devices, who wandered full many ways: *Festschrift in honor of J'anos M. Bak*. Budapest. 1999, p. 348.
120. IORGA N. *Condițiile de politică generală, in cari s'au întemeiat bisericile românești în veacurile XIV—XV*. IORGA N. *Studii asupra evului mediu românesc*. București. 1984, p. 210.
121. *Documente privind istoria românilor*. C: Transilvania. Veacul XIV, vol. II, p. 384, № 434.
122. BARBU D. *Pictura murală în Țările române în sec. XIV*. București. 1986, p. 15; SĂLĂGEAN T. *Op. cit.*, p. 194.
123. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reichens von 565—1453*. T. IV. München. 1995, s. 141—142, № 2184.
124. CHIHAIA P. *Despre biserica domnească de la Curtea de Argeș și confesiunea primilor voievozi ai Țării Românești. Tradiții răsăritene și influențe occidentale în Țara Românească*. București. 1993, p. 42—62; RĂDVAN L. *At Europe's Borders: Medieval Towns in the Romanian Principalities*. Amsterdam-Boston. 2010, p. 244.
125. *Documente privind istoria românilor*. C: Transilvania. Veacul XIV, vol. II, p. 129—130, № 282.
126. К подобному выводу приходят и некоторые современные исследователи. См.: CIOCILTAN V. *Op. cit.*, p. 274.

И. Шубашич и югославская политика США в 1942—1945 гг.

А.А. Костин, В.Т. Юнгблюд

Среди югославских государственных и политических деятелей второй половины 1930-х — первой половины 1940-х гг. особое место занимает Иван Шубашич. Биографические справки об этом человеке довольно скупы. Из ключевых событий в его карьере, как правило, указываются назначение баном Хорватии (1939 г.) и премьер-министром югославского эмигрантского правительства (1944 г.). В отечественной (как советского, так и современного периодов) ¹ и англоязычной ² историографии деятельность Шубашича изучалась в основном в связи с подписанием в ноябре 1944 г. соглашения с главой Национального комитета освобождения Югославии Й. Брозом Тито («соглашение Тито — Шубашича»). Хорватские историки рассматривают, как правило, послевоенный период жизни Шубашича как одного из лидеров оппозиции новому югославскому режиму ³. За пределами внимания исследователей остались иные значимые вехи его биографии, включая эмигрантский период жизни.

Детские и юношеские годы Шубашича прошли в Загребе, где он учился в школе, а затем поступил на теологический факультет Загребского университета. С началом первой мировой войны он был мобилизован в австро-венгерскую армию. После участия в боевых действиях на Дрине в 1914 г. был направлен на Восточный фронт, где в 1916 г. попал в плен. По меткому замечанию С.А. Романенко, Шубашич, «как и Й. Броз Тито, побывал во время первой мировой войны в русском плену, но сделал из этого совершенно иные политические выводы» ⁴. В отличие от будущего лидера югославской компартии Шубашич не был увлечен марксистскими идеями, но присоединился к добровольческим отрядам сербской армии ⁵, в 1918 г. участвовал в наступлении на Салоникском фронте. Это свидетельствует о том, что Шубашич разделял настроения ряда словенских и хорватских интеллектуалов, ратовавших за выход южнославянских земель из состава Австро-Венгрии. 1 декабря 1918 г. было провозглашено создание Королевства сербов, хорватов и словенцев во главе с династией Карагеоргиевичей. Принц-регент Александр, ставший 16 августа 1921 г. королем, наградил Шубашича за военные заслуги орденом Звезды Карагеоргия второй

Костин Алексей Александрович — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного гуманитарного университета; *Юнгблюд Валерий Теодорович* — доктор исторических наук, профессор, ректор ВГУ.

степени. Это событие стало первым выражением доверия Ивану Шубашичу со стороны югославской короны.

После войны будущий бан Хорватии изучал право в Загребском университете. Получив докторскую степень, он открыл адвокатскую контору в г. Врбовско, где познакомился с лидером Хорватской крестьянской партии (ХКП) Владко Мачеком. Вплоть до второй мировой войны ХКП была ведущей хорватской политической силой в Югославии, выступавшей за федеративное устройство югославского государства. Вступив в партию, Шубашич вскоре достиг положения близкого соратника Мачека. Умеренные взгляды, верность династии Карагеоргиевичей, политическая гибкость и хорошее юридическое образование позволили ему стать посредником между королевским двором и руководством ХКП. Лояльность Шубашича югославской короне стала причиной срыва переговоров Мачека с Анте Павеличем, поглавником хорватских усташей ⁶, готовивших убийство короля Александра I. В октябре 1930 г. Мачек возвращался после лечения из Чехословакии и намеревался встретиться в Австрии с Павеличем для согласования политики по хорватскому вопросу. По утверждению Й. Томасевича, Павелич, узнав, что Мачека сопровождает Шубашич, которого он считал доверенным лицом королевского двора, отказался от встречи ⁷.

В 1938 г. Шубашич был избран в Скупшину. 26 августа 1939 г. было подписано соглашение между премьер-министром Драгишей Цветковичем и Владко Мачеком, возглавившим Крестьянскую демократическую коалицию, объединившую ХКП и Независимую демократическую партию. Соглашение Цветковича — Мачека учреждало автономную Хорватскую бановину. Мачек видел баном (губернатором) автономной Хорватии другого лидера ХКП — Аугуста Кошутича. Однако принц-регент Павел назначил на эту должность более подходящую для короны политическую фигуру — Ивана Шубашича ⁸. Губернаторство Шубашича было недолгим. 6 апреля 1941 г. войска нацистской Германии и ее союзников вторглись в Югославию.

С началом оккупации хорватский бан покинул страну вместе с правительством генерала Д. Симовича. После кратковременного пребывания в Лондоне, он в составе правительственной делегации отправился в США, где оставался до весны 1944 года. В период эмиграции он публично выразил свое негативное отношение к Михайловичу и по сути выступил в поддержку Тито ⁹. В отличие от многих других лидеров югославской эмиграции он ратовал за единство народов Югославии. 13 июля 1942 г. сенатор от штата Флорида Клод Пеппер высказался в Сенате одобritельно о примирительной деятельности Шубашича, который во время выступления перед югославской общиной Питтсбурга 28 июня 1942 г. советовал не слушать вражескую пропаганду об убийствах сербов усташами и призывал к единению всех южнославянских народов ¹⁰.

Поселившись в США, Шубашич вел активную работу по объединению различных сил югославской эмиграции и не раз публично заявлял о необходимости проведения в Югославии широких либеральных реформ и установления контактов с освободительным движением. Однако при этом он считал, что республиканский строй в стране невозможен, так как народы Югославии в состоянии объединить только монарх. Таким образом, Шубашич воспринимался эмигрантской оппозицией как человек авторитетный и лояльный королю и династии ¹¹.

Югославский посол в США Константин Фотич, известный своей приверженностью великосербской идее, дал бывшему хорватскому бану следующую характеристику: «... он стремился создать впечатление, что он за Югославию, но против сербских шовинистов, которые якобы пытались возродить сербскую гегемонию в Югославии... Такая позиция произвела благоприятное впечатление на английские службы пропаганды и идеологической борьбы и на отдел

американского УСС, занимавшийся политическими проблемами в Центральной Европе и на Балканах. Он, казалось, был человеком, идеально подходившим для того, чтобы справиться со сложной ситуацией в Югославии»¹².

В 2011 г. в Университете штата Нью-Джерси состоялась защита докторской диссертации Эндрю Бьюкенена «“Мы стали участниками средиземноморских дел”: Большая стратегия Вашингтона в Средиземноморье, 1940—1945»¹³. Рецензентами выступили авторитетные американские ученые — Дэвид Фоглсонг, Уоррен Кимбол и Марк Штолер. Одним из вопросов, поднятых в этом исследовании, явилась связь Шубашича с американским разведывательным ведомством — Управлением стратегических служб. Опираясь на материалы, хранящиеся в Национальном управлении архивов и документации США¹⁴, Бьюкенен раскрыл цели, характер и итоги сотрудничества бывшего хорватского бана с американской разведкой. Кроме диссертации Бьюкенена этот сюжет получил освещение в работе Эми Шмидт, также работавшей с материалами Национального управления архивов и документации Соединенных Штатов¹⁵.

Бьюкенен и Шмидт утверждают, что сотрудники отдела УСС по работе с иностранными гражданами установили контакт с Иваном Шубашичем еще в начале 1942 г., когда тот начал работать в Югославском информационном центре, расположенном в Нью-Йорке и выполнявшем в Соединенных Штатах функции пресс-службы королевского правительства, находившегося в эмиграции в Лондоне. Назначение столь видной политической фигуры на относительно скромную должность указывало на доминирование великосербской идеи в сознании людей, окружавших молодого короля Петра II Карагеоргиевича. Но для американской разведки Шубашич, как хорватский лидер и сторонник единой, федеративной Югославии, представлял большой интерес. В конце 1942 г. он был представлен Аллену Даллесу, возглавлявшему в УСС направление стратегической разведки, как человек, «на которого можно положиться и с которым можно работать в тесном контакте»¹⁶.

Шубашич являлся одним из лидеров Хорватской крестьянской партии. После оккупации Югославии судьба членов ХКП сложилась по-разному. Одни попали в тюрьму, другие были изгнаны из созданного оккупантами Независимого государства Хорватия, возглавляемого Павеличем, или эмигрировали сами, третьи пошли на сотрудничество с усташами, четвертые присоединились к партизанам, провозгласившим идею создания федеративной Югославии. Все эти фракции так или иначе были представлены в среде хорватской эмиграции в США, наиболее известной и влиятельной фигурой которой был Иван Шубашич. Сам он больше импонировал тем, кто выступал за союз с партизанами, что проявилось при организации Хорватско-американского конгресса в Чикаго в феврале 1943 года.

Секретный справочник «Группы национальных меньшинств в Соединенных Штатах», изданный в феврале 1945 г. в Вашингтоне Отделом национальных групп Управления стратегических служб, подтверждает информацию о большом влиянии Шубашича на югославскую общину в США. Конечно, в основном его сторонниками были хорваты, но следует учитывать, что хорватская диаспора в Соединенных Штатах численно превосходила сербскую более чем в три раза. В данных о количестве лиц югославского происхождения, проживавших в Соединенных Штатах на 1940 г., указывалось 115 400 чел., считавших родным языком хорватский, и лишь 37 600 — сербский¹⁷.

Подводя итоги военного периода жизни югославской диаспоры, составители справочника отмечали, что «в Соединенных Штатах на положении политических эмигрантов находилось не менее шести министров Югославии и, по крайней мере, четверо из них, представляя интересы соответствующих политических групп, были такими же активными на американской политической

арене, как посол в Вашингтоне Константин Фотич. Таким образом ... на американскую почву были перенесены политические разногласия и вражда, существовавшие в Югославии». Сотрудники отдела национальных меньшинств особо отметили, что «факты, касающиеся Шубашича, ... составляют существенный этап в истории политической деятельности югославов в США»¹⁸.

Интерес УСС к Шубашичу был вызван его универсальностью — он был связан с довоенной хорватской и пан-югославской политической элитой и в перспективе мог оказаться полезным для налаживания военного сотрудничества с партизанским движением, в котором, как тогда надеялись в Вашингтоне, в конечном итоге могли возобладать некоммунистические элементы. В конце 1943 г. американцы впервые получили сведения от своего офицера (а не от англичан) напрямую из партизанского штаба. Это был отчет майора УСС Лина Фэриша, более известный как «Рапорт Фэриша». Американский офицер подтвердил, что партизаны «всегда воевали с немцами и воюют теперь», в то время как Михайлович перешел к борьбе против сил Тито «вместе с немцами и итальянцами». Фэриш утверждал, что партизанские отряды «состоят не только из коммунистов», которые к тому же «не являются догматиками»¹⁹. В меморандуме, подготовленном разведкой для президента 28 октября, сообщалось, что «политической целью партизан является создание федеративной Югославии с правительством, сформированным по итогам демократических выборов. Эта цель является чрезвычайно популярной среди югославского населения. Нет никаких фактических оснований для утверждений о коммунистической направленности партизанского движения. Такие политические убеждения характерны лишь для небольшой части рядовых партизан и их лидеров»²⁰.

Кроме отсутствия достоверной информации из самой Югославии на американское восприятие целей и характера партизанского движения в 1942—1943 гг. оказывали влияние давление советской стороны и пропагандистское соперничество различных сил югославской эмиграции в США. Говоря о пропартизанской пропаганде Информационного центра, в котором работал Шубашич, посол Фотич свидетельствует, что «американцам было крайне трудно получить четкое представление о ситуации в Югославии, когда даже между официальными югославскими учреждениями были острые разногласия по этому вопросу»²¹.

В этих условиях Шубашич обладал в глазах американцев целым набором выигрышных качеств. Будучи одним из лидеров некогда самой влиятельной в Хорватии ХКП, он в то же время был лоялен монархии Карагеоргиевичей и являлся сторонником федеративного устройства Югославии. Кроме того, бывший бан выступал за объединение всех сил югославского Сопротивления и признавал заслуги партизанского движения. Таким образом, как федералист и хорват, он одновременно мог стать конкурентом и коммунисту-интернационалисту Тито, и стороннику великосербской идеи четническому генералу Д. Михайловичу²². Умеренные политические взгляды Шубашича оценивались как «золотая середина» между двумя крайностями — идеями, витающими в окружении молодого югославского короля, и программой преобразований, предложенной партизанами. Наконец, на отношение Вашингтона к Шубашичу в 1942—1943 гг. должен был оказывать влияние тот факт, что и Лондон, и Москва уже сделали свои ставки в политической борьбе в Югославии на Петра II с его военным министром Михайловичем и на Тито, соответственно.

Поэтому в течение этих двух лет УСС поддерживало постоянный контакт с Шубашичем, периодически оказывая ему материальную помощь в обмен на предоставление американцам неограниченного доступа к информации о важных событиях в югославской политике. Однако в августе 1943 г. ситуация изменилась. Петр II назначил премьер-министром Божидара Пурича, который еще более укрепил великосербские настроения нового кабинета. Вследствие

этого посол Фотич закрыл «диссидентский» Югославский информационный центр в Нью-Йорке, тем самым лишив Шубашича возможности быть причастным к политике эмигрантского правительства²³.

В мемуарах Фотич дал оценку деятельности центра: «Югославский информационный центр в Нью-Йорке, хотя и был официальным агентством югославского эмигрантского правительства, принял самое активное участие в кампании против Михайловича и в поддержку Тито и его партизанской армии. Бан Хорватии доктор Шубашич несколько раз во время встреч с общественностью обвинял Михайловича в сотрудничестве с врагом, а его коллеги из центра открыто выступали в поддержку Тито в радиопередачах и статьях в прессе. Официальный бюллетень Информационного центра публиковал сообщения о Михайловиче из партизанских источников и не позволял опровергать эти фантастические обвинения, увеличивая тем самым путаницу в представлениях о реальной ситуации в Югославии»²⁴.

Безработный и обескураженный Шубашич был быстро вовлечен в более тесное сотрудничество с УСС. В конце августа с ним встретился глава Управления генерал Уильям Донован и его помощник Бернард Ярроу²⁵. По итогам этой встречи Шубашич и Ярроу к 21 сентября 1943 г. разработали план «проникновения» в Югославию под кодовым названием «Пастух». Этот сверхсекретный проект предусматривал заброску на югославскую территорию небольшой миссии во главе с Шубашичем с амбициозными целями «объединения всех сил Сопротивления и военных подразделений, находящихся в Югославии», «разгрома армии хорватского марионеточного правительства» и подготовки «наступления на силы режима Недича²⁶ в Сербии»²⁷. Руководителем проекта был назначен Ярроу.

Название проекта «Пастух» («Пастырь», «Наставник») ²⁸ красноречиво говорило о стремлении американцев с помощью Шубашича объединить «заблудших» партизан и четников и повести их к благим целям — скорейшему разгрому врага, преодолению крайностей великосербского шовинизма и коммунизма и восстановлению Югославского государства на принципах федерализма. Учитывая, что американскую разведку больше беспокоили коммунистические убеждения партизанского руководства, нежели коллаборационизм Михайловича, можно предположить, что в УСС роль Шубашича видели в первую очередь в том, чтобы контролировать и ограничивать политические амбиции Тито (или вовсе заменить его), «пасти» югославских партизан и направлять их действия в нужном направлении.

Однако сотрудники УСС, очевидно, переоценивали влияние Шубашича в Югославии, утверждая, что «подавляющее большинство» хорватов — указывалось 5 млн чел. — «считает его своим защитником и лидером». Донован сообщил президенту, что «бан, который в предыдущей войне воевал в чине офицера сербской армии, имеет авторитет по всей Югославии»²⁹. Американцы относились к его назначению баном Хорватии в 1939 г., как если бы он был избран на эту должность хорватским населением. Руководство УСС предполагало, что благодаря его длительным отношениям с Мачеком, Шубашич сможет мобилизовать «очень хорошо организованные» силы Хорватской крестьянской партии. Учитывая дальнейшую историю Югославии, сейчас трудно понять, как этому, совершенно невероятному плану можно было уделять серьезное внимание. Тем не менее, в начале осени 1943 г. он был рассмотрен и утвержден Государственным департаментом (помощником госсекретаря Адольфом Берлом), Объединенным комитетом начальников штабов и, наконец, лично президентом³⁰. Это свидетельствовало о большой обеспокоенности Вашингтона происходящим в Югославии, особенно в условиях отсутствия у США эффективных инструментов воздействия на развитие ситуации в регионе.

Если Берл поддержал проект «Пастух», то помощник главы Департамента по южно-европейским делам Кавендиш Кэннон был более осторожен. В меморандуме, подготовленном для специального помощника госсекретаря Джона Макмюррея 25 сентября 1943 г., Кэннон выразил «удивление» по поводу такой политики и, признавая «долю правды» в обвинениях Михайловича в коллаборационизме, отказывался «доверять партизанам», которые, по его мнению, были не более, чем просто «бандиты, коммунисты, и тому подобное». Учитывая эти обстоятельства, Кэннон пришел к выводу, что будет ошибкой отправить Шубашича, который может быть и «хороший югослав», с миссией по установлению связей между партизанами и Хорватской крестьянской партией³¹. Кэннон оказался прав в понимании бесперспективности планируемой акции, но в его словах также присутствовало крайне негативное отношение к партизанам, что, очевидно, являлось причиной неприятия им любых попыток наладить сотрудничество с ними.

Сомнения Кэннона в конечном итоге были оставлены без внимания. Глава американской разведки тщательно продумал содержание меморандума для представления проекта Рузвельту. Шубашич, утверждал Донован 21 октября, является «солдатом и патриотом, желающим помочь нам в общей борьбе против врага», и готов отправиться на родину «для достижения целей УСС», чтобы «убедить военных лидеров армии марионеточного хорватского режима присоединиться к нам», установить тесные отношения с Тито и служить в качестве канала для сбора разведывательной информации. В начале своего меморандума директор УСС напомнил президенту, что во время их последнего разговора, Рузвельт «проявил большой интерес к Балканскому театру военных действий». В итоговой части документа Донован резюмировал: «Я считаю, что бан может иметь большое значение для нас, проложив путь для наших войск»³². Руководитель Управления стратегических служб убеждал Рузвельта, что консолидация югославского Сопротивления с помощью Шубашича создаст условия для наступления союзных войск на балканском направлении.

Этот факт отчасти объясняет неожиданное предложение Рузвельта, высказанное 28 ноября 1943 г. в Тегеране. Президент посчитал целесообразным «произвести десант в районе северной части Адриатического моря, с тем чтобы поддержать партизанские войска Тито, и затем наступать на северо-восток в Румынию для соединения с советскими войсками, наступавшими из района Одессы»³³. Присутствовавший на этом заседании А. Гарриман свидетельствует, что «именно Рузвельт, а не Черчилль поднял вопрос об ударе через Адриатику из Италии с целью соединения со сторонниками Тито в Югославии»³⁴. Чуть ранее, 24 ноября американский президент разговаривал в Каире с королем Петром и югославским премьером Пуричем. Обсуждались шансы на примирение Тито и Михайловича и целесообразность союзной высадки на далматийском побережье³⁵. Вполне очевидно, что предложение Рузвельта, выступившего в конечном итоге против «балканской стратегии Черчилля», было навеяно надеждами на успех проекта «Пастух».

После Тегерана план переброски Шубашича в Югославию стал еще более актуальным, поскольку участники конференции приняли решение оказать партизанам союзническую поддержку, что подчеркнуло важность наличия в стране силы, способной уравновесить и сдерживать Тито. 21 декабря Ярроу и Хью Уилсон, назначенный Донованом ответственным за координирование действий УСС с Госдепартаментом³⁶, снова обсудили проект «Пастух» с Берлом и приняли решение сообщить союзным правительствам и штабу Тито об особой миссии Шубашича. Не упоминая о причастности УСС, Государственный департамент связался с А.Я. Вышинским, представлявшим интересы Москвы в расположенной в Алжире штаб-квартире союзнических сил на Средиземноморском театре

военных действий. 31 января 1943 г. вопрос был передан на рассмотрение в советское посольство при югославском эмигрантском правительстве в Каире ³⁷, которое, однако, не выразило «интереса в посещении Шубашичем Югославии». Англичане, которые также не знали о сотрудничестве Шубашича с УСС, согласились на миссию хорватского бана ³⁸. Ни в американских, ни в отечественных публикациях дипломатических документов нет подтверждений тому, что американцы пытались информировать советскую и английскую стороны об этом «сверхсекретном» проекте ³⁹. Если такие попытки все-таки имели место, то можно с уверенностью сказать, что именно американцы подали англичанам идею использовать Шубашича с целью воздействия на Тито.

Согласование визита Шубашича к Тито по понятным причинам заняло много времени. 15 февраля 1944 г. майор Линн Фэриш сообщил, что партизанский лидер «будет рад видеть бана в своем штабе для беседы». 19 февраля генерал Donovan «выразил свое желание начать осуществление проекта “Пастух” без промедления» ⁴⁰. Однако на рубеже февраля—марта 1944 г., несмотря на отсутствие возражений с какой-либо стороны, УСС неожиданно отказалось от осуществления плана. Причины тому не совсем ясны. Возможно, в Вашингтоне осознали неспособность хорватского бана подчинить Тито своему руководству. В марте партизаны активизировали обвинения в коллаборационизме Мачека и руководства ХКП, и это вызвало в Госдепартаменте опасения, что, когда Шубашич вернется в страну, он будет «полностью отдан на милость Тито». Нельзя исключить, что внезапный всплеск обвинений был вызван информацией о намерениях американцев отправить Шубашича в Югославию. Фэриш в сообщении от 15 февраля называет другую, на первый взгляд банальную причину — отсутствие у Шубашича специальной подготовки для перелета и десантирования в особо сложных условиях, выразив сомнение в том, что тот сможет произвести сложный прыжок с парашютом «прямо в расположение штаба Тито» ⁴¹. Предположение Фэриша, тем не менее, выглядит неубедительно. Весной 1944 г. бану Хорватии шел 52-й год, и такой возраст вряд ли можно было считать препятствием для прыжка с парашютом. Не исключено, что хорошо информированный глава американской миссии при штабе партизан пытался таким способом дать понять, что Шубашич не достигнет поставленной цели.

Основной причиной отмены проекта «Пастух» в его первоначальном варианте, вероятно, стало то, что в начале 1944 г. Государственный департамент и УСС приступили к разработке нового плана с участием Шубашича. Вместо десантирования бана непосредственно в зону боевых действий в Югославии, было решено направить его в Лондон для реорганизации кабинета короля Петра с целью подготовки к созданию коалиционного правительства с участием министров, лояльных как королевскому двору, так и руководству партизанского движения. Схема этого нового амбициозного проекта была разработана 10 апреля во время встречи Кэннона и Ярроу. Кэннон подчеркнул, что в Государственном департаменте пришли к заключению, что Лондон «не смог осадить Тито на более умеренные позиции», а вместо этого лишь укрепил положение коммунистического лидера, распространяя «раздутые» оценки силы партизан. Он также отметил, что Соединенные Штаты весьма заинтересованы в установлении «стабильного, демократического режима» в послевоенной Югославии, чтобы этот регион больше не являлся «тревожным политическим фактором» ⁴².

Вместо десантирования в Югославию Кэннон предложил Шубашичу отправиться в Лондон для участия в «консультациях» с королем. Сложно определить, кто был инициатором этой идеи — американцы или англичане. Слабость югославского короля и кризисное состояние его правительства побуждали Лондон начать поиск новой авторитетной фигуры, способной консолидировать югославскую эмиграцию и, что было не менее важно, способной к диалогу с

партизанским лидером. Еще 25 марта 1944 г. Донован сообщил Рузвельту о поступившей из лондонского отделения УСС информации, свидетельствующей о том, что англичане прилагают все «усилия для создания нового правительства, которое будет сформировано из политически значимых фигур, равноудаленных и от Тито и от Пурича»⁴³.

Сам Шубашич первоначально был не в восторге от нового поворота проекта «Пастух». Но после того, как через каналы УСС удалось получить личное приглашение от Петра, он посчитал своим «долгом приступить к делу сразу же». На заключительной встрече с генералом Донованом, состоявшейся в начале мая перед отъездом в Лондон, Шубашич в общих чертах обрисовал план реорганизации правительства, который он собирался представить королю. Югославия, утверждал Шубашич, нуждается в сильном временном правительстве, способном объединить разрозненные группы партизан, сторонников ХКП и четников, и обеспечивать стабильность страны до тех пор, пока югославский народ не сделает демократический выбор «системы, при которой он предпочитает жить». Шубашич надеялся убедить короля отобрать для участия в таком правительстве «лояльных и выдающихся партийных лидеров», «которые имеют большой авторитет у населения Югославии»⁴⁴. Он считал, что первой задачей этого правительства будет установление контроля над отрядами генерала Михайловича и маршала Тито, а также достижение согласия обоих командующих «выполнять их непосредственные обязанности лидеров Сопротивления» в пределах подконтрольных территорий. Единственным эффективным способом достичь этих целей «Пастух» считал передачу обоим союзной помощи исключительно через югославское правительство⁴⁵.

Слова Шубашича свидетельствуют о том, насколько упрощенно он понимал реальную ситуацию в стране и недооценивал решимость партизанского руководства бороться за власть. Ставя точку в этой встрече, Донован предложил направить руководителя проекта Ярроу в Лондон под прикрытием дипломатической аккредитации для того, чтобы быть «под рукой в процессе формирования нового югославского правительства». Отчеты с изложением обновленной версии проекта «Пастух» были обсуждены Объединенным комитетом начальников штабов и президентом в начале мая.

Корректировке плана «Пастух» содействовала позиция англичан. В телеграмме, полученной американским президентом 26 апреля, Черчилль убеждал Рузвельта, что бан «крайне необходим» для формирования «на широкой основе правительства, не вызывающего неприязнь партизан», и просил, чтобы американцы «нашли этого джентльмена и посадили его в самолет как можно скорее». Учитывая отношения Шубашича с УСС, американцам не составило большого труда найти его. Рузвельт ответил только 13 мая, уже после совещания руководства американской разведки и Госдепартамента с Шубашичем и перелета последнего в Лондон. Слова президента говорят о его желании показать отсутствие какого-либо особого интереса к кандидатуре Шубашича: «Мне сообщили, что бан Хорватии в настоящее время находится в Англии. Вообще я противник всяких запретов, но против этой разновидности возражений не имею»⁴⁶. Президент использовал игру слов: «запрет» по-английски пишется как «ban», равно как и титул «бан» по-хорватски.

Эта «игривая» переписка запутывает роль американской стороны в привлечении Шубашича к регулированию ситуации в Югославии. Просьба Черчилля найти бана, адресованная Рузвельту, создает впечатление, будто идея сделать Шубашича премьером югославского правительства с целью установления контроля над партизанами принадлежит Лондону. Однако король Петр в своих мемуарах пишет, якобы со слов Черчилля, что «президент Рузвельт через генерала Билла Донована» предложил ему «выбрать г-на Шубашича своим пре-

мьер-министром» вместо генерала Боривоя Мирковича, и что кандидатура хорватского бана была одобрена британским лидером. Нельзя исключать, что Черчилль, который также убеждал молодого югославского короля принять решение в пользу Шубашича, мог выдать английский интерес за американский. Но далее Петр II сообщает, что когда он встречался с Донованом в мае 1944 г., последний настаивал на том, что король «должен сделать Шубашича премьер-министром»⁴⁷.

12 мая Рузвельт отправил Петру II личное послание, в котором уверял, что «вопрос генерала Михайловича более политический, нежели военный. Использовать превосходные военные таланты генерала, но при этом снять с него правительственную ответственность — в интересах вашего государства». Этот совет полностью соответствует решению вывести четнического генерала из состава правительства, принятому на совещании Шубашича, Донована и Данна неделей ранее. Американский президент рекомендовал югославскому королю реорганизовать правительство, говоря, что в этом деле «мудрый совет сможет дать бан Шубашич»⁴⁸. Таким образом, мемуары Петра II свидетельствуют о том, что эта идея все-таки зародилась в Вашингтоне.

Возможно, изменения в югославской политике союзников апреля—мая 1944 г. были продуктом сближения британской и американской точек зрения на оценку обстановки в Югославии. И англичане, и американцы, озабоченные растущим политическим влиянием Тито, могли одновременно прийти к пониманию необходимости сместить «великосербский» кабинет Божидара Пурича и заменить его более подходящим для союза с партизанами правительством Шубашича. В итоге, 24 мая Петр отправил Пурича в отставку. Михайлович исключался из правительства как военный министр, но был сохранен главнокомандующим «армией на Родине». Тито также не мог войти в правительство, но вместе с Михайловичем должен был послать представителей в специально создаваемый «Комитет Сопrotивления»⁴⁹. 1 июня 1944 г. король Петр назначил новым премьер-министром Шубашича⁵⁰.

Операция «Пастух» указывала на то, что в Вашингтоне к концу войны стали совершенно по-новому смотреть на свою послевоенную роль в регионе. Дальнейшая история деятельности нового югославского премьера — ход и итоги его переговоров с Тито, создание коалиционного правительства и, наконец, отставка Шубашича — хорошо известна. Весь последующий период «Пастух» продолжал работать в тесном сотрудничестве с Ярроу, который осуществлял связь с УСС. Тем не менее, Шубашич не сумел решить возложенную на него задачу, и в августе 1945 г. проект был закрыт. Ярроу уволился из УСС и вернулся к юридической практике, став партнером Джона Фостера и Аллена Даллесов в фирме «Салливан и Кромвель»⁵¹. Шубашич подал в отставку 11 октября 1945 г. и вскоре покинул политическую арену. Через десять лет жизни «вне политики» он скончался в Загребе в возрасте 62 лет.

Проект «Пастух», разработанный в сентябре 1943 г., был обречен с самого начала. Ни Шубашич, ни кто-либо иной не имели возможности подчинить королевскому правительству Тито и Михайловича как двух равных по статусу командующих и тем самым объединить борьбу партизан и четников против оккупантов и установить контроль над югославскими коммунистами. Этому препятствовали объективные причины: различия между четнической великосербской идеей и целями партизанского руководства, вооруженные столкновения между двумя течениями югославского Сопrotивления, низкий авторитет эмигрантского правительства. Назначение Шубашича премьер-министром не смогло изменить ситуацию. Военные успехи партизанского движения, активное участие Красной Армии в борьбе партизан с оккупантами и освобождении территории страны, а также дипломатическая поддержка Национального ко-

митета освобождения Югославии (НКОЮ) Советским Союзом обеспечивали Тито контроль над Югославией. В итоге выполнение миссии бывшего хорватского бана на деле стало частью механизма легитимации власти партизанского маршала.

1 ноября 1944 г. премьер-министр королевского правительства Шубашич и глава НКОЮ Броз Тито заключили соглашение о создании единого коалиционного правительства. Югославия воссоздавалась как независимое государство на федеративной основе. Король Петр II не мог вернуться в страну, пока народ не выразит свое отношение к монархии. На этот период королевская власть передавалась регентскому совету, назначенному королем по предложению правительства и с согласия Тито и Шубашича. 7 декабря были подписаны два дополнения к соглашению. Первое оговаривало порядок выборов в Учредительную Скупщину в течение трех месяцев после освобождения страны. До ее созыва законодательная власть передавалась Антифашистскому вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ). Второе дополнение касалось регентского совета⁵².

7 марта 1945 г. единое югославское правительство из представителей НКОЮ и эмигрантского кабинета было сформировано. В его состав вошли 28 человек. Новое правительство состояло из шести министров прежнего кабинета Шубашича, двадцати представителей Национального комитета и двух новых членов, которые были сторонниками Тито. В правительстве оказалось 9 коммунистов, в том числе 4 члена Политбюро ЦК КПЮ. Кроме того, 4 министра — Влада Зечевиц, Йосип Смодлака, Владислав Рибникар и Фране Флор — по своим политическим убеждениям были близки к компартии⁵³. Тито занял пост премьер-министра.

Из шести членов предыдущего правительства два были назначены уже после переговоров Шубашича и Тито на о. Вис⁵⁴ в середине июня 1944 г., а третий — Сава Косанович — сотрудничал с советской резидентурой⁵⁵. Будучи сотрудником югославского информационного центра в Нью-Йорке, он являлся главным пропагандистом Тито в Соединенных Штатах. Не считая Шубашича, в народно-освободительном движении не участвовали и были сторонниками прозападной ориентации только три министра — Милан Грол⁵⁶, Юрай Шутей⁵⁷ и Васо Чубрилович. Последний являлся членом Союза земледельцев и до выборов в Учредительную скупщину занимал выжидательную позицию, а затем поддержал новую власть. Таким образом, только Шубашич, Грол и Шутей представляли группы, не связанные с партизанами, но их влияние в новом правительстве было фактически нулевым. Шубашич получил пост министра иностранных дел, Грол стал вице-премьером, а Шутей — министром без портфеля⁵⁸.

«Соглашение Тито — Шубашича» обеспечило членам КПЮ легитимный путь к власти. Проект «Пастух», преследовавший цель поставить Тито и партизан под контроль королевского правительства, способствовал (в своем позднем варианте с назначением Шубашича премьером) обратному — подчинению эмигрантского кабинета НКОЮ. Помимо вышеназванных причин к такому результату могла привести еще одна — сотрудничество бывшего хорватского бана с советской разведкой в США.

Во второй части сборника «Коминтерн и Вторая мировая война» есть любопытный документ. Это письмо Г. Димитрова П. Фитину от 21 января 1943 г. относительно предстоящего обращения Шубашича к хорватским крестьянам. Письмо секретаря исполкома Коминтерна было ответом на запрос начальника внешней разведки от 12 января 1943 года. Письмо содержит фразу: «Что касается содержания обращения Шубашича, желательно прежде всего: ...». Далее идет перечисление «желательного»⁵⁹. Это наводит на мысль о том, что разве-

органы СССР имели возможность рекомендовать бывшему хорватскому бану затронуть те или иные вопросы в своем выступлении.

Связь Шубашича с советскими спецслужбами подтверждают документы проекта «Венона»⁶⁰. В рамках этой программы американской контрразведке удалось перехватить и расшифровать восемь сообщений от советской резидентуры в Москву, в которых под кодовым именем «Серес» фигурирует Шубашич. Самая первая из них была отправлена 21 июня 1943 г. Павлом Пантелеймоновичем Клариным («Лука», настоящая фамилия Пастельняк), остальные в период с 28 апреля по 25 июля 1944 г. Степаном Захаровичем Апресяном («Май») ⁶¹. Оба являлись сотрудниками Генерального консульства СССР в Нью-Йорке. Шифрограммы были адресованы начальнику 1-го Управления НКГБ—МГБ СССР П. М. Фитину («Виктор»). Непосредственно с хорватским баном работал заведующий нью-йоркского отделения ТАСС Владимир Сергеевич Правдин («Сергей»), ставший впоследствии главным резидентом советской внешней разведки в Нью-Йорке. Накануне отъезда Шубашича в Лондон Правдин «обговорил с ним все условия» ⁶².

Советской разведке было известно о сотрудничестве Шубашича с американскими спецслужбами ⁶³. 6 мая 1944 г. Апресян сообщил в Москву шифрограмму следующего содержания: «Перед отъездом на Остров Серес беседовал с помощником Луня Данном ⁶⁴, Диктором и Кемпбелом ⁶⁵. Кемпбел [прочитал] Сересу телеграмму, полученную Капитаном от Кабана. По мнению Сереса, помощник Луня и Диктор не знали о телеграмме. Они оба полностью согласились с Сересом в том, что необходимо стремиться к объединению всех группировок в его стране с партизанами. Диктор спросил, какие конкретные меры Серес считает необходимым принять с целью объединения четников с партизанами, и согласился с его мнением, что ни в коем случае нельзя оставлять Михайловича в правительстве. Диктор и Яров летят в Сидон в конце месяца. Серес 5 мая уехал в Балтимор, а оттуда он летит в Сидон на бомбовозе...» ⁶⁶.

Эта шифрограмма передавала информацию о состоявшемся перед отъездом в Лондон совещании Шубашича с представителями УСС и Госдепартамента. В донесениях советской разведки под именем «Луня» фигурировал государственный секретарь К. Хэлл, «Диктора» — Донован, «Капитана» — Рувельт, «Кабана» — Черчилль, «Ярова» — Ярроу. «Островом» называлась Великобритания, а «Сидоном» — Лондон. Текст этого сообщения Фитину свидетельствует о том, что Шубашич убеждал американцев в необходимости отставки Михайловича и слияния всех сил Соппротивления с партизанами. Эти установки, вне всякого сомнения, отвечали интересам Москвы.

О связях Шубашича с советской резидентурой убедительно свидетельствует часть шифрограммы от 25 июля 1944 г.: «Год назад Коло проговорился Сересу о своем контакте с Сергеем. Сам Коло, в связи с положением, которое займет Серес, подозревает, что последний находится в контакте с нами, хотя Серес никогда не раскрывал ему свои отношения с Сергеем» ⁶⁷. Вероятно, опасаясь, что Косанович (а именно он был обозначен под именем «Коло») может проговориться еще кому-нибудь о своих связях с Правдиным, Апресян при этом характеризовал Шубашича как человека надежного. Исследователь деятельности советской агентуры в западных странах В. В. Позняков корректно указывает, что среди советских источников внутри югославской политической элиты, находившейся в эмиграции в США и Британии, были такие фигуры, как Шубашич и Косанович. Позняков подчеркивает, что «Москва получала первоклассную информацию по самым различным аспектам югославской политики» ⁶⁸.

Сотрудник Института новейшей истории Сербии отечественный исследователь А. Ю. Тимофеев утверждает, что «независимый политик и отъявленный антикоммунист И. Шубашич стал в годы Второй мировой войны агентом со-

ветской разведки»⁶⁹. В данном случае требуется четкое определение понятия «агент» — «оперативный сотрудник спецслужбы», «лицо, завербованное для негласного сотрудничества и не являющееся штатным работником спецслужбы», «источник разведывательной информации», «осведомитель» или «информант»?

Был ли Шубашич двойным агентом американской и советской разведки? И Москва, и Вашингтон отслеживали информацию о развитии ситуации в Югославии и деятельности югославской эмиграции, поэтому Шубашич в силу своего политического веса не мог остаться вне внимания спецслужб. Не следует забывать, что на 1942 — начало 1945 г. пришелся пик военного сотрудничества СССР и США, речь не шла о противостоянии двух разведок, столь же остром, как это было характерно для периода холодной войны. Хорватский бан, назначенный королевским правительством сотрудником югославского информационного центра в Нью-Йорке и стремившийся к скорейшему освобождению Югославии, очевидно не считал целесообразным отказываться от контактов с разведывательными структурами союзников по Антигитлеровской коалиции. Вносившее ощутимый вклад в борьбу с оккупантами партизанское движение, руководство которого на контрасте с «великосербскими» устремлениями Михайловича заявляло о равноправии всех югославских народов, импонировало Шубашичу. Сотрудничая со спецслужбами Советского Союза и Соединенных Штатов, хорватский бан мог преследовать личные цели, надеясь реализовать свои политические амбиции, но, безусловно, также пытался способствовать достижению победы над общим врагом и консолидации патриотических сил в интересах послевоенного развития Югославии.

Отношения Шубашича к СССР в период войны раскрывает случай, описанный М. Джиласом в мемуарной работе «Беседы со Сталиным». Джилас вспоминает, что накануне высадки западных союзников в Нормандии (6 июня 1944 г.) советский лидер ознакомил его с позицией Шубашича, выраженной сотрудникам Государственного департамента Соединенных Штатов: «Мы, югославы, не можем быть против Советского Союза, как не можем мы проводить и антироссийскую политику, потому что среди нас очень сильны славянские и пророссийские традиции». Заметив на лице Джиласа удивление такой осведомленностью, Сталин добавил: «Они воруют наши депеши, мы ворует их»⁷⁰.

Мог ли Шубашич быть «тройным конем» советской резидентуры, подсланным в УСС? Вряд ли. В этом случае после заключения 1 ноября 1944 г. соглашения с Тито о создании коалиционного правительства подобную миссию можно было бы считать выполненной. Однако Шубашич продолжал сообщать в УСС важную информацию. В частности, он раскрыл американцам полные данные о его переговорах со Сталиным в Москве 22 ноября 1944 года. После возвращения в Лондон 15 декабря глава эмигрантского правительства в течение четырех часов рассказывал Ярроу о деталях этого разговора. На следующий день руководитель проекта «Пастух» передал отчет Доновану, который, в свою очередь, 23 декабря 1944 г. отправил доклад новому госсекретарю Эдварду Стеттиниусу⁷¹.

Уже в качестве министра иностранных дел в коалиционном правительстве Шубашич был весьма холодно встречен советским наркомом В.М. Молотовым во время подготовки подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией. 6 апреля 1945 г. бывший глава эмигрантского королевского правительства, пытаясь выяснить экономические интересы СССР в Югославии, сообщил, что вскоре в США выедут югославские экономисты, которые будут обсуждать размеры американских поставок Белграду. Между делом югославский министр упомянул, что «американцы имеют очень большие аппетиты по отношению к Югославии». Молотов, знавший о связях собеседника с американской разведкой, в ответ произнес лишь краткую реплику: «Неограниченные»⁷².

26 апреля 1945 г. Шубашич сообщил Ярроу подробности переговоров со Сталиным и Молотовым в Москве во время заключения советско-югославского договора. Он пожаловался на «большие трудности, с которыми он столкнулся в настоящем, так как страной пытаются управлять экстремистские элементы, которые не имеют никакого опыта»⁷³. Все это свидетельствовало о быстром разочаровании бывшего хорватского бана в коммунистическом руководстве партизанского движения. Более того, Шубашич и ранее никогда не отличался дружественным отношением к Советскому Союзу или терпимым — к коммунизму. Известно, что после вторжения в Югославию стран Оси и их сателлитов, хорватский бан отказался выпустить на свободу политических заключенных — коммунистов. В результате они погибли от рук усташей, провозгласивших создание Независимого государства Хорватия, находившегося под контролем Берлина.

В коалиционном правительстве Шубашич быстро оказался в оппозиции новому режиму, тесно связанному с Москвой. Вместе с Гролом и Шутеем министр иностранных дел кабинета Тито находился под бдительным контролем со стороны югославского органа госбезопасности ОЗНА (Отдел защиты народа)⁷⁴. 18 августа 1945 г. Грол подал в отставку, 11 октября это же сделали Шутей и Шубашич⁷⁵. Об исходе возможных преследований со стороны репрессивных структур говорил начавшийся весной 1946 г. судебный процесс над Михайловичем. За месяц до его расстрела, 14 июня 1946 г. югославский посол в СССР В. Попович сообщил заместителю министра иностранных дел А. Лозовскому, что Шубашич сильно напуган⁷⁶. Таким было незавидное положение бывшего «агента советской разведки» в новой Югославии.

Скорее всего, сотрудничая в 1943—1944 гг. и с американской и советской спецслужбами, Шубашич исходил из принципа «равноудаленности» или точнее «равноприближенности» Югославии в отношениях с Соединенными Штатами и Советским Союзом. Вероятно, уже тогда «Пастух—Серес» предвидел ведущую роль обеих держав в послевоенном мире. С Россией Югославию связывали исторические традиции, принимался в расчет авторитет СССР как борца с нацистской Германией. США могли быть значимы для Шубашича демократическими ценностями и экономическим потенциалом. В случае продолжения сотрудничества двух держав после войны задача сохранения тесных связей Югославии с обеими, вне всякого сомнения, рассматривалась бывшим баном Хорватии в качестве одного из главных приоритетов. Однако с точки зрения свойственных ему политических убеждений, либеральная Америка была ему ближе.

Данные о деятельности Ивана Шубашича во время эмиграции в США свидетельствуют о том, что американцы интересовались югославскими делами и принимали в них участие гораздо активнее, нежели принято считать. Несмотря на неудачу, проект «Пастух» продемонстрировал возрастание внимания Соединенных Штатов к развитию событий в Югославии и готовность использовать все доступные средства для влияния на них. Для этих целей Вашингтон широко использовал Управление стратегических служб, ставшее важным инструментом американской политики в 1942—1945 годах.

Военные успехи партизан, их сотрудничество с советскими войсками в ходе освобождения Белграда, соглашение с Москвой о вступлении на территорию Югославии частей Красной Армии, наконец, поддержка значительной частью населения партизанской программы политических и социально-экономических преобразований — все это, по сути, свело на нет все политические расчеты УСС и Госдепартамента, превратив историю премьерства Шубашича в кратковременный, хотя и довольно яркий эпизод, отмеченный одной из первых попыток Вашингтона реально заявить о своей заинтересованности в контроле над ситуацией в Югославии.

1. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М. 2005; ГИБИАНСКИЙ Л.Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941—1947. М. 1987; НИКИФОРОВ К.В. Сербия на Балканах. XX век. М. 2012; РОМАНЕНКО С.А. Югославия, Россия и «славянская идея»: вторая половина XIX — начало XXI века. М. 2002; ЕГО ЖЕ. Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств: национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX—XX вв. М. 2000; СИЛКИН А.А. Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. 1918—1929 гг. М. 2008; Югославия в XX веке: очерки политической истории. М. 2011.
2. AUTY P.H. Yugoslavia. N.Y. 1965; BANAC I. The National Question in Yugoslavia. Origins, History, Politics. Ithaca. L. 1988; DJILAS A. The Contested Country: Yugoslav Unity and Communist Revolution, 1919—1953. L. 1991; PAVLOWITCH S. Yugoslavia. Bonn-L.-N.Y. 1971; TOMASEVICH J. War and Revolution in Yugoslavia, 1941—1945: Occupation and Collaboration. Stanford. 2001; Yugoslavia. N.Y.-L. 1957.
3. RADELIC Z. Opposition in Croatia 1945—1950. — Review of Croatian History. Vol. I, № 1 (Prosinac 2005), s. 227—252; EJUSD. Ivan Šubašić i Juraj Šutej pod paskom Ozne. Šasopis za suvremenu povijest. Br. 2, 39. Zagreb, 2007, s. 339—366.
4. РОМАНЕНКО С.А. Югославия, Россия и «славянская идея»..., с. 226.
5. Осенью 1916 г. в Одессе из числа австро-венгерских военнопленных южнославянских национальностей был сформирован Сербский добровольческий корпус. Его переброска на Балканы в условиях развития революции в России была крайне сложной. Часть корпуса в середине ноября 1917 г. отправилась из Архангельска через Великобританию на Салоникский фронт и в начале января 1918 г. вошла в состав Юго-Славянской (Вардарской) дивизии. Другая часть Сербского добровольческого корпуса, выдвигнувшаяся в направлении следования тем же маршрутом в конце ноября 1917 г., была задержана большевиками в Вологде и направлена во Владивосток. С Дальнего Востока она была отправлена на британских судах через Индийский океан, Красное море и Суэцкий канал и к апрелю 1918 года также прибыла на Салоникский фронт, где соединилась с Юго-Славянской дивизией. См.: BANAC I. Op. cit., p. 121—123; ТРУШНОВИЧ А.Р. Воспоминания корниловца (1914—1934). М.-Франкфурт. 2004, с. 40—44.
6. Усташи (хорв. Ustaše — «восставшие», «повстанцы») — хорватское националистическое, сепаратистское движение, существовавшее в 1929—1945 годах. Лидер (поглавник) — Анте Павелич. В годы второй мировой войны в Независимом государстве Хорватия усташи уничтожили несколько сотен тысяч сербов. См.: РИВЕЛИ М.А. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941—1945. М. 2011, с. 79—92.
7. TOMASEVICH J. War and Revolution in Yugoslavia, 1941—1945: Occupation and Collaboration. Stanford. 2001, p. 28.
8. Ibid., p. 43.
9. FOTITCH C. The War We Lost. Yugoslavia's Tragedy and the Failure of the West. N.Y. 1948, p. 248.
10. Congressional Record. Vol. 88: Proceedings and Debates of the 77th Congress: Second session. Wash. 1942, p. A2704—A2705.
11. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). 1944. Wash. 1966, vol. IV: Europe, p. 1360, 1362—1364; Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. III: Alliance Declining: February 1944 — April 1945. L. 1984, p. 115—116; King Peter II of Yugoslavia. A King's Heritage. N.Y. 1954, p. 213—214.
12. FOTITCH C. Op. cit., p. 248.
13. BUCHANAN A. «We Have Become Mediterraneanites». Washington's Grand Strategy in the Mediterranean, 1940—1945. A Dissertation (Ph.D.). New Brunswick. 2011.
14. National Archive and Record Administration, College Park, MD. RG 226, Records of the OSS.
15. SCHMIDT A.K. Hrvatska i zapadni saveznici. — Casopis za suvremenu povijest. № 34, br. 1. Zagreb, 2002, s. 71—92; EADEM. Drugi svjetski rat na prostoru bivše Jugoslavije u dokumentima Državnog arhiva u Washingtonu (World War II Yugoslav Materials in the National Archives). — Arhivski vjesnik. № 42, Veljača, 2000, s. 299—315.
16. BUCHANAN A. Op. cit., p. 453.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 128, д. 639. ЦК ВКП(б). Отдел внешней политики. Март 1948 г., л. 179—180.
18. Там же, л. 204.
19. FRUS. 1943. The Conferences at Cairo & Tehran. Wash. 1961, p. 606—615; HARRIMAN A., ABEL E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1946. N.Y. 1975, p. 260; FORD K. OSS and the Yugoslav Resistance, 1943—1945. College Station. 1992, p. 34.

20. Memorandum for the President, 28 October 1943. CIA: Library: Center for the Study of Intelligence: Studies Archive Indexes: Memoranda for the President: From Peter to Tito. URL: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol9no2/html/v09i2a07p_0001.htm.
21. FOTITCH С. Op. cit., p. 188.
22. Четническое движение возникло из оставшихся на территории оккупированной Югославии частей королевской армии, которые начали партизанскую борьбу за освобождение страны. Четники были сторонниками монархии и придерживались идеи великосербского национализма. Их лидер — полковник королевской армии Драголюб Михайлович. В 1942 г. он получил звание генерала и стал военным министром эмигрантского правительства, а четники стали называться «королевской армией на Родине».
23. Об остроте вражды между хорватом Шубашичем и сербом Фотичем говорит тот факт, что, став премьер-министром, бывший хорватский бан сразу же отстранил «своего старого противника в Америке» от должности посла. РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 639, л. 204. В своих воспоминаниях Фотич жаловался, что «первым актом Шубашича, как премьер-министра, было подписание 10 июня 1944 г. распоряжения о моем смещении с поста посла в Соединенных Штатах. Его правительство даже не было сформировано. Он только что был назначен премьером и следовательно не мог, согласно югославскому законодательству, принять решение, которое требовало одобрения всего правительства». FOTITCH С. Op. cit., p. 288.
24. Ibid., p. 188.
25. Ярроу, являвшийся куратором «дела Шубашича», имел российские корни. Он родился 13 августа 1899 г. в еврейской семье. Его настоящая фамилия Ярошевиц [Yaroshevitz] или Яросевиц [Yarosevich]. Учился в Краковском и Одесском университетах. В 1922 г. переехал в Соединенные Штаты, получил образование в Школе права Колумбийского университета (1928 г.), после чего занимался юридической практикой. В ноябре 1942 г. Ярроу перешел на службу в УСС, получив должность специального помощника Джона Хьюза, главы нью-йоркского подразделения. В декабре 1942 г. стал заниматься набором среди югославской эмиграции персонала для его использования в различных миссиях УСС. В апреле 1943 г. Ярроу подготовил аналитический материал о советских намерениях в Юго-Восточной Европе, а в октябре — о подпольных политических движениях в Европе. YARROW В. Papers, 1907 to 1973. DWIGHT D. Eisenhower Library. URL: http://www.eisenhower.archives.gov/research/finding_aids/pdf/Yarrow_Bernard_Papers.pdf
26. Милан Недич — армейский генерал. В конце 1930 — начале 1940-х гг. начальник Главного штаба и военный министр Югославии. Поддерживал фашистскую организацию «Збор», которая вела прогитлеровскую пропаганду среди офицеров. После оккупации возглавил коллаборационистское «правительство национального спасения» Сербии (август 1941 — октябрь 1944 г.).
27. BUCHANAN А. Op. cit., p. 454—455.
28. В англ. транскрипции «Shepherd».
29. Memorandum for the President, 21 October 1943. CIA: Library: Center for the Study of Intelligence: Studies Archive Indexes: Memoranda for the President: From Peter to Tito. URL: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol9no2/html/v09i2a07p_0001.htm.
30. BUCHANAN А. Op. cit., p. 455.
31. Ibid., p. 456.
32. Memorandum for the President, 21 October 1943.
33. FRUS. 1943. The Conferences at Cairo & Tehran, p. 493, 503; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сб. док. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 дек. 1943 г.). М. 1978, с. 99; EUBANK К. Summit at Teheran. N.Y. 1985, p. 443; BURNS J. Roosevelt: The Soldier of Freedom. N.Y. 1970, p. 408.
34. HARRIMAN А., ABEL E. Op. cit., p. 267.
35. FRUS. 1943. The Conferences at Cairo & Tehran, p. 345; King Peter II of Yugoslavia, p. 195—196.
36. Уилсон Хью Роберт (1885—1946). На дипломатической службе с 1911 года. В 1924—1927 гг. работал в Госдепартаменте. В 1927—1937 гг. посланник в Швейцарии. В 1937 г. специальный помощник госсекретаря. В марте—ноябре 1938 г. посол в Германии. До своей отставки в 1940 г. являлся советником госсекретаря К. Хэлла. С вступлением США во вторую мировую войну вернулся на госслужбу и в 1941—1945 гг. работал в Управлении стратегических служб. Затем работал в аппарате ЦК Республиканской партии США. HUGH R. Wilson Papers. Herbert Hoover Presidential Library and Museum. URL: http://www.econmcode2.com/hoover/research/historicalmaterials/other/wilson_h.htm; Deaths // Bryant Alumni Bulletin, vol. IV, № 3, January, 1947, p. 3. URL: http://digitalcommons.bryant.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1009&context=alumni_bulletin&.
37. В сентябре 1943 г. король Петр II и его правительство перебрались из Лондона в Каир. См.: FRUS. 1943, vol. II: Europe. Wash. 1964, p. 1021.

38. BUCHANAN A. Op. cit., p. 456—457.
39. В публикации документов внешней политики Соединенных Штатов за период 1942—1943 г. личность Шубашича упоминается лишь один раз — 3 ноября 1942 г., а затем появляется уже только 21 апреля 1944 года. См.: FRUS. 1942. Vol. III: Europe. Wash. 1961, p. 830; FRUS. 1944. Vol. IV: Europe. Wash. 1966, p. 1362—1363.
40. BUCHANAN A. Op. cit., p. 457.
41. Ibid., p. 457—458.
42. Ibid., p. 458.
43. Memorandum for the President, 25 March 1944. CIA: Library: Center for the Study of Intelligence.
44. BUCHANAN A. Op. cit., p. 459.
45. Memorandum for the President, 10 May 1944. CIA: Library: Center for the Study of Intelligence.
46. Churchill & Roosevelt, vol. III, p. 116, 130.
47. King Peter II of Yugoslavia. A King's Heritage. L. 1955, p. 147.
48. FRUS. 1944, vol. IV, p. 1366—1368; King Peter II of Yugoslavia, p. 215.
49. Ambassador MacVeagh Reports: Greece, 1933—1947. Princeton. 1980, p. 531; FRUS. 1944, vol. IV, p. 1373—1374.
50. King Peter II of Yugoslavia, p. 220; Churchill & Roosevelt, vol. III, p. 131.
51. Yarrow Bernard: Papers, 1907 to 1973. DWIGHT D. Eisenhower Library. URL: http://www.eisenhower.archives.gov/research/finding_aids/pdf/Yarrow_Bernard_Papers.pdf.
52. Documents on International Affairs. 1939—1946. Vol. II: Hitler's Europe. L. 1954, p. 340—341; FRUS. 1944, vol. IV, p. 1417; FRUS. 1945. Malta & Yalta. Wash. 1955, p. 253—254; King Peter II of Yugoslavia, p. 242—243.
53. РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 49, л. 62об.—63. В справке «Положение в Югославии и деятельность коммунистической партии», подготовленной в Отделе международной информации ЦК ВКП(б) 15 марта 1945 г., среди министров коалиционного правительства, близких к компартии по своим политическим убеждениям, ошибочно указан Раде Прибичевич. Он был членом НКОЮ, но в новое единое правительство не вошел.
54. Переговоры начались 14 июня 1944 года. По замыслу Шубашича, партизаны должны были признать Петра II верховным главнокомандующим, а Народно-освободительная армия действовать в тесном контакте с королевской армией на Родине. В итоге глава королевского правительства в целом принял требования НКОЮ, он признал вклад партизан в борьбу с врагом и дал обещание оказать им содействие в получении помощи со стороны союзников, а также согласился выступить с официальным заявлением о заслугах НОАЮ и публично осудить всех предателей, открыто и тайно сотрудничавших с врагом. Исключались любые переговоры с движением Михайловича. Стороны договорились, что вопрос о послевоенном устройстве Югославии будет решен всенародным волеизъявлением после освобождения страны. Было решено, что соглашение является шагом в направлении формирования единого правительства путем объединения кабинета Шубашича и Национального комитета. 16 июня 1944 г. Висское соглашение о сотрудничестве НКОЮ и королевского правительства было подписано. См.: Documents on American Foreign Relations. Vol. VII: July 1944 — June 1945. Boston. 1947, p. 907; King Peter II of Yugoslavia, p. 156; ГИБИАНСКИЙ Л.Я. Дипломатическая история Висского соглашения Тито-Шубашича — Балканские исследования. Вып. 3. М. 1978, с. 202—239.
55. ПОЗНЯКОВ В.В. Разведка, разведывательная информация и процесс принятия решений: поворотные пункты раннего периода холодной войны (1944—1953). В кн.: Холодная война. 1945—1963 гг. Историческая ретроспектива: сб. ст. М. 2003, с. 338.
56. Милан Грол — лидер Сербской демократической партии — перед началом войны занимал пост министра социальной политики в правительстве генерала Д. Симовича. С начала оккупации Югославии он вместе с правительством эвакуировался в Лондон, где находился до образования правительства Тито. Грол долгое время поддерживал тесную связь с Михайловичем.
57. Юрай Шутей также в течение всей войны находился в Лондоне, но был членом исполкома Хорватской крестьянской партии и ближайшим соратником ее лидера В. Мачека. Шутей был министром в ряде довоенных правительств.
58. РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 49, л. 62об.—63; FRUS. 1945. Vol. V: Europe. Wash. 1967, p. 1219—1220; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. I. М.-Новосибирск. 1997, с. 330; FOTITCH C. Op. cit., p. 307; KOVRIG B. The Myth of Liberation. East-Central Europe in United States Diplomacy and Politics since 1941. Baltimore. 1973, p. 39.
59. Коминтерн и вторая мировая война, ч. 2, с. 311.
60. С 1 февраля 1943 г. контрразведка США в рамках секретной программы «Венона» (Venona) начала перехват и расшифровку советских шифрованных донесений. Многие документы проекта «Венона» в настоящее время рассекречены и доступны исследователям на сайте Агентства национальной безопасности США — крупнейшей государственной организа-

- ции Соединенных Штатов по сбору разведывательной информации. См.: Venona Documents. URL: http://www.nsa.gov/public_info/declass/venona/index.shtml; Venona: Soviet Espionage and the American Response 1939—1957. Laguna Hills. 1996; BENSON R. The Venona Story. URL.: — http://www.nsa.gov/about/_files/cryptologic_heritage/publications/coldwar/venona_story.pdf.
61. Venona Documents. Index of KGB Covernames: New York — Moscow Communications, p. 64. URL: http://www.nsa.gov/public_info/_files/venona/undated/kgb_ny_moscow.pdf.
 62. Ibid., № 612. Seres to Fly to London. 3 May 1944.
 63. Не раскрывая деталей деятельности советской разведки в Великобритании и США по югославскому вопросу, Л.И. Воробьёв пишет: «Без преувеличения можно утверждать, что в Москве своевременно узнавали о самых сокровенных планах и секретных шагах англичан (равно как и американцев)...». ВОРОБЬЁВ Л.И. На югославской земле. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. М. 1999, с. 454.
 64. Данн, Джеймс Клемент (1890—1979) — американский дипломат, советник государственного секретаря по политическим отношениям в 1942—1943 гг., в 1944 г. директор Европейского отдела Государственного департамента, помощник секретаря по европейским, ближневосточным, африканским и дальневосточным делам в 1945 г., представитель государственного секретаря на Совете министров иностранных дел в Лондоне. На дипломатической службе с 1919 года.
 65. Речь, вероятно всего, идет о Д. Кэмпбелле — в 1942—1946 гг. специалисте Государственного департамента по Восточной Европе. Политический советник американской делегации в СМВД, на Парижской мирной конференции 1946 г. и Дунайской конференции 1948 г., в 1949—1955 гг. — член Отдела планирования политики, ответственный за балканские дела.
 66. Venona Documents, № 639. Seres, Radio-announcer and Yarrow to fly to London. 6 May 1944. URL: http://www.nsa.gov/public_info/_files/venona/1944/6may_subasic.pdf.
 67. Venona Documents, № 1042. References to Members of the Yugoslav Government in London. 25 July 1944. URL: http://www.nsa.gov/public_info/_files/venona/1944/25jul_kgb_agents_yugoslav.pdf.
 68. ПОЗНЯКОВ В.В. Ук. соч., с. 338.
 69. ТИМОФЕЕВ А.Ю. Контакты СССР с югославским королевским эмигрантским правительством в годы Второй мировой войны. В кн.: Великая Победа: многогранное продолжающееся издание. Т. 3. М. 2011, с. 86—87.
 70. ДЖИЛАС М. Беседы со Сталиным. М. 2002, с. 96.
 71. Documents Ivan Subasic on His Negotiations with Tito And Stalin During October And November 1944. — Journal of Croatian Studies. Annual Review of the Croatian Academy of America, XXIV. N.Y. 1983. URL: <http://www.studiacroatica.org/jcs/24/2415.htm>.
 72. Архив внешней политики российской Федерации (АВП РФ), ф. 06. Фонд В.М. Молотова, оп. 7, п. 53, д. 872, л. 26—27.
 73. BROWN A. The Last Hero: Wild Bill Donovan. N.Y. 1982, p. 639.
 74. RADELIC Z. Op. cit.; BOBAN B. Op. cit.
 75. АВП РФ, ф. 566, оп. 6, п. 67, д. 177, л. 30, 100; д. 179, л. 77.
 76. АВП РФ, ф. 7, оп. 11, п. 30, д. 503, л. 47.

Президент Юань Шикай и его попытка реставрации монархии в Китае в 1915 г.

А.Н. Хохлов

Период президентства Юань Шикая (1912—1916) — один из наиболее сложных периодов в истории республиканского Китая. В политическом плане он характеризовался борьбой президента, стремившегося к установлению личной диктатуры, с республиканской оппозицией. Эта борьба позволила ему на гребне широкой пропаганды конфуцианства провозгласить себя императором, что вызвало недовольство и открытые протесты даже среди умеренных радикалов, не говоря уже о вооруженных выступлениях республиканцев на юге Китая и в его центральной части.

Чтобы полнее представить данную ситуацию в рассматриваемый период, достаточно обратиться к материалам прессы, а также к донесениям иностранных дипломатов, в том числе российских, в Пекине и провинциальных центрах, ранее порой недоступных отечественным исследователям.

В газетах, издаваемых в Петербурге, можно встретить оценки действий Юань Шикая, начиная с момента его назначения цинским двором во главе правительства, когда оно возобновило активную борьбу с республиканцами, которым удалось довольно быстро установить свою власть в центральном и южном Китае. Вскоре после Учанского восстания 10 октября 1911 г., знаменовавшего собою начало Синьхайской революции, популярная в Петербурге газета «Новое время» 12 октября следующим образом характеризовала Юань Шикая: «Юань Шикаю 53-й год. Его карьера представляется особенно выдающейся. С декабря 1908 г. он [был] в отставке... Чрезвычайные события заставили, однако, цинский двор, прибегнуть к его опытности и выдающемуся государственному уму. В данное время все взоры устремились на хитрого китайского деятеля. У многих дипломатов, знающих лично Юань Шикая тогда сложилось впечатление, что он в последнюю минуту перекинется на сторону оппозиции и пойдет во главе ее».

Предложенную выше характеристику дополняет приводимое ниже сообщение сотрудника Пекинского отдела Правления Общества КВЖД Р.И. Барбье от 3 октября 1911 г. (№ 508), направленное в Петербург А.Н. Венцелю, одному из руководителей Общества КВЖД:

Хохлов Александр Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

«Юань Шикай начал свою карьеру в Корее, где он в течение 9 лет в качестве китайского резидента пользовался большим влиянием к немалой досаде японцев. Когда в 1894 г. началась японо-китайская война, он был назначен начальником военной канцелярии при мукденском цзянцзюне [правителе] и лично принимал участие в некоторых сражениях... По окончании войны он вышел в отставку и проживал... на родине в Хэнани...

Юань Шикай является создателем современной армии Китая и заслуги его в этом деле признаны треном, пожаловавшим ему в 1898 г. звание кандидата на пост товарища министра с правом командовать армейским корпусом. В 1899 г. он был назначен шаньдунским губернатором на место Юй Сяня, известного своей ненавистью к европейцам. Во время боксерского восстания [движения ихэтуаней]... им был заключен... совместно с ... Чжан Чжидуном и ... Лю Кунью так наз. янцзыцзянский договор с иностранными консулами, в коем названные сановники обязались поддерживать порядок во вверенных им провинциях при условии, что военные операции иностранных войск будут ограничиваться северную частью Китая...

По подписании в Пекине в 1901 г. Заключительного протокола Юань Шикай был назначен Чжилийским генерал-губернатором, каковой занимал в течение 6-ти лет. Китайский город Тяньцзинь обязан своим процветанием исключительно названному чиновнику. При нём были проложены шоссейные дороги, реорганизована полиция, открыт ряд специальных школ, [устроенных] по европейскому образцу и пр. В 1907 г. Юань Шикай был произведен в канцлеры и в то же время получил портфель министра иностранных дел. С его назначением новая струя жизни была внесена в это ведомство, где целые кипы дел ждали своего разрешения. Он приказал немедленно ликвидировать все эти залежи и при нём перестали поступать в министерство жалобы как со стороны иностранцев, так и китайских учреждений на затягивание ответов»¹.

Довольно определенно оценивала действия Юань Шикая столичная газета «Россия», которая 3(16) декабря на фоне происходивших тогда в Китае событий давала ему следующую характеристику: «Переговоры, начатые фактическим диктатором Китая Юань Шикаем, все еще не привели ни к каким определенным результатам, несмотря на все усилия этого государственного деятеля покончить как можно скорее с революционным движением... В газетах были уже опубликованы те условия, на которых Юань Шикай согласился заключить мир с революционерами, и если внимательно вникнуть в содержание выработанного им компромисса, то придется прийти к заключению, что Китай по крайней мере фактически, если не юридически, превратится из монархии в республику... По-видимому, республика, о которой мечтает Юань Шикай, будет отличаться от европейского понятия этого слова тем, что в ней будет предоставлено широкое поле деятельности тому лицу, которое станет во главе исполнительной власти. А так как, само собою разумеется, что лицом этим будет никто иной, как Юань Шикай, то становится понятным и та двойственная роль, которую он играет в революционном кризисе, переживаемом китайской империей».

Развернутую оценку Юань Шикаю как видной политической фигуре дал молодой китаевед Д.М. Позднеев в статье «Юань Шикай — президент Китайской Республики», опубликованной газетой «Новое время» 9(22) февраля 1912 года. Насколько достоверен и удачен портрет нового лидера Китая, занявшего этот пост в результате отречения от китайского престола маньчжурской династии Цин, правившей этой страной с 1644 г., позволяют судить приводимые ниже пассажи из упомянутой статьи:

«Возвращение Юань Шикая к активной деятельности, завершившееся избранием его на пост президента Китайской Республики, у всех слишком на

памяти... Гораздо более интересным представляются вопросы, почему именно избран Юань Шикай и чего можно ожидать от него как главы государства?

Для объяснения избрания Юань Шикая в президенты прежде всего нужно обратить внимание на то, что нынешние главы китайской революции: У Тинфан, Чэн Дэцюань, Тан Шаои, Ли Юаньхун, Хуан Син и др. почти все являются по прежней своей карьере или сослуживцами и сотрудниками или подчиненными или учениками Юань Шикая. Они знают ему цену как администратору и, будучи близко знакомы с китайской жизнью, хорошо сознают, что в такую минуту как настоящая, управлять Китаем может только железная рука...

Из всех нынешних лидеров республики нет ни одного, могущего хотя бы несколько сравниться с Юань Шикаем по административному опыту. Сунь Ятсен — теоретик, изучавший конституционные начала за границей и привыкший вращаться среди заграничных китайцев, но совершенно не знающий действительных условий текущей китайской народной и административной жизни. У Тинфан — хороший юрист, знающий внешнюю политику, английский язык и умеющий обращаться с иностранцами, но не занимавший никогда ни одного поста внутри Китая. Тан Шаои — слишком молод, Ли Юаньхун и Хуан Син, хотя и зарекомендовали себя успешными действиями против правительственных войск в долине Янцзы, но кроме этого они ничем неизвестны. Естественно поэтому, что, сознавая свою слабость, они обратились к помощи Юань Шикая.

Далее, китайцы прежде всего практики [прагматики]. Они отлично понимают, что никакой государственной реформы нельзя провести без денег; они знают, что в Китае денег нет и что их нужно искать за границей. Поэтому на посту президента республики они желают видеть такого человека, самая фигура которого внушала бы европейцам доверие и способствовала бы укреплению кредита Китая на иностранных биржах. Недавняя история увольнения Юань Шикая [в 1908 г.] от службы, вызвавшая целый ряд представлений разных иностранных посланников в защиту потерпевшего, ясно показала китайцам, какое значение западный мир придает личности и работе Юань Шикая. С этой точки зрения *Юань Шикай для китайцев — высоко котирующаяся бумага, и никто лучше не умеет учитывать ее стоимость на заграничном рынке.* Основательность такого рода китайских соображений подтверждают нам уже пришедшие после избрания Юань Шикая президентом телеграммы, сообщающие, что новым главою государства немедленно начаты переговоры с группой английских и германских банкиров о заключении нового внешнего займа.

Затем в *Юань Шикае ценится громадное влияние над армией, и республиканцы сознают, что враждебные отношения с Юань Шикаем, располагающим единственной, правильно организованною армиею, опасны*².

Наконец, только благодаря Юань Шикаю республиканцам удалось добиться столь легкого отречения Дайцинской [Маньчжурской] династии, являвшейся для республиканцев главнейшим препятствием к достижению поставленной цели. Что сам Юань Шикай играл при этом двойную игру, это едва ли может подлежать сомнению».

Особые надежды на Юань Шикая как Президента Китая выражали не только представители китайского населения этой страны, но и китайцы-хуацяо, проживавшие за ее пределами, в том числе осевшие на русском Дальнем Востоке. Это видно из отправленной Президенту телеграммы уполномоченных китайской общины Амурской области, приводимой ниже в сокращенном виде из газеты «Восток» (Харбин, от 5(18) апреля 1912 г.). В этом документе, в частности, говорилось: «Отныне отойдут в сторону все старые невзгоды и взамен их взойдет новая заря, которая осветит новым светом, подобно свету солнца и луны, объединенный Китай и озарит нас, живущих в чужих странах».

Для характеристики Юань Шикая как хитроумного политика, стремившегося окружить себя лично преданными ему людьми, весьма интересным представляется суждение китайского журналиста Чунь Сина, писавшего в газете «Чжунго жибао» от 24 сентября (7 октября) 1912 г. о том, что у Юань Шикая была «врожденная способность к властвованию». Он, как подчеркивал автор, «постоянно думает о [необходимой ему] полноте [своей] власти и тешит себя удалением от себя “героев”». В настоящее время число окружающих Президента советников доходит до 100 тыс., из которых самый способный получает до 1200 долларов в месяц, а остальные по несколько сот. Он также привлекает на свою службу и искусных лиц из [гоминьдановской] партии “Тунмэнхуэй”, располагая их к себе большим жалованием и приятными [льстивыми] словами, но не питает к ним доверия... Все дела в своем присутственном месте он ведет и решает сам, и власть министров различных ведомств, а равно и премьера всецело захвачена им. Лу Чжэнсян [известный дипломат] узнал о казни генерала Чжан Чжэнъю и Фан Вэя [только] после того, как их казнь уже была совершена. Он рассердился на это и подал в отставку. Тогда Юань назначил Чжао Бинцзюня, своего земляка, преемником Лу Чжэнсяна»³.

Как и следовало ожидать, в политике Президента Юань Шикая важное место занимал вопрос о конфуцианстве, который приобрел особую остроту благодаря статье 6-й Временной Конституции Китайской Республики, которая гласила, что «все китайские граждане пользуются правом свободы совести». Чтобы снять напряжение, Юань Шикай как Временный Президент 16 апреля 1912 г. выступил на сессии Палаты представителей со следующим разъяснением: «Согласно началу религиозной свободы все существующие в Китае религии должны рассматриваться как равные. Поэтому все граждане Китайской Республики, независимо от того, являются ли они свободомыслящими, или же исповедуют ту или иную религию, должны прилагать все усилия к устранению всяких распрей между собою на религиозной почве, дабы совместно пользоваться благами мира». Это заявление, в искренности которого сильно сомневались многие иностранные миссионеры, жившие в разных районах Китая, произвело громадное впечатление на китайцев. Оно было подкреплено в 1913 г. просьбой китайского правительства к христианским проповедникам помолиться о благополучии Республики.

После таких актов главы государства многим стало казаться, что издревле соблюдаемый культ Конфуция стал терять свое значение. В результате некоторые государственные деятели заговорили о необходимости уничтожения этого культа, а министр народного просвещения в первом республиканском кабинете Цай Юаньпэй даже заявил о своем намерении внести соответствующее предложение в Палату представителей. Но эта идея не встретила поддержки из-за энергичных протестов воинствующих ретроградов, выступивших против возможного уничтожения культа Конфуция. Шанхайская газета «Синьвэнь-бао» в номере от 1(14) августа 1912 г. писала по этому поводу: «Учение Кун-фу-цзы в течение веков поддерживает мораль и нравы Китая, и если в один прекрасный день уничтожить это учение, то, без всякого сомнения, китайцы сделаются безнравственными и нравы [населения] испортятся».

В связи с тем, что последовавшее за революцией учреждение республики принесло с собою новые идеи, угрожавшие традиционным устоям китайского общества, известный революционер Хуан Син, активно боровшийся за свержение маньчжурской династии, в сентябре 1912 г. направил Юань Шикаю доклад о необходимости поддержания морали и старых добрых нравов путем сохранения и внедрения в умы населения 8 основных добродетелей Китая: сыновней почтительности, братства, преданности, доверия, вежливости, справедливости, честности и стыдливости, иначе говоря «религии ученых» (жу-цзяо), или учения

Конфуция. На это последовало согласие президента Республики в виде указа от 20 августа (7 сентября), ставшего знаменательным событием.

В ноябре того же года бывший инспектор народного просвещения Шэнь Цзэнчжи в Международном институте в Шанхае прочитал лекцию «Религия — всеобщий факт», в которой доказывал необходимость конфуцианства как религии для Китая.

Стремление китайского правительства к признанию конфуцианства государственной религией наряду с преследованием этических целей нередко воспринималось как акт противодействия распространению христианства, против чего энергично выступал американский миссионер Джильберт Рейд, которого иностранцы считали лучшим знатоком тогдашнего Китая. Он опровергал точку зрения о том, что поддержка конфуцианства может повредить распространению христианства, и горячо приветствовал движение в пользу конфуцианства⁴. Совершенно иного мнения придерживался автор статьи, опубликованной еженедельной газетой «Норс Чайна Геральд» (Шанхай) 30 августа 1913 г. на английском языке под заголовком «Государственная религия для Китая. Движение в пользу принятия конфуцианства». По заявлению автора, вожаки этого движения выступали за то, чтобы в постоянную конституцию Китайской Республики был включен параграф, согласно которому конфуцианство объявлялось государственной религией с учетом религиозной свободы граждан. Это, по его мнению, не только угрожало распространению христианства, но и могло вызвать неприязненные отношения между адептами других вероисповеданий: магометанами (мусульманами), буддистами и даосами. Как указывалось в статье, во главе движения стояли академик Чэнь Хуанчжан (родом из провинции Гуандун), получивший ученую степень доктора философских наук в Колумбийском Университете США и избранный вице-президентом Общества Конфуция в Пекине, а также видный философ Янь Фу, бывший товарищем (заместителем) министра народного просвещения при династии Цин.

11(24) сентября 1913 г. вице-президент и губернатор провинции Хубэй Ли Юаньхун телеграфировал в Пекин высшему руководству страны о необходимости признания конфуцианства государственной религией. Тем временем губернаторы провинций по инициативе членов Общества Конфуция Чэнь Хуанчжан, Янь Фу, Лян Цичао, Ся Цзэнью, Ван Шитун, вполне одобряя действия Ли Юаньхуна, разослали уездным начальникам предписания о необходимости внедрения в сознание населения идеи о том, что вне конфуцианства нет спасения для Республики. Примером такого распоряжения провинциальных властей российский консул в Кантоне (Гуанчжоу) А.Т. Бельченко называл предписание губернатора провинции Гуандун Лун Цигуана, появившееся в местной губернской газете⁵.

На усиление пропаганды конфуцианства в Китае указывали многие иностранцы, в том числе дипломаты. Тот же российский консул А.Т. Бельченко 24 сентября 1913 г. сообщал российскому посланнику в Пекине В.Н. Крупенскому: «Совершенно незаметный 30 лет тому назад день рождения Кун-фу-цзы... по-видимому, делается национальным праздником⁶, а самое учение Конфуция общею национальною религиею... Громадная разница в отношении, например, кантонской прессы к культуре Конфуция несколько лет назад и ныне. Тогда газеты называли Кун-фу-цзы весьма способным, старательным и добросовестным человеком, великим толкователем для своих соотечественников искусства [государственного] управления и способа, каким должны управляться семейства, чтобы жить в согласии. Ныне [наблюдается] другая картина: *Конфуций — благой, мудрый, святой. Как воды покрывают моря и звезды блещут над всем земным шаром, так и влияние Конфуция самое совершенное, самое полное и блестящее. Конфуцианство — только одна религия.* Оно не опирается на бормо-

тание духов и демонов, не верит в силу Бога, не имеет никакого отношения к басням, которые говорят о Подземном царстве, алчных демонах, жертвенных животных и о таких делах, которые по исследованиям ученых людей найдены принадлежащими к другим религиям [верованиям]. *Кун-фу-цзы по [всей] справедливости герой среди героев прошлого, основатель одной из древнейших религий в свете, по отношению к которой все другие религии и системы морали должны занимать подчиненное место».*

«Все указанные мною факты, — подчеркивал российский дипломат, — свидетельствуют о желании китайского правительства создать в противовес христианской религии свою собственную в виде конфуцианства. Но мне кажется, на [это] стремление создать собственную [государственную] религию нужно смотреть гораздо глубже. Нет никакого сомнения в том, что создание [ее] имеет в виду полное [политическое] объединение всего Китая вокруг культа Конфуция»⁷.

На фоне растущего интереса в Китае к судьбе конфуцианства весьма симптоматичным выглядит появившийся 9(22) июля 1913 г. указ временного президента Республики, в котором сказано: «После изучения истории Китая и мнения ученых людей я, Президент, уверен, что Кун-фу-цзы должен быть и оставаться учителем десять тысяч веков. Но в Республике власть принадлежит народу и право свободы совести должно быть уважаемо. Поэтому циркулярная телеграмма была послана Кабинетом в провинции по поводу [выяснения] мнения большинства нашего народа в отношении жертвенных церемоний [связанных с] Кун-фу-цзы, и мы еще не получили их ответов. Ныне мы имеем лишь телеграмму от Инь Чанхэна [комиссара по усмирению окраин в провинции Сычуань], советующего, чтобы училищам и школам по всей стране было предписано соблюдение жертвенных церемоний относительно Конфуция, и это является правильной мыслью. Настоящим предписывается — коль скоро будут получены ответы из провинций, тщательно выработать правила для жертвенных церемоний Конфуцию, как знак глубокого [к нему] почитания. *При нынешней безнравственности, когда народ считает неповиновение равенством и своеволие свободой, прочность и существование страны зависит от соблюдения четырех добродетелей; и мы надеемся, что преданность Кун-фу-цзы вообще может возродить умы народа так, что существование Республики будет обеспечено навсегда»*⁸.

Активная пропаганда конфуцианства, заметно усилившаяся в 1912—1913 гг., в последующие годы создала в Китае благоприятную почву для развертывания управляемой сверху кампании в пользу реставрации монархии. Об этом позволяют судить донесения российского посланника в Пекине В.Н. Крупенского, одно из которых от 26 августа 1915 г. приводится ниже (в сокращенном виде):

«Монархическое движение в Китае, о развитии коего я имел честь доносить... 12 сего августа за № 44, пошло ... за истекшие две недели еще более ускоренным темпом. По почину Общества «Чоу-ань хуэй» («Устроение порядка») из разных мест Китая стали поступать в Пекин телеграммы с изложением пожеланий о восстановлении монархического строя. В том же смысле поступили заявления от имени большинства провинций, как Собственного, так и Застенного Китая, причем ... в большинстве случаев в качестве представителей этих провинций, особенно наиболее отдаленных, самозванно выступили не имевшие на то ни малейшего права проживавшие в Пекине либо уроженцы этих мест, либо лица, прежде занимавшие в них административные должности. Наконец, Президенту недавно была представлена вновь назначенным цзянцзюнем [правителем, генерал-губернатором] трех маньчжурских провинций Дуань Чжигуем петиция, подписанная всеми цзянцзюнями и военными губернаторами, с

ходатайством о скорейшем разрешении вопроса об окончательной форме правления путем восстановления монархии. Подобная же петиция подана Совещательной палате (Цаньчжэньюань. — А.Х.) от имени всех торговых палат Китая».

Столь быстрые и неосмотрительные действия поощряемых свыше заправил монархического движения возбудили живейшие опасения среди наиболее опытных и осторожных китайских деятелей. Несмотря на свою беспредельную преданность Юань Шикаю, они сочли долгом высказаться перед ним в том смысле, что не считают настоящий момент благоприятным для осуществления, признаваемой, впрочем, в принципе желательной, перемены формы правления в Китае⁹. Столь осторожная позиция наиболее опытных и зрелых китайских политиков отчасти объяснялась недовольством китайского населения, особенно торговцев, результатами уступок Японии, предъявившей в январе 1915 г. правительству Китая «21 требование».

Весьма примечательна позиция российской прессы в отношении оценки этих требований, получивших впоследствии в истории международных отношений на Дальнем Востоке название «21 требование Японии Китаю». Так, популярная столичная газета «Новое время» 22 апреля (5 мая) 1915 г. сообщала: «5-го января этого года японский посланник обратился непосредственно к [президенту] Юань Ши-каю (минуя китайского министра иностранных дел, вышедшего вслед затем в отставку) с нотой, заключающей 21 требование. Все требования Японии могут быть разделены на пять групп»¹⁰. Сообщая о возникшем японо-китайском конфликте со ссылкой на информацию своего спецкора из Токио от 25 апреля, эта же газета 27 апреля (10 мая) 1915 г. изложила содержание японских требований, приведя заключительную фразу упомянутого документа о том, что «японское правительство ожидает от китайского правительства удовлетворительного ответа на свои предложения не позднее 6 час. пополудни 26 апреля (9 мая)»¹¹.

Уклонившись от каких-либо комментариев по поводу возникшего конфликта между Китаем и Японией (в силу наметившегося сближения России с Японией в начале первой мировой войны), упомянутая выше газета ограничилась следующей информацией:

«Японо-китайские отношения. Пекин. В частном заседании Государственного Совета министром иностранных дел [Китайской Республики] даны объяснения о ходе китайско-японских переговоров. Газета “Цзинбао”, наиболее враждебно [патриотически] настроенная к японцам писала: “Китай стоит лицом к лицу перед самым критическим моментом его национальной жизни. Удовлетворение японских требований приведет к утрате Китаем имеющих для него жизненное значение частей территории и явится первой ступенью к осуществлению японских мечтаний, превосходящих своей грандиозностью замыслы Александра Македонского и Наполеона”. Бывший министр иностранных дел Лян Ци-чао в той же газете утверждал, что Япония стремится создать *casus bellie* с Китаем»¹².

Не вступая в полемику и политические споры с представителями сторон, втянутых в острый конфликт, газета «Новое время», сославшись на известия, полученные от своего спецкора в Токио 13 мая, 14(27) мая 1915 г. кратко сообщила о неутешительных итогах японо-китайских переговоров, завершившихся подписанием унижительного для китайского суверенитета соглашения: «Подписанное вчера в Пекине соглашение касается, во-первых, [провинции] Шаньдун, во-вторых, Южной Маньчжурии и Восточной Монголии, в-третьих, Ханьпинского [сталелитейного] предприятия в Учане, в-четвертых, [приморской] провинции Фуцзянь»¹³.

О недовольстве китайского населения подписанным с Японией соглашением говорят факты бойкота и даже уничтожения импортных японских товаров, например, сожжение на костре японских изделий, собранных для этой

цели в китайских магазинах г. Чанчунь по распоряжению старшин местного китайского купечества¹⁴.

Подписание китайской стороной в мае 1915 г. соглашения, согласно которому Японии фактически перешла значительная часть приморской провинции Шаньдун, а также полуостров Ляодун, вызвало протесты среди патриотически настроенных китайцев. Об этом сообщал, например, консул в Харбине В. Траутшольд в своем донесении в Петербург Г.А. Козакову 22 мая 1915 года. Касаясь митинга, устроенного в Фуцзядяне, предместье Харбина, российский дипломат остановился на выступлении Ли Цзяо, бывшего консульского агента во Владивостоке в период русско-японской войны, который заявил, что он «ликвидирует свой дом в Фуцзядяне, а деньги, вырученные от продажи своего имущества, жертвует в фонд Лиги спасения Китая».

В другом донесении от 10 июня 1915 г. Траутшольд представил в МИД России следующую информацию: «Анти-японское движение, вопреки газетным сведениям, нисколько не утихает, а, наоборот, все более разрастается. В фонд Лиги спасения Китая в одном Фуцзядяне собрано более 30 тыс. долларов. В Коммерческом обществе снова состоялось закрытое заседание китайских купцов, посвященное вопросу об установлении самого действенного надзора за китайскими фирмами, чтобы никто не смел нарушать [антияпонского] бойкота. Члены патриотической лиги даже учредили надзор на улицах Фуцзядяня... Один китаец был избит, когда тот вышел из японской парикмахерской, причем толпа, узнав, в чем дело, за него не заступилась... Из Пекина получено от Коммерческого общества воззвание с предложением признать на будущее время годовщину принятия [японского] ультиматума [21 требования] “днем национального позора”, в каковой ... торговля не должна производиться... Одна китайская фирма выпустила кондитерский товар в обложках, на которых [было] напечатано, что китайцы должны вечно помнить об унижении [нанесенном] их нации»¹⁵.

Тем временем промонархическая агитационная кампания продолжала набирать темпы. Когда у В.Н. Крупенского приближенные к Юань Шикаю лица попытались выяснить его мнение относительно возможного возвращения Китая к монархическому строю, российский дипломат высказался в том же смысле, что и английский посланник Дж. Джордан. Это видно из текста цитируемого ниже его донесения от 26 августа 1915 г.: «Я высказал мнение, что в настоящее время общее международное политическое положение не благоприятствует каким-либо переменам, могущим создать для Китая внутренние или внешние осложнения и что мне казалось бы поэтому предпочтительным как в интересах Китая вообще, так и Президента отложить до окончания [мировой] войны осуществление мысли о восстановлении монархии... Мои слова тотчас были переданы Президенту, и два дня назад Юань Шикай прислал ко мне доверенное лицо, чтобы выразить его искреннюю благодарность за откровенно высказанное мною мнение... и сообщить, что он [Юань Шикай] намерен отложить до окончания европейской войны решение вопроса о перемене государственного строя в Китае. Вместе с тем Президент поручил своему посланцу [доверенному лицу] объяснить мне, что он не принимал никакого участия в возникновении монархического движения и готов исполнить лишь то, что от него потребует народ во имя блага страны».

В тот же день Юань Шикай обратился к Совецательной Палате с посланием, в котором он высказывался против изменения в настоящую минуту формы [государственного] правления. В этом же смысле им был послан по телеграфу ответ на петицию цзянцзюней и военных губернаторов Маньчжурии. «Уже говорят, — сообщал Крупенский, — в их среде произошел раскол. Некоторыми из них ныне распространяется мысль о возможности... компромисса, который вы-

разился бы в провозглашении Юань Шикая “императором Китайской Республики” либо в объявлении его “наследственным президентом”»¹⁶.

Чтобы убедиться в попытках Юань Шикая для вида занять «нейтральную» позицию в вопросе замены республиканского образа государственного управления на монархический, достаточно обратиться к тексту его послания, направленного Совещательной палате. Судя по публикации этого важного документа в газете «Яся жибао» от 25 августа 1915 г., Юань Шикай заявлял: «Вследствие того, что за последнее время на имя Совещательной палаты, заседающей ныне в качестве законодательной палаты, поступило прошений более, чем от 20 провинций, касательно изменения государственного устройства, Президент Республики вчера через посредство старшего советника Государственного департамента Ян Шици отправил на имя названной палаты послание следующего содержания: “Будучи облечен доверием населения, я уже в течение четырех лет занимаю пост Президента Китайской Республики. То обстоятельство, что за последние дни одна провинция за одной подает в Совещательную палату... петиции об изменении государственного строя, это является явлением, трудно совместимым с занимаемым мною положением Президента Республики. С другой стороны, однако, будучи избран в Президенты волей всех граждан Республики, я, конечно, обязан постоянно прислушиваться к их голосу... По моему мнению, с вопросом об изменении государственного устройства связаны многочисленные подробности [процедуры], к коим надлежит относиться со всевозможной осторожностью; всякий необдуманый шаг в этом направлении грозит серьезными осложнениями, посему я в качестве Президента Республики, на коем лежит обязанность защиты высших государственных интересов, отношусь к этому вопросу отрицательно. Что же касается петиций от населения, то важно, чтобы они были вызваны желанием укрепить основы государства и поднять государственное могущество. Если будет выяснено настроение большинства населения, то само собою разумеется, будет найден и наилучший выход из воздавшегося положения. Кроме того, в данное время как раз происходит выработка проекта постоянной конституции для Республики, а потому, если будут приняты во внимание и подвергнуты подробному обсуждению все обстоятельства, то будут придуманы и наиболее подходящие к нынешнему положению вещей меры”»¹⁷.

Насколько двусмысленным было по существу это послание Юань Шикая, мечтавшего о неограниченной императорской власти, видно из его реальных закулисных действий и переговоров. Об этом писали иностранные дипломаты, в том числе Крупенский, в депеше от 12 августа 1915 г.: «Ссылаясь на донесения мои от 1-го минувшего июля и 5-го сего августа за № 34 и 41 касательно вероятного возвращения Китая к монархическому строю, считаю долгом сообщить, что вопрос этот продолжает весьма быстро продвигаться к разрешению в утвердительном смысле и ныне является здесь главнейшей злобой дня... Как я узнаю из близких к Президенту кругов, *сам Юань Шикай все более и более открыто высказывается в пользу монархической формы правления, сторонниками которой, по его словам, являются 9/10 политических деятелей Китая* (нужно заметить, что все теперешние эти деятели — ставленники Юань Шикая). При этом Президент не только выказывает себя теперь, в тесном кругу приближенных к нему лиц, готовым вступить согласно “всенародному желанию” на китайский престол, но даже проявляет по временам стремление вернуться ко временам прежней неограниченной императорской власти. Доверенным его советникам кажется удалось, однако, убедить его в целесообразности оставления в силе хотя бы внешних признаков конституционного строя»¹⁸.

Упомянутое выше послание Юань Шикая и другие, предпринятые им меры по укреплению личной диктатуры, практически развязали руки его сто-

ронникам-монархистам, среди которых наибольшую активность проявлял его старший сын Юань Кэдин¹⁹. 28 ноября палата Цаньчжэньюань (Совещательная палата), наделенная президентом полномочиями законодательного органа (лифаюань), представила Юань Шикаю доклад о результатах голосования относительно выбора формы государственного правления и кандидата на высший административный пост в новой системе государственного управления. В ходе выборов Юань Шикай был единогласно избран императором в связи с установлением монархического строя в Китае.

Чтобы лучше представить облик Юань Шикая до его избрания императором, достаточно обратиться к цитируемому ниже в сокращении донесению российского генерального консула в Харбине В.В. Траутшольда от 19 апреля 1915 г., где говорится о его поездке в Пекин вместе с А.Н. Венцелем, председателем Правления Общества КВЖД в Петербурге: «10 апреля в 10 час. вечера мы прибыли в Пекин, где нас встретили наши пекинцы с посланником [В.Н. Крупенским] во главе. А.Н. [Венцель] остановился в нашей [дипломатической] миссии ... На следующее утро А.Н. Венцель, генерал Афанасьев и я вместе с посланником и [драгоманом] Колесовым поехали в двух предоставленных китайским правительством автомобилях делать визиты, сначала к министру иностранных дел и его товарищу [заместителю]. С первым я знаком по совместному путешествию на французском пароходе... в 1904 г., когда мы с бароном Розеном [российским послом] покидали Японию. Товарищ министра Цао хорошо говорит по-японски и считается японофилом.

После завтрака у В.Н. Крупенского [наши] визиты продолжались. В три часа мы поехали представляться Юань Шикаю. Приём у правителя Поднебесной меня разочаровал полным отсутствием экзотической помпы и китайских церемоний, по-видимому, отошедших в область преданий. Минувя ряд внушительных стен и ворот и целого лабиринта галерей, мы, наконец, дошли до обыкновенного европейского здания с приемными комнатами, безвкусно обставленными по-европейски же, покрытыми линолеумом. Сам президент был в каком-то странном костюме: в европейских сапогах и серых брюках и в черном бархатном халате со стоячим воротником-покитайски, но не с китайскими пуговицами. Президент обращался ко всем представлявшимся с [обычными] расспросами. [Н.Ф.] Колесов переводил идеально.

При выходе мы во дворце же нанесли визит Лян Ши, который считается правой рукой Президента. Он не имеет министерского портфеля, но занимает пост начальника таможенного ведомства... С А.Н. [Венцелем] он сразу завел разговор о тарифах на КВЖД и содействии китайскому импорту через Владивосток.

Потом мы еще были с визитом у статс-секретаря Сюй Шичана, с которым Венцель хорошо знаком по Мукдену (когда тот был наместником Маньчжурии. — А.Х.)...

Вечером у [нашего] посланника в честь А.Н. Венцеля состоялся парадный обед на 36 приглашенных. Присутствовали статс-секретарь, министры иностранных дел и путей сообщения, а также другие китайские сановники. На другой день путешественники осматривали новый Национальный музей в Запретном городе [Гугун], после чего завтракали по-китайски в китайском ресторане по приглашению Р. Барбье [советника Пекинского отдела Правления КВЖД]. Затем мы осматривали [парк] Бэйхай в северной части Запретного города. Стража не хотела пропускать наши автомобили внутрь ограды, и В.В. Граве [секретарю миссии] пришлось проявить твердость в переговорах с китайцами, после чего нас пропустили...

Вечером состоялся обед в новом здании Вайцзяобу [Министерства Иностранных дел] у министра иностранных дел. На следующий день 13 апреля утром мы выехали из Пекина»²⁰.

В первом декрете после избрания императором, Юань Шикай заявил, что не может отказаться от клятвы, данной им на верность Республики, а вторым изъявил готовность подчиниться воле народа при сохранении прежнего порядка управления страной. 30 ноября во дворце Юань Шикая состоялся прием для высших сановников, принесших ему поздравления в связи с принятием императорского титула. Во время приема гостей Юань Шикай в форме верховного главнокомандующего стоял впереди императорского трона, а сановники по очереди совершали принятый при цинском дворе обряд «коу-тоу», заключающийся в трех земных поклонах с коленопреклонением.

В день Нового года во дворце Юань Шикая состоялся парадный прием для высших военных и гражданских чинов, представителей маньчжурского дома и монгольских князей, иностранных советников и дипломатического корпуса столицы в полном составе. Юань Шикай вышел к гостям в мундире фельдмаршала китайской армии. Присутствовавшие на новогоднем приеме китайцы приветствовали его тремя поясными поклонами, а иностранцы — наклоном головы.

В последний час уходящего старого года — 31 декабря 1915 г. (по новому стилю) Юань Шикай подписал указ о наименовании следующего года девизом «хун-сянь», что означало «великое устройство», которое, однако, не оказалось столь благоприятным из-за острой политической борьбы, разгоревшейся между Юанем и его противниками-республиканцами. О влиянии этой борьбы на провинциальное чиновничество позволяет судить донесение российского генерального консула в Харбине Траутшольда от 8 января 1916 г., отправленное в МИД России Козакову. В этом донесении российский дипломат, в частности, сообщал: «Местные китайские власти получили предписание во всех внутренних сношениях придерживаться нового монархического порядка, а старый республиканский сохранить лишь при сношениях с иностранцами. Однако поступающие к нам для визы китайские паспорта, а также [официальные] бумаги уже все помечены первым годом правления Хун-сянь. Интересно, что здесь наблюдается среди чиновничества и купечества единодушное сочувствие Юннаньским событиям [связанным с вооруженным выступлением против Юань Шикая]... Чувствуется, что и Юань Шикай потерял здесь всякую популярность... Говорят, что увлекаются чтением революционной газеты “Миньгобао”, которая получается здесь из Шанхая по русской почте!»²¹

Оставляя в стороне перипетии и детали правления Юань Шикая в качестве императора в течение 82-х дней²², наполненных ожесточенной борьбой с противниками монархии, отметим, что на почве неудач он тяжело заболел и скончался. Об этом иностранные дипломаты, находившиеся в китайской столице, поспешили сообщить руководителям своих стран. В их числе был и представитель России Н.А. Кудашев, прибывший в Пекин на смену Крупенскому.

Любопытное свидетельство о реакции провинциальных властей на смерть Юань Шикая находим в донесении из Харбина Траутшольда от 1 июня 1916 г., текст которого приводится ниже: «Известие о кончине Юань Шикая было принято здесь [в Харбине] ... в китайских сферах с чувством полного удовлетворения. Все верят, что это лучшая развязка Пекинской трагедии, что теперь наступил конец междоусобицы и что при Ли Юаньхуне, который так же популярен на юге, как и на севере, наступит новая эра... прогресса в Китае. Телеграмма [дипломатической] миссии в Пекине о смерти Президента была получена мною 25 мая, когда я... собирался на ипподром на спортивно-гимнастический праздник коммерческих училищ...

Ли Хунмо и Мачжунцзюнь, узнав, что я имею официальную телеграмму, немедленно покинули ипподром. Они надели траур, приспустили флаги и объявили в газетах, что с 30 мая по 1 июня ежедневно от 10 до 11 час. утра в помещении Пекинского Бюро состоятся... панихиды. Сегодня, проводив в 10 час. утра Кван-

тунского генерал-губернатора, мы все: чины КВЖД с генералом Хорватом, чины Заамурского округа с генералом Переверзевым во главе и др. отправились с вокзала в Бюро. Церемония была до крайности проста: она в сущности состояла из троекратного поклона портрету покойного Президента и продолжалась не более 3-х мин. Ли Хунмо тем не менее успел прослезиться»²³.

Интересные сведения о последних днях жизни и смерти Юань Шикая, основанными преимущественно на материалах дальневосточной прессы, сообщил «Харбинский вестник» в № 3788 от 1 июля 1916 года. «... Бывший член Государственного совета, прибывший в Мукден в день смерти Юань Шикая, передает, что президент за 10 дней до смерти был уже прикован к постели, страдал галлюцинациями, [почти] лишился дара речи. У постели больного за четыре дня до смерти состоялось совещание премьера [Дуань Цижуя], [бывшего военного министра] Инь Чана и других сановников. Президент с раздражением говорил о предъявлении ему со всех сторон требований об отречении и заявлял, что ни при каких обстоятельствах не уйдет со своего поста. Его распоряжения и указания передавались главе Кабинета Министров старшим сыном президента Юань Кэдином.

В Мукдене, на основании пекинских слухов, уверены, что президент отравлен. От многих лекарств он отказывался, боясь отравления.

Японский [печатный] орган “М.Д.Ньюс” [Morning Daily News], признавая большой ум Юань Шикая, называет его... аморальным. Газета проводит параллель между Юань Шикаем и германским кайзером Вильгельмом. Оба они представляются газете поклонниками правила: сила есть право и притом в самом отталкивающем виде. В его самой любезной улыбке часто скрывались убийственные, самые бесчеловечные... намерения, исключительно себялюбивого характера. Много достойных жизней сметено его рукой, не останавливавшейся ни перед чем...

Смерть президента последовала в 10 час. 45 мин. утра 24 мая. В час дня премьером было объявлено населению и сообщено посланникам о вступлении вице-президента Ли Юаньхуна в исполнение президентских полномочий. Передача этих полномочий оглашена последним приказом Юань Шикая, скрепленным членами Кабинета Министров: Дуань Цижуем, Цао Жулинем (за министра иностранных дел и министра сообщений), Чжоу Цзыци (министр финансов), Лю Гуансю (морской), Чжан Чжунсяном (торговли, промышленности и земледелия), Чжан Гоганем (министр образования). Дата приказа — 6 число 6-го месяца 4 года Республики».

Любопытной характеристикой Юань Шикая как крупной политической фигуры в истории республиканского Китая откликнулся на его смерть известный в Харбине китаевед И.А. Добролювский, опубликовавший под своими инициалами «И.А-ч» (Илья Амвлихович) статью «Смерть президента Юань Шикая» в газете «Харбинский вестник» (№ 3786 от 28 мая 1916 г.): «Телеграфное сообщение из Пекина о смерти Юань Шикая произвело во всем Китае огромное впечатление своей неожиданностью в момент наибольшего напряжения его борьбы со своими активными и пассивными противниками. Правда, уже около двух недель до этого печать сообщала о недомогании президента, замкнутой его жизни, прекращении приемов, изменении его делового режима и проч. Но все эти слухи принимались за скрытый ход политической борьбы...

По некоторым сведениям, Юань Шикай умер от смешения методов и рецептуры европейской и китайской медицины. Его лечили французские и китайские врачи, причем больной по собственному выбору исполнял или игнорировал их указания, или, наконец, глотал сразу все снадобья латинской и восточной “кухни”, вызвав по этому поводу злорадное замечание одной из пекинских газет о сомнительной пользе такого лечения²⁴.

Так прервалась жизнь несомненно крупной исторической личности, ловкого царедворца, временщика, либерального (на словах. — А.Х.) президента, а затем

диктатора с сильной и твердой волей, императором в течение [почти] 100 дней и опять президента-диктатора...

Для всех иностранцев, кроме японцев, Юань Шикай был символом всего Китая; его считали настоящим китайцем, продуктом [традиционного] уклада китайской жизни, ее политическим барометром.

На фоне сообщений российской печати по поводу смерти Юань Шикая особенно ценной представляется депеша Кудашева от 25 мая 1916 г. (№ 23), в которой говорилось:

«Приезд мой в Пекин совпал с резким ухудшением во внутреннем положении Китая. Возлагавшиеся Центральным правительством большие надежды на благоприятные для него результаты трудов Нанкинской конференции рухнули, не найдя никакого другого выхода из кризиса, кроме отставки Юань Шикая, которой, однако, пока не сочувствовали генералы Фын, Ни и Чжан [Фэн Гочжан и др.] — инициаторы конференции. Последовавшее затем объявление независимости провинциями Сычуань, Шэньси и части Шаньси доказало, что движение перешло и на север Китая и что таким образом абсолютно верными Юань Шикаю остались лишь две провинции Чжили и Хэнань, так как в прочих беспорядки также начались. Наконец, *полное отсутствие денежных средств у правительства*, заставившее его бросаться во все стороны, выпрашивая у различных иностранных фирм ничтожные ссуды в несколько сот тысяч долларов, и то, как говорят, под залог драгоценностей национального музея, лишь бы иметь возможность в конце-концов уплатить жалованье солдатам, *не оставляло сомнений, что конец Юань Шикая близок...*

Такова была картина политического положения страны, когда, неделю тому назад Юань Шикай почувствовал легкое недомогание, выразившееся в слабости всего организма, в отсутствии аппетита и бессоннице. Приглашенный к нему врач французской миссии д-р Бюссиер признал эту болезнь несерьезной и всецело приписал ее легкому нервному расстройству вследствие напряженной работы и волнений, которые пришлось переживать Президенту за последние два месяца. Это недомогание тем не менее не позволило Юань Шикаю назначить мне аудиенцию для вручения ему моих верительных грамот...

Под влиянием [политических] событий в понедельник в здоровье Юань Шикая произошло сильное ухудшение, и спешно вызванный д-р Бюссиер установил все признаки уремии, от которой Президент и скончался во вторник, 24 мая около 10 час. утра. Помогавший Бюссиеру ассистент [впрочем] не разделяет этого диагноза и на основании опыта, приобретенного долготлетней практикой в Китае, видит причину смерти Юань Шикая в самоотравлении ядом, который при введении в организм [человека] вызывает все признаки уремии.

Последняя версия смерти Президента частным образом разделяется [и] в китайских правительственных кругах.

Как только кончина Президента стала известна, в его дворец прибыли все высшие сановники, и на состоявшемся там заседании Совета Министров было решено, что в силу статьи 29-й Конституции власть должна перейти к вице-президенту Ли Юаньхуну.

Как я имел честь телеграфировать Вашему Высокопревосходительству вчера (телеграммой № 341), об этом решении [китайского] правительства Председатель Совета Министров Дуань Цижуй заявил посетившим его сообща всем союзным посланникам, прибавив, что правительство примет все меры к поддержанию спокойствия в стране и к обеспечению безопасности иностранцев. Мы выразили Дуаню наше соболезнование по случаю кончины Президента и обещали нашу поддержку новому законному правительству во всех его [благих] начинаниях...

Хотя вчера в городе и наблюдалась паника среди более зажиточного населения, выразившаяся в массовой сдаче на хранение в [дипломатические] миссии и иностранные банки ценных вещей, ночь все же прошла вполне спокойно.

Теперь еще рано делать оценку настоящему событию. Одно можно лишь сказать, что *смерть Юань Шикая, принимавшего участие во всех крупных событиях Китая за последние 30 лет, не может пройти безрезультатной в истории [этой] страны. Китай теряет умного и энергичного деятеля, подобных которому в стране мало и которые ей крайне нужны в настоящее время...*

В настоящую минуту кончина Юань Шикая имеет то непосредственное значение, что она облегчает разрешение многих вопросов, ибо главное яблоко раздора между Югом и Севером устранено. Принимая, однако, во внимание слабость характера Ли Юаньхуна и желание генералов, игравших роль в событиях последних месяцев, самим встать во главе Китайской Республики, нам следует быть готовыми к тому, что в Китае еще не так скоро утвердятся прочный порядок и [появится] устойчивое правительство»²⁵.

Последовавшие за смертью Юань Шикая политические события, связанные с приходом к власти слабовольного Ли Юаньхуна, лишь подтвердили прогноз российского посланника: в последующие годы в Китае, вернувшемся к республиканской форме правления²⁶, развернулась ожесточенная борьба за власть между различными группировками милитаристов, продолжавшаяся не один десяток лет.

Для будущей российской оценки Юань Шикая как крупного политического деятеля Китая конца XIX — начала XX в. интересными представляются выводы статьи «Юань Шикай», опубликованной 15 сентября 1916 г. в «Вестнике Имп. Общества востоковедения» (без указания ее автора), которым скорее всего был известный китаевед и японист Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865—1937), не раз выступавший в российской прессе с анализом текущих событий в Китае после Синьхайской революции 1911—1912 гг., завершившейся образованием Китайской Республики. Для краткости изложения этих выводов ограничимся публикацией двух пассажей: «Не может быть сомнения в том, что Юань Шикай был недюжинным человеком, человеком железной воли, колоссальной выдержки, глубокого государственного опыта и огромного понимания духа своего народа. Однако, как и его удивительнейший учитель Ли Хунчжан, [почти] не сделал ничего великого, так как всю свою жизнь ему приходилось тратить на борьбу с неблагоприятными [экономическими] условиями и [политическими] течениями в своей стране. Такие деятели как Юань Шикай и Ли Хунчжан появлялись в критические минуты для Китая и они спасали его от распада. Они оба были “сильными людьми”, борющимися с постоянно обнаруживающейся тенденцией к разделению, децентрализации...

Старался ли Юань Шикай стать императором для удовлетворения своего личного честолюбия или потому, что считал это необходимым для блага Родины, остается нерешенным вопросом. Но предшествующая жизнь Юань Шикая, его борьба за интересы Китая в Корее (в период японо-китайской войны 1894—1895 гг.), здравое поведение в период боксерского восстания (ихэтуаней) (1898—1901 гг.), хладнокровная измена совершенно незрелой ... попытке “100 дней реформ” (1898 г.), энергичное участие в реформах последнего периода правления умной императрицы Цыси, введение [порядка] в русле революции и беспощадная борьба с анархией, все это заставляет нас думать, что власть для Юань Шикая была не самодовлеющей целью, а лишь средством к осуществлению и достижению высших [государственных] задач»²⁷.

Не исключено, что за такой оценкой столь противоречивой фигуры, какой был Юань Шикай, следуют уточнения на основе проработки новых архивных документов и китайских источников.

1. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 323, оп. 4, д. 1314, л. 42—43.
2. Здесь и далее курсив мой.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Китайский стол, оп. 491, 1912—1913, д. 403, л. 94.
4. Дж. Рейд, в частности, указывал, что идея создания национальной религии в виде конфуцианства имела своей целью способствовать подавлению усиливающегося беззакония и распушенности китайской молодежи, но для этого не надо было объявлять конфуцианство государственной религией.
5. Следует отметить, что интерес к учению Конфуция, явно обозначившийся в период кампании за сохранение его культа в Китае, проявился и в соседней Японии. Еще в январе 1911 г. в Токио вышла книга о Конфуции, написанная Саванаягой, бывшим помощником министра иностранных дел, впоследствии занявшим пост президента Императорского университета в Токио. В этой книге значение основных идей древнекитайского философа рассматривалось во многих аспектах применительно к Японии, Китаю, Индии и странам Европы. В ней во всей полноте освещается вопрос о сыновней почтительности, поэтому она была разослана во все средние учебные заведения Японии. Как отмечала газета «Джапан викили хроникал», поместившая 26 декабря 1912 г. статью анонимного автора под названием «Китайская мораль в Японии», в этой книге, несомненно, была представлена официальная точка зрения на мораль, изучение которой в японских школах считалось весьма желательным.
6. Газета «Миньжи-бао» в номере от 12 сентября по поводу торжественного празднования дня рождения Конфуция писала, что праздник этот не должен отличаться одним внешним видом, но должен сопровождаться сердечным восприятием тех идей, которые заключаются в книгах святого Конфуция.
7. АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, 1913, д. 865, л. 7, л. 12—13.
8. Там же, л. 11.

Весьма любопытен экскурс в историю древнего и средневекового Китая, предложенный Юань Шикаем во вступительной части упомянутого выше указа, где было сказано следующее:

«При учреждении государства руководящий принцип зиждется на той или иной системе политики правительства. Последняя же с течением времени меняется в зависимости от того, какого рода теория или учение господствует в данную эпоху. В Китае почитание Конфуция началось в царствование ханьского императора годов правления У-ди, который отвергнул сочинения ста других авторов и сделал классические книги главными книгами для изучения. Этого времени началось приведение всех теорий и учений к одному принципу. *Учение Конфуция, если вдуматься в него, представляется и всеобъемлющим и великим, [так как] оно подходит для всех веков и эпох и находится в соответствии с различными обстоятельствами.* Согласно этому учению, то время когда между государем и подданными существуют правильные отношения, называется “малое благополучие” (*сяо-кан*), а когда государство является общей собственностью народа, — “Великое единство (*Да-тун*). В течение ряда последующих [после У-ди] поколений государи исключительно руководствовались принципом достижения “сяо-кан”, чтобы укрепить власть и авторитет монарха. С течением времени многочисленные комментаторы доктрин Конфуция придали им весьма распространенное толкование, и пользовавшиеся неограниченной властью тираны получили возможность принуждать ученых писать свои сочинения в духе этой доктрины. За последнее время, когда государственный строй в Китае сманился республиканским, некоторые [деятели] стали говорить, что доктрины Конфуция находятся в несоответствии с современными теориями о свободе и равенстве, а наиболее легкомысленные лица даже утверждают, что следовало бы отменить приношение жертв в память Конфуция. Однако это лишь показывает, что такие лица не только незнакомы с истинным учением Конфуция, но даже не имеют правильного понятия о равенстве и свободе.

Конфуций появился на свет в период неограниченного господства знати. Грустя о том, что его великие доктрины не получают распространения, и сожалея о невежестве народа, он вернулся домой, чтобы записать деяния [первых правителей] Яо и Шуня и исправить шесть классических книг (*лю-цзин*). В сочинении “Чунь-цю” (“Весна и осень”) он говорит, что после беспорядков и волнений наступает период полного спокойствия и мира, а в “Книге церемоний” (“Ли-цзи”) он говорит, что за периодом “Сяо-кан” наступает [следует] период “Да-тун”. Именно отсюда ведет свое начало *республиканизм*. В древние времена философы Янь-цзы, Цзен-цзы и Мэн-цзы, а позднее философы Гу [Ян-у], Хуан [Цзун-си] и Ван [Янь-мин] сумели с достаточной полнотой раскрыть и разъяснить конфуцианское учение, которое благодаря этому получило еще большее распространение. и, в конце

- концов, способствовало учреждению Республики». См.: АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, 1913, д. 137, л. 170—173.
9. Среди таких деятелей российский дипломат упоминал вице-президента Ли Юаньхуна, министра иностранных дел Лу Чжэнсяна, государственного контролера Сунь Баоци и советников при президенте адмирала Цай Тингана и генерала Мунте, которые свой взгляд на изменение формы государственного устройства Китая основывали как на отсутствии сочувствия китайской интеллигенции и большинства представителей прессы к старому монархическому строю, так и главным образом на опасении, что Япония может воспользоваться предполагаемой переменной для более активного вмешательства во внутренние дела Китая с целью территориальных захватов. См.: АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 41, л. 51.
 10. Новое время. № 14049, 22 апреля(5 мая) 1915 г., с. 2.
 11. Там же, № 14054, 27 апреля(10 мая) 1915 г., с. 3.
 12. Там же, № 13964, 22 января (8 февраля) 1915 г., с. 3.
 13. Там же, № 14070, 14(27) мая 1915 г., с. 4.
 14. Там же, № 14107, 20 июня (5 июля) 1915 г., с. 2.
 15. АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, 1915, д. 218, л. 179, 195.
 16. Там же, ф. 133, оп. 470, 1915, д. 41, л. 51—52.
 17. Там же, л. 53.
 18. Там же, л. 49.
 19. См.: Гу Вэйцзюнь хуэй-и лу (Запись воспоминаний Гу Вэйцзюня — Веллингтона Ку). Т. 1. Пекин., 1983, с. 98.
 20. АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, 1915, д. 218, л. 119—124.
 21. Там же, оп. 491, 1916, д. 219, л. 9.
 22. Подробнее об этом см.: ХОУ ИЦЗЕ. Юань Шикай цюань чжуань (Полная биография Юань Шикая). Пекин. 1994; Баши саньтянь хуанди мэн (Мечтания Юань Шикая в течение 83 дней своего императорского правления). Сборник статей и воспоминаний. Пекин. 1983.
 23. АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, 1916, д. 219, л. 101—102.
 24. Аналогичной версии о причине смерти Юань Шикая придерживался и автор хроникальной заметки под заголовком: «Умер маститый президент Республики... экс-император Юань Шикай», опубликованной 27 мая 1916 г. в «Харбинском вестнике» (№ 3785). Это видно из следующего отрывка: «Лишь в последние дни политическая буря, разыгравшаяся на юге Китая, пошатнула железный организм Юань Шикая. К числу других болезней прибавилось сильнейшее нервное расстройство. Лишенный европейского образования, Юань Шикай не доверял европейской науке, но был настолько умен, чтобы знать истинную цену китайской медицины. Выход из этого тупика президент нашел весьма неудачный — он принимал как президент одновременно и лекарства французских врачей и снадобья китайских медиков, питая надежду, что какое-нибудь лекарство поможет против грозного недуга... [Такое] своеобразное лечение приблизило роковой конец, и Юань Шикая не стало. В истории Китая перевернулась новая страница». Последняя фраза в цитированном отрывке наводит на предположение, что автором заметки был также харбинский китаевед И.А. Доброловский, перу которого принадлежит опубликованная 16 декабря 1915 г. (№ 3642) в «Харбинском вестнике» статья «Избрание Юань Шикая на царство» (за подписью — И. Доброловский).
 25. АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1916, д. 35, л. 22—23.
 26. Для характеристики первых распоряжений администрации Ли Юаньхуна весьма симптоматично возвращение к празднику Республики — 10 октября, о чем сообщал В. Траутшольд Г.А. Козакову в донесении из Харбина от 14 октября 1916 г.: «Местные китайские власти получили в этом году предписание отпраздновать день Республики — 10 октября — с особенной торжественностью, дабы подчеркнуть возвращение Китая к чисто республиканскому режиму. Как меняются времена! В прошлом году главное торжество было в день рождения Юань Шикая и все были уверены, что 10^е октября уже больше никогда не будет праздноваться». (АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, 1916, д. 219, л. 227).
 27. Вестник Императорского Общества востоковедения». № 4(15) сентября 1916 г., с. 65.

Идейное наследие П.А. Кропоткина и нижегородские анархисты в 1918—1935 гг.

В.П. Сапон

Материалы местной партийной периодики, а также ряда архивных дел дают возможность предположить, что в послеоктябрьский период среди нижегородских анархистов преобладали анархо-коммунисты, и, следовательно, влияние идей П.А. Кропоткина на соответствующую политическую субкультуру было решающим.

В первый год «диктатуры пролетариата» в Нижнем Новгороде действовала небольшая, но активная группировка анархистов, объединенных в федерацию. В списке книг об анархизме, распространяемых в 1918 г. Нижегородской федерацией анархистских групп, в наибольшей степени были представлены именно книги Кропоткина. В частности, желающие могли познакомиться с такими работами идеолога анархо-коммунизма, как «Хлеб и воля», «Речи бунтовщика», «Государство и его роль в истории», «Открытое письмо к западноевропейским рабочим», «Узаконенная месть именуемая правосудием», «Революционное правительство»¹.

Достаточно часто имя Кропоткина встречается в публицистических материалах, появившихся в печатном органе федерации — газете «Под черным знаменем» (1918 г.). В частности, некто Икар поместил в девятом номере указанной газеты статью «Идейная борьба», в которой разоблачались попытки псевдообъективной и псевдонаучной критики анархизма со стороны его идеологических оппонентов. Социалисты, пишет автор, упрекают анархистов за то, что те выступают против «диктатуры громадного большинства угнетенных», которая получила воплощение в системе советской демократии. «Разве только в этом выразился анархизм Бакунина, Кропоткина и др., разве [они не] отвергли диктатуры даже “большинства угнетенных”, разве они не нарисовали картины этой диктатуры и разве у Кропоткина не трактуются вопросы о государственных национализациях, монополиях, которые ведут к усилению капиталами в его новых формах, а следовательно — и нового рабства».

Еще более любопытные и радикальные выводы из идейных постулатов анархизма делает на страницах той же газеты Бенедикт Рыжин. Идейным предтечей Кропоткина нижегородский анархист называет Адольфа Бланки, выдвинувшего «новый закон, согласно которому чуть ли не вся история должна рассматриваться как продукт экономических условий и взаимоотношений в общественной жизни». В свою очередь, «анархист Кропоткин в большой степени руководствовался этим открытием, развивая свою теорию социального освобождения»². Современные анархо-коммунисты, продолжает Рыжин, выступают как против преувеличения политического фактора социалистами, так и против синдикалистского увлечения экономической борь-

Сапон Владимир Петрович — доктор исторических наук, доцент Нижегородского государственного педагогического университета.

бой. «Ввиду тесной зависимости этих двух факторов друг от друга невозможно их преодоление порознь и задачей анархизма является одновременное коренное разрушение этих двух зол, друг друга дополняющих зол». Особенно актуальной данная проблема становится в революционной России, поскольку, по мнению нижегородца, именно здесь в большевистском идеале «государства-капиталиста» синтез политического и экономического угнетения приобретает наиболее завершённую форму. Только анархизм, объявив непримиримую войну принципу власти на всех уровнях и во всех сферах общественной жизни, «даёт миру выход из того заколдованного круга, который образовался из взаимной зависимости двух основных факторов нашей жизни». Таким образом, резюмирует автор, «анархист является по существу своему: антигосударственником, атеистом или богоборцем, аморалистом и, поскольку под обществом понимается демократия, он является и антиобщественником»³.

Нижегородские антигосударственники пытались по-своему развивать и углублять анархистскую идеологию, не останавливаясь даже перед ревизией идейного наследия выдающихся «апостолов анархии» предыдущей эпохи. Например, некто Николай в статье «Товарищам об анархистской фракции» подвергает нелицеприятной критике анархистов — членов ВЦИК во главе с А.А. Карелиным за «вредный уклон» «в сторону тактических приемов, безусловно отрицаемых основными положениями доктрины анархизма», (в первую очередь, за сам факт существования «парламентской фракции» анархистов-коммунистов), а заодно и российское анархистское движение в целом. Он считает беспочвенными попытки дать законченное определение анархии, например, как «общественного строя, построенного на добровольном соглашении, при котором хорошо будет жить». «Анархизм, — пишет нижегородский публицист, — это учение теоретиков, Кропоткина, Тукера, Бакунина и т.д.

Они учат, как нужно жить, какое отношение должно существовать между людьми, каков должен быть и стать человек. Но и они оповещают миру о каком-то строе, при котором хорошо будет жить. Беру на себя смелость заметить, что наши учителя заблуждаются, предупреждая о каком-то строе. В своем учении они могут говорить, “как нужно жить”, но утверждать о строе царствия Небесного «это слишком дальнорозорко... Анархизм — это не строй, не рамки будущего, это только учение, и наши теоретики — только учителя, но не пророки...»⁴.

Следующий этап развития анархизма в нижегородской провинции начался в период новой экономической политики, когда традиционное политическое антигосударственничество дополнялось эзотерическими, мистическими инновациями. Одним из первых адептов мистического анархизма в Нижнем Новгороде стал студент местного университета Владимир Владимирович Бер. Он получал из Москвы анархистскую литературу, в том числе книги Кропоткина «Хлеб и воля», «Поля, фабрики и мастерские», «Взаимная помощь», перепечатки пропагандистских материалов и распространял все это среди университетских однокашников. Ему удалось найти и сплотить нескольких единомышленников, которые в 1924 или 1925 г. объединились в группу анархистов-мистиков «Орден Духа». Хотя сам Бер весной 1925 г. был арестован и выслан из города за «контрреволюционную» деятельность, созданный им кружок просуществовал до 1930 года.

Нижегородская анархо-мистическая группа развивалась при деятельном участии со стороны столичных «кураторов», которые посвящали провинциальных новичков в идеологические и организационные тонкости «орденской» деятельности. Согласно показаниям одной из посвященных, Анастасии Александровны Серкиной (Копашиной), уже на первых собраниях анархо-мистиков упоминались имена Бакунина и Кропоткина. При этом московский наставник А.С. Пастухов подчеркнул, что «их анархизм отличен от нашего»⁵. Это и неудивительно, ведь классики русского анархизма были материалистами⁶, — тем не менее антигосударственнический и революционный пафос их учений был взят на вооружение.

Одним из лидеров нижегородских анархистов-мистиков стал молодой поэт, студент агрономического факультета ННГУ Михаил Владимиров — именно он поддерживал связи с московскими идейными наставниками после «изъятия» Бера. В октябре 1926 г. нижегородец познакомился в Москве с Н.И. Проферансовым и в разговоре по душам признался, что своими кумирами считает Шелли и Гете. Московский на-

ставник, вспоминал М.А. Владимиров в своих показаниях, «ответил, что и Шелли, и Гете были великими революционерами и мистиками и стал мне говорить о Кропоткине. О Кропоткине он говорил, что каждый анархист должен убедить всех, что всякая власть душит свободу (подразумевая, конечно, под этим и советскую власть)... Просил меня и нашу группу поддерживать с ним связь и обещал нас снабжать анархической литературой»⁷. Вскоре после «установочной» беседы с Проферансовым нижегородский неопит побывал в Кропоткинском музее, получил разъяснения о биографии великого русского анархиста у заведующего музеем М.П. Шебалина и приобрел несколько брошюр, изданных издательством «Голос Труда», для пропагандистской работы. (В 1930 г. М.А. Владимиров и еще 9 нижегородцев были осуждены за деятельность в «контрреволюционной анархо-мистической организации» и попали в концлагеря или в ссылку.)

Еще одно групповое следственное дело по обвинению в «контрреволюционной» анархистской деятельности было начато нижегородскими чекистами в сентябре 1935 года. В этом деле речь шла о нелегальном кружке жителей г. Выксы, который организовал в конце 1920-х гг. прибывший из ссылки анархист Николай Иванович Тузов (Зольнов). В Сибири он жил сначала в д. Слобода (Зырянского края), где его приятелями стали моряк, анархист по убеждениям, Сергей Чучков и анархо-сочувствующий из местных Павел Попов. Позднее Тузову удалось выехать в Усть-Сысольск и завязать товарищеские отношения с ссыльными анархистами Иваном Васильевичем Маловым и Саррой Моисеевной Донской, которые снабдили его книгами Кропоткина «Хлеб и воля» и «Поля, фабрики, мастерские»⁸.

На первом же собрании выксунской группы, состоявшемся 13 апреля 1928 г., Тузов поведал о своем пребывании в ссылке в Усть-Сысольске и возвращении домой. Согласно показаниям одного из обвиняемых, «Тузов много рассказывал о работе и политических установках анархистской организации, об основоположниках и продолжателях учения об анархизме: Бакуanine, Кропоткине... Из современных вождей анархизма он называл Аршинова и Барон[а]»⁹. Тогда же лидер группы упомянул, что прежде чем вернуться на родину, он заехал в Москву и познакомился с вдовой Кропоткина Софьей Григорьевной, которой от имени ссыльных анархистов подарил модель парусного судна. В свою очередь, «Кропоткина сообщила Тузову ряд адресов и явочных квартир руководителей центра анархистской организации»¹⁰. (Своему товарищу по ссылке Ивану Георгиевичу Калачеву Тузов тоже предлагал заехать после освобождения в музей Кропоткина, чтобы получить «установки на дальнейшую работу» и нелегальную литературу, однако тот не рискнул выйти на связь со столичными единомышленниками, опасаясь, что за ним может быть слежка¹¹.)

Характеризуя политическую ситуацию в стране, Тузов заявил, что «сейчас никакая революционная работа не возможна потому, что в СССР реакция такая, какой не было и нет ни в одной стране, но после реакции, как правило, наступает революция. У нас было две революции, будет еще и третья. Предстоит еще вторая “варфоломеевская ночь” и Россия будет затоплена кровью». Участникам группы он порекомендовал «уйти глубже в подполье, вести дальнейшую работу более конспиративно, осторожнее вербовать, поменьше встречаться с ним на людях»¹².

Несмотря на основательную борьбу с «контрреволюционным» анархизмом на протяжении нескольких десятилетий после Октябрьской революции, даже в середине 1930-х гг. в советском обществе продолжалась пропаганда идей безгосударственного социализма и распространение работ идеологов русского анархизма. В частности, в июле 1936 г. Управление НКВД СССР по Горьковскому краю завело следственное дело по обвинению группы горьковчан в антисоветской деятельности (ст. 58, п. 10 и 182 УК РСФСР), одним из фигурантов которого оказался Иван Александрович Бланков. Этот человек в разговорах неоднократно позволял себе антисталинские высказывания и признавался, что разделяет взгляды Бакунина и Кропоткина¹³. Один из свидетелей в своих показаниях утверждал: «В феврале месяце 1935 г. ...он (И.А. Бланков. — В.С.) усиленно рекомендовал мне читать анархо-литературу, при этом достал книгу Кропоткина и прочел мне несколько цитат из этой книги, говорящих за свободную, светлую жизнь, свободный труд, на собственном клочке земли. Бланков тогда же сказал, что материальное положение крестьян может улучшиться только

лишь на основе развития хуторского хозяйства, когда крестьянин будет сам себе хозяин, независим от государства. Я Бланкову сказал, что книга Кропоткина вредна, ибо она идет вразрез с установками партии и советского государства. Бланков мне на это ответил, что политика ВКП(б) — это политика закабаления трудящихся и что он за чтением книг Кропоткина, Бакунина и других анархических авторов ¹⁴ отдыхает и чувствует все прелести идейных установок этих авторов» ¹⁵.

Таким образом, нижегородские материалы свидетельствуют, что вплоть до середины 1930-х гг. идеи Кропоткина не теряли своей общественной значимости и находили убежденных сторонников в провинциальных оппозиционных кругах, несмотря на репрессивную политику органов государственной безопасности. Постулаты анархо-коммунизма служили духовной опорой и пропагандистским материалом для тех личностей, которые по-прежнему надеялись на реализацию первоначальных заветов Великой русской революции.

Примечания

1. Под черным знаменем. 1917, № 9, с. 4. Кроме работ Кропоткина в этом списке значались также произведения Э. Реклю, Э. Малатесты, С. Фора, И. Моста, К. Оргеиани, А. Карелина.
2. РЫЖИН Б. Заколдованный круг. — Под черным знаменем. 1917, № 10, с. 3.
3. Там же.
4. НИКОЛАЙ. Товарищам о фракции. — Там же, с. 4.
5. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО), ф. 2209, оп. 3, д. 179000, л. 151.
6. Примечательно, что этот факт отмечается и в самиздате, который имел хождение в среде нижегородских анархо-мистиков и сочувствующих. В частности, в карелинской пьесе «Анархисты», которая была подшита к следственному делу В.В. Бера, говорилось: «Кропоткин — материалист в смысле отрицания в жизни чего-нибудь мистического». ЦАНО, ф. 2209, оп. 3, д. 21446, л. 33об.
7. ЦАНО, ф. 2209, оп. 3, д. 179000, л. 46—46об. Тогда же Н.И. Проферансов вручил нижегородскому соратнику одну из брошюр, написанных Кропоткиным, и машинописные материалы.
8. Там же, д. 20127, л. 37—39.
9. Там же, д. 20128, л. 93—97об.
10. Там же. «Тузов, в частности, назвал анархиста Солоновича — врача[,] у которого была явочная квартира для связи между Кропоткиной и приезжающими с периферии представителями местных анархистских организаций. Припоминаю, что существовала какая-то связь между названным Солоновичем и “Черным Крестом”», — говорил один из участников встречи.
11. Там же, ф. 2209, оп. 3, д. 20128, л. 44—47.
12. Там же, л. 95—96об.
13. Там же, д. 8159, л. 116—119об., 123—125об., 169.
14. Из материалов дела известно также, что в 1932 г. Бланков передал одному из своих товарищей, С.Е. Воронину, «книгу анархистского содержания Льва Черного». Там же, л. 48.
15. Там же, л. 125.

Проблема шпионажа в России в конце XIX — начале XX в.

А.А. Иванов

На протяжении многих веков развития военной науки полководцы и теоретики уделяли большое внимание проблеме ведения разведки в стане противника и, одновременно, пресечению деятельности вражеских агентов на своей территории. Тайные агенты активно использовались практически во всех масштабных вооруженных конфликтах прошлых веков, однако лишь к концу XIX столетия в европейских странах появились специальные постоянно действующие органы, призванные вести борьбу со шпионажем. Среди них можно назвать Криминалистический департамент расследований в Англии, Второе бюро Генерального штаба во Франции, контрразведывательную группу в Генштабе Австро-Венгрии и т.д. Российская Империя в этом отношении серьезно отставала как от своих геополитических союзников, так и от противников.

Причин тому несколько, но, видимо, главная из них заключается в том, что опыт войн XIX в. наглядно показал — одной из наиболее рациональных мер выявления разведчиков неприятеля является создание сети тайных агентов, способных обнаруживать и оперативно доносить о действиях шпионов, а отношение к таким лицам в российском обществе было крайне негативным. Например, журналист Ф.В. Булгарин называл секретных агентов «людьми продажными и безнравственными»¹. Не менее эмоциональна была и З. Ралли, утверждавшая в одной из своих работ, что порядочный человек «никогда не сделался бы шпионом»².

Парадоксально, но даже среди руководства спецслужб не было единства в данном вопросе — если в 1812 г. военный министр М.Б. Барклай-де-Толли называл секретных агентов людьми «расторопными, хитрыми и опытными», ценил и уважал их труд, то А.Х. Бенкендорф указывал, что «честные и способные... часто брезгуют ролью тайных шпионов». Сомнение в необходимости специальных контрразведывательных ведомств нередко выражали и члены правительства — в частности, известна точка зрения премьер-министра П.А. Столыпина о том, что борьба со шпионажем «является лишь одной из отраслей политического розыска»³. В условиях отсутствия общественно-политической поддержки создание профессиональных органов контрразведки в России было трудноосуществимо.

Как следствие, конец XIX — начало XX в., когда шпионаж получил в мире небывалое ранее распространение, стало временем выдвижения самых разных гипотез и доктрин касательно природы, черт и отличий данного вида деятельности. Среди созданных в названные годы концепций наибольший интерес представляют несколько.

Иванов Андрей Александрович — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургской государственной академии ветеринарной медицины.

Первая из них была сформулирована в рамках общеправовых представлений и озвучена следователем С.П. Шиповым в книге «О средствах к охранению внутренней безопасности государства», вышедшей в 1872 году. В этом труде автор делал недвусмысленное заключение: «Благонадежное ограждение внутренней безопасности государства паче всего зависит от удовлетворительного устройства мер карательных, долженствующих страхом определенного наказания удерживать людей злонамеренных от исполнения их преступных замыслов, и мер охранительных, имеющих целью по возможности предупреждать преступления, а в случае их появления прекращать оные, открывать и задерживать преступников»⁴. То есть, работа полицейских и иных органов, противодействующих антигосударственной деятельности, должна носить превентивный характер. Решающее значение при таком взгляде имела суровость наказания. В русле этой доктрины в 1911 г. в журнале «Разведчик» автор одной из статей сделал замечание, что «при условиях такой, не знающей предела, „гласности“ ни одному государству не надо держать в России тех шпионов, которыми немцы перед 1870 годом наводнили Францию», то есть для противодействия шпионажу надлежит, прежде всего, создавать условия отсутствия прямого доступа к секретной информации, поиск же самих шпионов вторичен.

Совершенно иной подход к шпионажу и борьбе с ним предлагал юрист Д.Ф. Огнев. В книге «Военная подсудность» 1896 г. им была представлена развернутая правовая характеристика шпионажа по российским и европейским законам. Автор обращал внимание на тот факт, что «военный обычай подвергает шпиона смертной казни»⁵, однако в отличие от Шипова, не считал столь суровое наказание целесообразным. Гораздо больше ему импонировала депортация заподозренных в шпионаже из страны. Автор пришел к выводу, что наказание за шпионаж не может быть одинаковым для собственных граждан, занимающихся сбором разведывательной информации в пользу врага, и представителей вооруженных сил противника, работающих в этом же направлении на чужой территории.

Хотя с этим утверждением можно спорить, несомненная заслуга Огнева состояла в том, что он вообще обратил внимание читателей на возможность участия собственных граждан в сборе разведанных для неприятеля. Обыденные представления в этой области, сформировавшиеся на протяжении XIX в., заставляли большинство россиян видеть шпионов, прежде всего, в иностранцах или инородцах. В конечном счете, широко распространилось мнение, что в России участие и руководство агентурной деятельностью, фактически, является прерогативой представителей нерусских национальностей. Сторонники этой точки зрения апеллировали к истории отечественных органов государственной безопасности, ведущие должности в которых занимали такие лица, как француз Я.И. де Санглен, португалец И.О. Велио, поляки С.И. Шешковский и М.И. Трусевич, болгарин Р.Г. Моллов и т.д.

Возвращаясь к произведению Огнева, нельзя не отметить, что, несмотря на достаточно прогрессивную мысль о классификации шпионов по признаку подданства, автор совершенно необоснованно ставил знак равенства между терминами «шпион» и «лазутчик»⁶. Иными словами, отрицалось деление разведчиков на полевых (лазутчиков), участвующих в боевых действиях на правах военнослужащих, и тайных (нелегальных), законспирированных агентов, часто не имеющих к армии никакого отношения и на фронте даже не появляющихся. О подобном делении, по его собственным словам, Огнев знал из работ профессора Сен-Сирского военного училища Н. де Шили⁷, да и в Брюссельской «Декларации о правилах ведения войны» 1874 г. названные понятия отделялись друг от друга. Тем не менее, такой подход автор считал неверным. Удивительно то, на эту точку зрения встали и составители знаменитой Гаагской конвенции 1907 года.

В Российской Империи конца XIX в. активно издавались старые европейские книги, затрагивавшие отдельные вопросы о шпионаже, и культивировалось отношение к нему, выработанное еще в середине столетия и успевшее сильно устареть. К примеру, в 1880 г. на русском языке была издана книга профессора Берлинского университета А. Гефтера «Европейское международное право», написанная им еще до Крымской войны (в 1844 г.), пусть и дополненная впоследствии. В этом исследовании параграфы 250 и 251 были озаглавлены соответственно «Военные шпионы» и

«Политические разведчики». Уже сами по себе эти названия являлись отражением позиции автора, считавшего военную и политическую сферы единственными, могущими вызвать интерес у агентов противника, хотя экономический шпионаж к тому времени получал все большее распространение. Кроме того, в названной работе содержался ряд в высшей степени странных утверждений. Так, по мнению Гефтера, «само по себе шпионство не есть преступление», если оно не носит характер измены; шпион «не может быть судим по военно-полевым законам», если пойман не на месте преступления; а лицо, собирающее секретные сведения об армии в личных целях, шпионом считаться не может. Что же до так называемых «политических разведчиков», то есть атташе, консулов и других дипломатических работников, которым даются задания разведывательного характера, то, по словам автора, их деятельность «никогда не считалась незаконной»⁸. В силу этих обстоятельств, труд Гефтера был совершенно неактуален для международных отношений конца XIX века.

По-видимому, последняя из популярных точек зрения о специфике шпионажа и борьбы с ним была озвучена еще в середине XIX в. журналистом Булгаринным. Приводя в пример военную кампанию 1812 г., он утверждал, что «шпионство стоило в то время Наполеону огромных сумм, и не принесло никакой существенной пользы»⁹. Отсюда следует вывод о бесполезности разведывательной деятельности, а значит и отсутствии острой необходимости противодействия ей созданием специальных государственных органов.

Не может не вызвать удивления тот факт, что эти взгляды были почти в точности повторены немецким подполковником (впоследствии — генерал-фельдмаршалом) К. фон дер Гольцем в книге «Вооруженный народ», где он писал: «Слава, которой пользуется шпионство, незаслуженная, и в современном военном искусстве его значение весьма ограничено». Тайных агентов он считал дилетантами в военных вопросах и призывал доверять лишь данным полевой разведки, которые «касаются того, что важно именно в данную минуту» и «исходят от людей-специалистов». Объясняя свою позицию, подполковник продолжал: «Для операций, стычек и сражений ценны только самые новейшие известия, а их доставить шпион не в состоянии. Он не имеет возможности пользоваться телеграфом для корреспонденции с партией, которой он служит, а для доставления сведений лично он должен осторожно пробираться окольными путями и, следовательно, почти всегда опоздает». В сущности, первая мировая война полностью опровергла данное утверждение.

Определенный итог всей этой заочной дискуссии подвел генерал-майор В.Н. Клембовский. В 1892 (тогда он был еще подполковником) и 1911 гг. была издана и переиздана его книга «Тайные разведки (военное шпионство)», содержащая ряд важнейших умозаключений. Опираясь на значительный фактический материал, в том числе из области военной истории, автор детально разбирал многие терминологические тонкости разведывательной и контрразведывательной деятельности, давал практические рекомендации сотрудникам спецслужб и т.д. Но, без сомнения, одним из важнейших достижений Клембовского было четкое отделение шпионажа в мирное время от шпионажа в период войны, а, следовательно, и признание необходимости бороться с ним постоянно, что отличалось от взглядов большинства его предшественников.

Мало того, существенный акцент был сделан на морально-нравственном аспекте агентурных отношений — по этому поводу генерал писал: «Почти все люди привыкли смотреть на шпионство, как на дело крайне безнравственное и позорное, а название “шпион” получило значение бранного слова. Однако подобное осуждение шпионства и шпионов несправедливо... С принципиальной точки оно, пожалуй, безнравственно; но в таком случае безнравственна и сама война, а между тем почти весь цивилизованный мир считает ее явлением неизбежным»¹⁰.

Многие суждения Клембовского нашли свое продолжение в трудах других авторов. К примеру, русский философ И.А. Ильин в известной работе «О сопротивлении злу силою» писал, что «правители... не должны уничтожать ни тайную полицию, ни дипломатию, ни контрразведку, ни аппарат подавления и войны: но только все эти функции должны быть в руках честных, совестных и религиозно мыслящих людей... необходима духовная автономия, осмысливающая дисциплину началами веры, пре-

данности, совести и чести так, чтобы воин понимал, ... почему искусная контрразведка во вражьем стане есть проявление доблести, а интрига в полку и в общественной жизни — проявление низости»¹¹. Ильин считал разведку и контрразведку вполне естественными занятиями, коим изначально не присуща никакая аморальность. В этом видна его заочная полемика с Л.Н. Толстым, который в романе «Воскресение» утверждал, что любая попытка оправдания шпионства делается только шпионами и только ради их собственного душевного успокоения¹².

К последователям Клембовского можно отнести и мурманского контрразведчика периода Февральской революции штабс-капитана А. Петрова. В одной из своих докладных записок начальству в 1917 г. он писал: «Высокая цель “польза родине” оправдывает и облагораживает многие средства, ведущие к этой цели... Вы скажите: “этика страдает”, “заповеди нарушаются” — верно, но... этику у нас оскорбляют ежеминутно все, кому не лень, а о бедных заповедях и говорить нечего — они существуют только в теории, в печатном виде на страницах “Кратких катехизисов”. И все эти “нарушения” творятся для достижения узеньких, эгоистических целей. А тут цель колоссальная. Если для предотвращения гибели тысячи людей, шпион преступит 8-ую заповедь и “украдет” секретную зашифрованную бумагу — да будет ему триумф и да простится ему содеянное преступление во имя пользы, этим преступлением принесенной»¹³.

С началом Гражданской войны в России среди ряда лидеров большевистской партии установилось мнение, что в условиях внутреннего военно-политического конфликта шпионаж утрачивает самостоятельный характер, становясь частью контрреволюционной деятельности. Одним из апологетов этого подхода был В.Э. Кингисепп, высказавший подобные соображения в докладе В.И. Ленину осенью 1918 года¹⁴. Автор указывал, что «контрреволюция и шпионаж, направленные против Советской республики, лежат в одной плоскости... в вопросе о шпионаже признак подданства ныне должен быть заменен признаком классовой принадлежности и пролетарской или антипролетарской ориентации». Принимая во внимание имеющиеся в нашем распоряжении факты, вряд ли можно полностью согласиться как с Кингисеппом, так и с его единомышленниками.

Во-первых, непосредственно в годы Гражданской войны так и не произошло окончательного сращивания понятий «контрреволюция» и «шпионаж» (это случилось уже в 1920-е гг. с принятием нового Уголовного кодекса и ряда других документов). Вот лишь несколько примеров. В тексте «Положения об Особом отделе ВЧК», являвшегося главным органом советской военной контрразведки, значилось, что этот отдел создан для борьбы с «контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте»¹⁵. В процитированном отрывке используется союз «и», служащий для соединения равнозначных понятий, следовательно, для чекистов шпионаж частью контрреволюции все-таки не был. Да и в документах революционных трибуналов термины «контрреволюция» и «шпионаж» обозначали разные виды преступлений¹⁶.

Во-вторых, шпионаж, как вид деятельности, носит активный характер, а контрреволюция — вторичный, реактивный, то есть разведывательную работу можно вести при любых внешних условиях, а контрреволюция способна существовать только при наличии неких революционных сил. При этом заниматься разведкой в условиях гражданской войны можно просто в силу профессиональной принадлежности, а вот контрреволюция — скорее категория идейно-политическая.

В результате, в 1917—1920 гг. одной из центральных проблем на пути понимания принципов, методов и средств борьбы с вражеским шпионажем стал вопрос о целесообразности привлечения к этой деятельности широких слоев населения. Еще в 1915 г. директор Департамента полиции Российской Империи Р.Г. Моллов при поддержке нескольких высокопоставленных чиновников Министерства внутренних дел составил особую «Записку о мерах борьбы со шпионством». В этом документе авторы писали, что «борьбу со шпионажем нужно сделать открытой, популяризировать ее, придать ей патриотический характер», вовлечь в контршпионскую деятельность «все слои общества, все правительственные учреждения независимо от того, к какому они принадлежат ведомству»¹⁷. Споры о правомерности таких реформ продолжают до сих пор. С одной стороны, оказание помощи спецслужбам в деле защиты обще-

ства и государства — дело весьма полезное, однако в годы первой мировой войны призывы Моллова привели к колоссальному развитию шпиономании в российском обществе. Немецких шпионов искали буквально повсюду, называя в их числе даже приближенного Николая II Г.Е. Распутина и Императрицу Александру Федоровну. Как писал по этому поводу полковник А.А. Зайцов, «ветряные мельницы, бетонные площадки для тенниса, фонари на окнах, обыкновенные голуби принимались за сигнализацию противника, установки для его тяжелой артиллерии и т.д. Проверки всех этих, подчас более чем наивных сведений, отнимали массу времени и только сбивали правильную работу контрразведки»¹⁸.

В период Гражданской войны предпринимались новые попытки реанимации этой идеи. В уже упоминавшемся докладе Кингисеппа, в частности, отмечалось, что в РСФСР «полуграмотный рабочий посадит шпионов с высшим образованием». Частыми были призывы к крестьянам «ловить и уничтожать шпионов» со стороны других советских чиновников. Тем не менее, и в этих условиях данные мероприятия окончились неудачей, доказав, что контрразведывательная работа — удел профессионалов, имеющих специальные навыки и опыт. Рядовые граждане могут оказывать посильную поддержку спецслужбам, сообщая известные им сведения, но переносить всю тяжесть борьбы со шпионажем на неподготовленное к этому население страны не только нежелательно, но и недопустимо. Шпиономания же часто развивается тогда, когда, либо общество не доверяет сотрудникам спецслужб выполнение их собственных обязанностей, либо сами контрразведчики в силу недостаточной квалификации провоцируют подобное поведение обывателей. В 1925 г. в книге «Современный шпионаж и борьба с ним» автор писал: «Работа контрразведывательных органов может быть успешной в том случае, если сами граждане, отдавая себе ясный отчет в том, что такое шпионаж, умеют собственными средствами бороться с ним»¹⁹.

Подводя итоги, следует заключить, что развитие представлений о сущности шпионажа происходило в нашей стране под воздействием множества факторов: военных конфликтов, в которых страна принимала участие, влияния общемировых тенденций, отечественной правовой и общественно-политической мысли. И эту тему пока рано закрывать — развитие научных изысканий о природе шпионажа и контршпионажа в постсоветской России планомерно продолжается.

Примечания

1. БУЛГАРИН Ф.В. Воспоминания. М. 2001. с. 369.
2. РАЛЛИ З. Сергей Геннадьевич Нечаев (Из моих воспоминаний). — Былое. 1906, № 7, с. 143.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2000, оп. 15, д. 26, л. 176.
4. ШИПОВ С.П. О средствах к охранению внутренней безопасности государства. М. 1872. с. 1.
5. ОГНЕВ Д.В. Военная подсудность. Сравнительный очерк. СПб. 1896, с. 240.
6. Там же, с. 242.
7. CHILLY N. de. L'espionnage. Paris. 1888.
8. ГЕФТЕР А.В. Европейское международное право. СПб. 1880, с. 452—453.
9. БУЛГАРИН Ф.В. Ук. соч., с. 369.
10. КЛЕМБОВСКИЙ В.Н. Тайные разведки (военное шпионство). В кн.: Антология истории спецслужб. Россия. 1905—1924. М. 2007, с. 98, 102.
11. ИЛЫН И.А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5. М. 1996, с. 211—212.
12. ТОЛСТОЙ Л.Н. ПСС. Т. 32. М. 1936, с. 151—152.
13. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 418, оп. 2, д. 157, л. 49об.
14. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 1, оп. 1, д. 141, л. 70—76.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1235, оп. 36, д. 65, л. 67.
16. Национальный архив Республики Карелия (НАРК), ф. Р-639, оп. 1, д. 15, л. 15.
17. ГАЛВАЗИН С.Н. Охранные структуры Российской Империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М. 2001, с. 82.
18. ЗАЙЦОВ А.А. Служба Генерального штаба. М. 2003, с. 396—397.
19. ЛАТЫНИН В. Современный шпионаж и борьба с ним. М. 1925, с. 6.

Врачи-поляки на горных заводах Урала в XIX в.

Э.А. Черноухов

На протяжении большей части XIX в. на Урале, как и во многих других регионах Российской империи, существовал дефицит аттестованных врачей, с которым сталкивались как гражданские, так и горные власти (особенно казенных округов), а впоследствии и земские органы региона. Это предопределило их постоянное привлечение из других частей Российской империи и даже из-за границы.

Нами выявлено более 250 врачей, служивших на горных заводах Урала в XIX веке. Среди них было, как минимум, девять специалистов польского происхождения. Документы федеральных и региональных архивов позволяют проследить основные черты биографий и деятельность этих врачей в регионе.

Яркой особенностью общественного устройства польских земель в XIX в. был непропорционально большой процент дворянства (шляхты), беспрецедентный для Центральной Европы (в некоторых областях — до 10%). Большинство из них, в том числе восемь выявленных нами врачей, не имели поместий и особых перспектив на государственной службе. Это во многом предопределило их выбор медицинского факультета (у большинства — Виленского университета) и последующее распределение¹. В результате они оказались на далеком от их Родины горнозаводском Урале, где прослужили долгие годы. Лишь один из них был сослан сюда за участие в одном из антироссийских восстаний².

Первые два врача-поляка появились на горных заводах Урала в начале XIX столетия. Их карьеры были типичными для того времени. Игнатий Варвинский (1772 г.р.) был сыном протоиерея униатского вероисповедания, получившим начальное специальное образование в Елизаветградском медицинском институте³. В звании подлекаря он служил в военных госпиталях, а после участия в боевых действиях 1799–1800 гг. был отправлен в Московское отделение Медико-хирургической академии. Здесь Варвинский получил диплом лекаря по сокращенной годичной программе.

В 1801 г. он был направлен для продолжения службы в Екатеринбургский казенный округ. Его карьера в горном ведомстве была достаточно успешной. В 1804 г. Варвинский был переведен из отдаленного поселка Каменского завода в «столичный» Екатеринбургский госпиталь. Здесь он получил звание штаб-лекаря, с 1815 г. занимал должность медицинского инспектора округа. После 1827 г., уже в преклонном возрасте, Варвинский еще несколько лет прослужил простым врачом в Екатеринбургском госпитале.

Черноухов Эдуард Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета. Екатеринбург.

Он имел четырех дочерей и сына Иова, который стал горным инженером, что было типичным выбором для наследников врачей Урала в тот период времени ⁴.

Вторым врачом польского происхождения на горных заводах Урала стал беспоместный дворянин Данила Романовский (1760 г.р.), которому в России дали отчество Константинович. Он получил начальное медицинское образование в Киевской академии, а затем практическое — на службе в военных госпиталях. С 1798 г. Романовский работал уездным врачом, где был произведен в штаб-лекари.

В 1806 г. Романовский перешел на службу в горное ведомство: на Юговские и Златоустовские заводы Кнауфа ⁵. С переходом последних в казну в 1811 г. он получил солидное годовое жалование в 1,5 тыс. рублей ассигнациями. После этого Романовский отказался заведовать по совместительству госпиталями Кнауфа. Он прослужил в Златоустовском округе до 1829 г., имел двух сыновей и двух дочерей ⁶.

Остальные врачи-поляки, несколько позднее прибывшие на горные заводы Урала, также были выходцами из беспоместных дворян. Они получили полноценное высшее специальное образование. Почти все из этих специалистов попали в регион по распределению: или сразу на горные заводы, или после службы уездными врачами.

Онуфрий ⁷ Нехведович (1789—1842) в 1811 г. окончил медицинский факультет Виленского университета «казеннокоштным» воспитанником и был направлен в Гороблагодатский казенный горный округ. Здесь он отработал весь определенный законодательством срок, став инспектором по медицинской части. После этого Нехведович перешел на значительно более выгодную в материальном плане службу врачом в частном хозяйстве.

С декабря 1820 г. до своей смерти он работал в крупнейшем на Урале Нижнетагильском горном округе Демидовых, несколько раз продлевая контракт на новый срок. Нехведович получал годовое жалование в 2,5 тыс. руб. ассигнациями, а также «натуральные надбавки»: господскую квартиру с прислугой, отоплением и освещением, экипаж для выездов. Со временем на него была распространена и практика выдачи бесплатного провианта. Кроме того, он регулярно получал по 400—500 руб. ассигнациями при традиционных ежегодных награждениях, выписывал за счет заводовладельца необходимые медицинские журналы.

В фондах Российского государственного архива древних актов хранится переписка Нехведовича с двумя заводовладельцами округа: Николаем Никитичем Демидовым (1773—1828) и его сыном Павлом (1798—1840). С первым из них он регулярно обменивался письмами в 1821—1828 гг.: сохранилось по 16 посланий врача и заводовладельца ⁸. Демидов выражал благодарность Нехведовичу за службу («мне было бы приятно, коли все бы меня понимали, как Вы»). Он неоднократно подчеркивал, что ему, первому из врачей округа, удалось успешно «уживаться» с местными приказчиками с их «грубой закосностью» (оценка самого заводовладельца).

Нехведович сумел добиться несомненных успехов в решении ряда застарелых медицинских проблем в Нижнетагильском округе: расширении оспопрививания и акушерской помощи, а также улучшении положения воспитательного дома. При его непосредственном участии был построен обширный госпитальный комплекс в Нижнетагильском заводском поселке, а приемные покои в Нижнесалдинском и Висимоуткинском заводах преобразованы в полноценные больницы.

В 1824 г. Нехведович женился на дочери местного заводского исправника П.А. Платонова, получив на свадьбу богатый подарок от Н.Н. Демидова. После смерти врача заводовладельцы назначили его вдове пенсию в 500 рублей ежегодно, а одному из сыновей — пособие для обучения в Горном институте. Всего Нехведович имел четверых детей. Его сыновья стали горными инженерами, но их жизнь не была связана с Уралом.

Леопольд Ходорович (1794 г.р.), получивший в России отчество Иванович, также окончил Виленский университет и в 1821 г. был направлен в Гороблагодатский казенный округ. Прослужив здесь 18 лет, он получил звание штаб-лекаря, стал инспектором по медицинской части. По личному распоряжению главного горного начальника уральских горных заводов В.А. Глинки Ходорович был переведен на подобную должность в «столичный» Екатеринбургский казенный округ. Глинка планировал назначить его инспектором по медицинской части всех казенных заводов, но не

смог добиться введения этой должности ⁹. В Екатеринбурге Ходорович прослужил еще минимум восемь лет. Он имел жену православного исповедания, брак был бездетным ¹⁰.

Михаил Стржалковский (1796 г.р.) в 1819 г. также окончил медицинский факультет Виленского университета. До 1832 г. он служил врачом на Илецких соляных промыслах в Оренбургской губернии и в Саратовской конторе опекунов иностранных поселенцев. После этого, как минимум четверть века, его жизнь была связана с горнозаводским Уралом. До 1843 г. Стржалковский служил врачом на частных Нижне-Сергинских заводах, а затем — в Артинском казенном. В 1857 г. он состоял старшим врачом Златоустовского округа. Стржалковский выслужил чин коллежского советника и звание штаб-лекаря. Исповедуя католичество, он имел жену и четверых первых детей — протестантского, а двух младших — православного вероисповедания ¹¹.

То есть трое из этих пяти врачей польского происхождения успели послужить как на казенных, так и на частных заводах Урала. Причем двое из них (Романовский и Стржалковский) перешли на казенную службу, а Нехведович лишь отработал здесь определенный в законодательстве срок. Остальные четыре известных нам врача польского происхождения служили только на частных горных заводах Урала.

Штаб-лекарь Иероним Оссовский (1806 г.р.), переименованный на русский манер в Герасима Михайловича, был выпускником Виленского университета, распределенным в Оренбургскую губернию ¹². Начав здесь службу в 1830 г. уездным врачом, он перешел в горное ведомство. В 1836—1858 гг. Оссовский последовательно служил в госпиталях нескольких небольших частных заводов Оренбургской губернии ¹³.

Лекарь Фелициан Людвик Соколовский (1819 г.р.) был переименован в Феликса Игнатъевича ¹⁴. В 1850-х гг. он служил в крупнейшем на Урале Нижнетагильском горном округе Демидовых. По условиям контракта Соколовский получал 1,5 тыс. руб. серебром в год, готовую квартиру с прислугой (повар и кучер), экипаж для служебных поездок. Его разумные предложения по улучшению медицинского обслуживания в округе не встретили поддержки руководства местного заводоуправления.

В 1854 г. врач обратил внимание заводладельцев на плохое качество воды в Тагильском пруду. Он объяснил это заселенностью его берегов (из усадеб сюда сливались все нечистоты), постоем лошадей прямо на льду в зимнее время и многочисленными навозными кучами, халатно сваливаемыми местным населением. Причем заводладельцы даже согласились выделить средства на подведение к Нижнетагильскому поселку чистой воды по чугунным трубам из ближайших водоемов или очистение пруда по примеру многих городов Западной Европы. Однако управляющий округом П.Н. Шиленков убедил Демидовых, что эти меры «сопряжены с большими трудностями и издержками, совершенно бесполезными», так как все донесения о плохом качестве воды — «домыслы» постороннего (для заводов) врача.

В 1856 г. Соколовский предложил Нижнетагильскому заводоуправлению отправлять всех больных в госпитали, а не лечить большую часть из них на дому. Но управление высказалось против отмены этой традиционной практики, объяснив это господствующими среди населения, особенно среди старообрядцев, предрассудками и недостатком мест.

Людвиг Сигизмунд Фаддей Окинчиц (1837—1903) стал в России Людвигом Фаддеевичем. В 1862 г. он окончил медицинский факультет Московского университета и вскоре был определен уездным врачом в Гродненскую губернию. В 1863 г. за связь с польскими повстанцами Окинчиц был сослан бессрочно в Кунгур — уездный центр Пермской губернии. Здесь он был частнопрактикующим, а с 1867 г. — городovým врачом.

В 1870 г. Окинчиц перешел на службу в Суксунский горный округ, принадлежавший другой ветви известного рода Демидовых. Здесь он прослужил до 1887 г., получил чин надворного советника и орден Станислава III степени ¹⁵. Окинчиц совмещал работу заводского врача с предпринимательской деятельностью. Он купил у польки Саломеи Козерацкой (вдовы прежнего заводского врача округа А.П. Щербакова) лечебное заведение, созданное на базе серного источника в селе Ключи, расположенного в 15 км от Суксунского поселка. Здесь до настоящего времени находит-

сы известный в регионе санаторий¹⁶. Кроме того, Окинциц по совместительству заведовал и северным участком Красноуфимского уездного земства, получая дополнительное жалование в 500 рублей.

В 1887 г. он вернулся в Кунгур, где получил должность городского врача с жалованием в две тысячи рублей. В конце жизни он служил врачом в Перми. Сохранилась его могила на католическом кладбище Пермского некрополя.

Окинциц был католиком, но имел жену-протестантку. Все их пятеро детей также были протестантского вероисповедания. Один из сыновей Окинчица — Людвиг (1874—1942) избрал карьеру врача. После окончания Военно-медицинской академии он остался служить в Санкт-Петербурге, став известным специалистом в онкологии¹⁷.

Адам Волянский (1836—1904), получивший отчество Петрович, также успел послужить и в земстве и на частных горных заводах Урала. Этот уроженец Вильно в 1859 г. окончил Киевский университет, получив звание лекаря. После этого Волянский занимался частной практикой, а в 1861 г. поступил на государственную службу — виленский уездным врачом. Здесь он получил бронзовую медаль в память об усмирении польского восстания 1863—1864 годов.

Большую часть жизни Волянский провел на Урале. В 1872—1876 гг. он первый раз служил в Екатеринбургском уездном земстве (Каслинский участок). Затем Волянский перешел работать в частный Кыштымский горный округ (в который входил и поселок Каслинского завода). Здесь он прослужил до 1883 г., по совместительству занимая и должность земского врача Каслинского участка (в 1878—1889 гг.). После того, как новым кыштымским заводским врачом был определен Д.А. Никольский (1855—1918), Волянский в третий раз поступил на службу в Екатеринбургское земство, где и состоял до самой смерти в том же Каслинском участке. Здесь он получал 1800 руб. жалования, а затем и надбавку за выслугу в 300 рублей.

Волянский имел двух дочерей и сына Адама (1864—1893). Адам Станислав или на русский манер Адам Адамович в 1892 г. получил степень доктора медицины в Краковском университете, после чего вернулся к отцу. Он также поступил на службу в Екатеринбургское земство: сначала как временный санитарный врач, а затем замещающая участкового врача, находившегося в отпуске. В 1893 г. Волянский-младший умер во время эпидемии тифа в Каслинском заводе, помогая отцу в лечении больных¹⁸.

На кладбище города Касли Челябинской области сохранились могилы двух врачей Волянских. Местный краевед Г.М. Коровин разместил материалы о них на городском Интернет-портале¹⁹.

В целом сохранившиеся документы показывают много общего в биографиях и деятельности врачей-поляков, служивших на уральских горных заводах в XIX веке. По происхождению большинство из них были беспоместными дворянами, не имевшими особых перспектив на родине. Все, кроме Окинчица, оказались на Урале по направлению или распределению, в основном сразу после получения медицинского образования.

Урал фактически стал для них второй родиной. Шесть из девяти известных нам врачей-поляков прослужили на горных заводах Урала более 20 лет (Оссовский, Романовский, Стржалковский — минимум по 23, Ходорович — 26, Варвинский и Нехведович — по 31). Еще двое (Волянский и Окинциц) прожили в регионе по четыре десятилетия.

Карьеры большинства врачей-поляков на горных заводах Урала можно оценить как весьма успешные. Четверо из них стали инспекторами по медицинской части (старшими врачами) в казенных округах. Нехведович успешно прижился в богатейшем на Урале Нижнетагильском округе. Окинциц и Волянский совмещали работу на частных заводах со службой в земстве и предпринимательской деятельностью. Это приносило им солидный для того периода времени доход.

Большинство этих врачей имели большие семьи. В многонациональной Российской империи у исповедовавших католичество Ходоровича, Стржалковского и Окинчица были жены и дети других христианских вероисповеданий. Как минимум, двое сыновей этих врачей, пошли по стопам отцов, получив высшее медицинское образование.

1. Большинство этих врачей обучалось как казеннокоштные воспитанники, обязанные по окончании обучения отработать по распределению определенное количество лет.
2. Многие уездные и городовые врачи польского происхождения, служившие на Урале в тот период времени, наоборот, находились здесь в ссылке.
3. В ряде документов его фамилия написана через о — Ворвинский. В России он получил отчество Федорович.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 24, оп. 12, д. 1839, л. 185—186; ф. 40, оп. 1, д. 59, л. 34—36.
5. Архив г. Златоуста, ф. И-19, оп. 1, д. 287, л. 11—12об.
6. ГАСО, ф. 24, оп. 33, д. 19, л. 4—5; д. 49, л. 22—23; д. 245, л. 11—12; ф. 43, оп. 2, д. 1626, л. 25.
7. Сам Нехведович писал свое имя с буквы О — Онуфрий, а Н.Н. Демидов с А — Ануфрий. К нему по русской традиции добавляли отчество Игнатьевич.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1267, оп. 3, д. 382, л. 1—37; д. 383, л. 1—28об.
9. ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1465, л. 5—6. С 1831 г. в Уральском горном правлении был медицинский инспектор по частным заводам. Эту должность занимали два врача-иностранца: доктора медицины М.Г. Вульф (1831—1848) и К.А. Тиме (1848—1869).
10. ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 2306, л. 1—3; оп. 32, д. 437, л. 197—198; оп. 33, д. 1213, л. 10. После ликвидации в штатах казенных заводов 1847 г. должности инспектора по медицинской части Ходорович стал старшим врачом Екатеринбургского округа.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 44, оп. 1, д. 831, л. 48—52.
12. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 6, оп. 4, д. 9670, л. 1.
13. РГИА, ф. 44, оп. 1, д. 534, л. 47об.—49; ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 280; оп. 2, д. 1317, 1920.
14. РГИА, ф. 37, оп. 5, д. 205, л. 131, 204.
15. ГАСО, ф. 24, оп. 16, д. 190, л. 19об.—23.
16. Его брат — Владислав Окинчиц также состоял на службе в Красноуфимском земстве, в 1876 г. заведовал Нижнесергинскими минеральными источниками. Здесь в настоящее время находится известный в регионе санаторий.
17. См.: ЛАПШИНА С.Т. К вопросу о польских ссыльных в Кунгуре. В кн.: Грибушинские чтения. 2006. Кунгур. 2006, с. 199—201; Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб. 2009, с. 75—79; ТОКАРЕВА Н.Н. Сукеунский заводской врач Л.Ф. Окинчиц. В кн.: Материалы Мизеровских чтений. Екатеринбург. 2011, с. 49—50.
18. ГАСО, ф. 18, оп. 2, д. 163.
19. Режим доступа: www.kasly.ru. Следует учитывать неполноту размещенных материалов и встречающиеся фактические ошибки.

К вопросу о выводе христиан из Крымского ханства в 1778 г.

Р.Т. Дейников

Одним из «белых пятен» в истории процесса включения Крымского ханства в состав Российской империи является вывод христианских подданных крымского хана в пределы Российской империи в период недолгой «независимости» этого государства.

Кратко напомним предысторию вопроса. В результате русско-турецкой войны 1768—1774 гг. по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору Крымское ханство получило формальную независимость. При этом, договор 1774 г. сохранил религиозную зависимость татар от турецкого султана — халифа «всех правоверных»¹. За Турцией сохранялся также мощный центр влияния в регионе — крепость Очаков. Кроме того, почти все производство и внешняя торговля ханства были ориентированы исключительно на турецкий рынок². Поэтому сразу после вывода российских войск с территории ханства там произошел проосманский мятеж Девлет-Гирея, ставшего новым крымским ханом. К осени 1776 г. быстрыми темпами с османской и крымскотатарской сторон происходила ревизия договоров 1772 и 1774 гг., апофеозом которого стало приостановление Османской империей контрибуционных выплат России с требованием «... отступить от независимости татар, возратить Кинбурн и оставить ей во владение Таман».

После этого, в конце 1776 г., российские войска вступили на территорию Крымского ханства и Санкт-Петербург поддержал мятеж «пророссийской» партии в Крыму во главе с Шагин-Гирей-султаном. Резкая смена внешнеполитических ориентиров нового крымскотатарского правительства, не очень взвешенная реформаторская деятельность молодого хана, а также деструктивные действия османских властей привели к страшному по своим масштабам антиханскому бунту в Крыму в конце 1777 — начале 1778 г., подавленному с помощью российских войск. Все это происходило на фоне подготовки Турции к новой войне, убийства османскими агентами пророссийски настроенного господаря Молдавского княжества Григория III Гики и явно намечающегося общеевропейского кризиса из-за резкого ухудшения отношений между Францией и Великобританией, Пруссией и империей Габсбургов.

В этих условиях, в своем рескрипте графу Румянцеву-Задунайскому от 09.03.1778 императрица Екатерина II дала указание «склонять живущих там (в Крыму. — Р. Д.) греков и других христиан к переселению их в Россию»³. После официального Постановления крымских христиан от 17.07.1778 с просьбой о принятии их в российской подданство и ханского Повеления ко всем в крымских городах каймаканам предположительно от 25.07.1778 с фактическим разрешением выезда в Россию всех желаю-

Дейников Равиль Тагирович — кандидат исторических наук.

щих крымских христиан, начался их массовый выход из Крыма в Россию, который был официально завершен 18 сентября 1778 года.

Надо отметить, что тема переселения христиан Крыма в Россию в той или иной степени затрагивалась в отечественной дореволюционной историографии и весьма активно муссируется современными украинскими исследователями. В советской историографии данная проблема обойдена молчанием.

Целью данного исследования является не описание самого факта выхода крымских христиан в Россию в 1778 г., а попытка рассмотреть ситуацию с выселением христиан из Крыма с точки зрения анализа основных постулатов этого процесса, выдвинутых исследователями.

Впервые серьезно проблему выселения христиан из Крыма затронул в своем труде «Генералиссимус князь Суворов» российский военный историк А. Петрушевский. Он отмечал, что «обладание Крымом в эту пору еще далеко не представлялось за Россией обеспеченным. Надо было и сделать новые ходы, чтобы приблизиться к цели и извлечь из Крыма что можно на случай неудачи. То и другое достигалось переселением из Крыма находившихся там христиан, преимущественно греческой и армянской национальностей. В их руках находились промышленность, садоводство и земледелие горной полосы, что составляло значительную долю доходных статей хана... С другой стороны — представлялась выгода заселения приазовского края многочисленную колонию трудолюбивых, промышленных людей»⁴. Версию об экономической подоплеке выселения христиан из Крыма, которое, якобы, еще более привязало хана к России, практически повторил другой выдающийся российский военный историк Николай Дубровин⁵, а позже и видный крымский историк, один из основателей Таврической ученой архивной комиссии Арсений Маркевич⁶.

В советское время версия дореволюционных исследователей о выселении христиан из Крыма полностью вписалась в материалистическую, «марксистско-ленинскую» теорию исторического процесса. Е. Дружинина фактически поставила жирную точку в рассмотрении причин переселения — не вдаваясь в глубокий анализ проблемы, она отмечала, что «в дальнейшем (после заключения Кючук-Кайнарджийского мира. — *Р.Д.*) русское правительство стало готовиться к включению Крыма в состав России. Одной из важнейших мер в этом направлении являлось переселение из Крыма христианских жителей полуострова... Поскольку именно христиане (греки и армяне) составляли основную трудовую часть населения Крыма, переселение их в Россию означало экономическое ослабление ханства и ставило Крым в прямую зависимость от России»⁷. Эта версия становится доминирующей в процессе изучения проблемы и неоднократно повторяется в разных вариациях и современными исследователями. Вероятно, исходя из логики этих рассуждений, современный отечественный историк Алексей Крючков пишет, что «к анализу названных событий следует, по всей видимости, подходить, учитывая взятый Петербургом с конца 1777 — начала 1778 г. курс на присоединение Крыма»⁸.

Но был ли действительно официальным Петербургом на рубеже 1777—1778 гг. взят курс на присоединение Крыма к России, как полагает значительная группа ученых? На наш взгляд, серьезно вопрос о включении Крымского ханства в состав Российской империи в то время стоять не мог, так как, во-первых, оставались нератифицированными османской стороной многие пункты весьма выгодного для России мирного договора 1774 г.; во-вторых, аннексия Крыма привела бы к серьезным внешнеполитическим осложнениям, которые нарушили бы хрупкий баланс во всей Восточной и Центральной Европе; в-третьих, подобные действия означали бы начало крупномасштабной войны с Османской империей, а к войне Россия была не готова как по внутренним, так и по внешнеполитическим причинам. В результате, значительная часть российского политического истеблишмента считала нецелесообразным присоединение Крымского ханства к России, полагая необходимым сохранение номинальной независимости ханства под покровительством России. Если этого сделать не удастся, то предполагалось разыграть «кубанскую карту», при которой ногайские орды отделились бы от Крыма с созданием «независимого» ханства под протекцией России. То, что данная тенденция в российской политике конца 1777 — начала 1778 гг. стала преобладающей, подтверждается документально. Так, на заседании Го-

сударственного Совета России от 6 ноября 1777 г. было принято решение поручить фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому «убедить хана собственными поступками его к перемене поведения и сколь нужно ему держаться сдешних наставлений, соединить ногайские народы ласкою и деньгами под его послушание, перевести его самого, в случае объявления войны, на Кубанскую сторону, и разорить Крым как вину распрей и дабы турки не имели более способов там утвердиться»⁹. Зачем в случае войны разорять край, который хочешь присоединить к своей державе? Очень важные свидетельства содержатся и в Указе Императрицы П. Румянцеву от 11.02.1778, в котором Екатерина II пишет, что «хотя впрочем толь великая часть Крыма взволновавшаяся противу настоящего своего хана Шагин-Гирея до того в бунте своем упорствует, что вовсе не хочет повиноваться ни ему, ни находящемуся при нем правительству, однакожь тем не меньше польза дел и службы нашей требуют вести его с нашей стороны на ногу владетельнаго и законнаго хана, по последней мере до самой крайности». При этом, однако, императрица замечает: «с другой стороны, сооружение на Кубани независимо от Крымцев благонамереннаго общества под властью Шагин-Гирея-хана, становится, по мнению нашему, вящше и вящше нужным, дабы там сохранить лицо вольной татарской области, еслиб при настоянии войны Крым совсем уже потерян был, а по крайней мере не иметь от Ногайских орд вредной диверсии»¹⁰.

Таким образом, политически в указанный период Россия не готовилась к аннексии Крыма. Но еще ведь остается экономическая составляющая вывода христиан из Крыма. Составляли ли доходы от налогов с христиан основную часть доходов ханства как полагают некоторые исследователи? Вряд ли, учитывая, что Шагин-Гирей-хан, придя к власти, обложил и мусульманское население (которое в несколько раз по численности превосходило христиан)¹¹ такими же податями¹². Да и версия о лишении татарской знати местного источника их дохода в виде сбора налогов с христиан¹² не выдерживает критики. Ведь «при своем избрании он (Шагин-Гирей. — *Р.Д.*) обязался запретить чиновникам брать самим жалованье с платящих подати и десятины и из пошлин, взимаемых прежде ими в свою пользу. Все доходы взял он в свои руки, всякому же из них назначил определенное жалованье»¹³. Согласно данным ряда исследователей, по соглашению с Шагин-Гирей-ханом, Россия в качестве возмещения своих затрат на его постоянную военную поддержку, получила доходы крымской казны с соляных озер и налоги, взимаемые с христиан, а также гавани Балаклавскую и Козловскую¹⁴. Кроме того, современный украинский исследователь П. Марциновский, проанализировав доходные части бюджета Крымского ханства за 1777—1783 гг., пришел к выводу о том, что «в 1777 г. 85% всех ханских доходов находились на откупе у русских купцов. Вряд ли ситуация коренным образом изменилась в следующем году»¹⁵. Так что большой роли для ханской казны налоги с крымских христиан играть в то время не могли.

Тем более, вывод христиан не мог быть связан с ослаблением Шагин-Гирей-хана, который «пытался Крымское ханство превратить в сильное независимое государство», что «никак не входило в планы Екатерины и Потемкина»¹⁶. Напомним, что Шагин-Гирей был возведен на ханский престол с помощью России и в первые три месяца получил от нее только деньгами не менее 65 тыс. рублей¹⁷ (а эта сумма составляет почти 19% от среднего годового дохода в 345,6 тыс. руб. всего Крымского ханства в конце 70 — начале 80-х гг. XVIII столетия¹⁸). На заведенный в Бахчисарае монетный двор поставлялось российское серебро¹⁹. Более того, как сообщает А. Прозоровский графу Румянцеву-Задунайскому по поводу ханского займа в 10 тыс. руб., который «хотя он (хан. — *Р.Д.*) и обещается возратить, однакожь скоро сие ему выполнить очень трудно»²⁰. То есть, в финансовом плане Шагин-Гирей-хан с первых дней своего воцарения был в полной зависимости от России. Но самое главное — новый крымский хан не был утвержден в своем звании халифом всех мусульман-сунитов — османским султаном. Без этого легитимность власти Шагин-Гирея ставилась под сомнение. Не случайно, именно фигура Шагин-Гирея, во многом, являлась камнем преткновения для ратификации Османской империей основных пунктов Кючук-Кайнарджийского мирного договора, о чем 9 января 1778 г. напрямую заявил османский муфтий: «хорошо, если бы российский двор перестал защищать Шагин-

Гирея и не старался бы делать ханом *такую свинью и собаку*, но кого другого, тогда бы и все распри кончили»²¹. Очевидно, что в этих условиях хан не был способен на проведение сколь-нибудь значимой самостоятельной политики, которая бы не устраивала Петербург. Он был зависим в финансовом плане, легитимность его власти держалась на российских штыках, а в дальнейшем — на российской же дипломатии.

Что касается заселения Приазовья выходцами из Крыма — то резон в этом, безусловно, был. Огромная и пустынная территория Новороссии заселялась недостаточными темпами. В этой связи, организованное переселение греков и грузин в Александровский, а армян — в Ростовский уезд резко увеличило население этих крайне малонаселенных районов²². Большинство этих людей были торговцами, ремесленниками и ростовщиками. В короткое время они смогли переориентировать внешнеэкономические связи Крымского ханства с Османской империи на Россию. Однако, все же, мы не можем согласиться с С.Ф. Орешковой, которая полагает, что основной причиной указанной акции служила исключительно заинтересованность России «в быстрой заселении своих новых южных окраин... Экономическое же последствие этого мероприятия для Крыма российские власти тогда мало интересовали»²³. Вероятно, указанной причины все же должно быть недостаточно для проведения столь масштабной и дорогостоящей акции. Напомним, что только прямые затраты России на проведение переселения (без учета субсидий хану и знати, а также финансовых и налоговых преференций переселяемым) составили сумму, не менее 130 тыс. рублей²⁴.

Итак, версия причин переселения крымских христиан в Россию в 1778 г., связанная с экономическим ослаблением Крымского ханства в преддверии его аннексии Россией с одновременным заселением Новороссии представляется нам малоубедительной, а иногда и прямо опровергается официальными документами. Тем более не выдерживает никакой критики трактовка переселения христиан в качестве широкомасштабной экономической диверсии России в отношении Крымского ханства, направленной на подрыв его экономики и финансов²⁵. Известно, что земли и угодья, оставляемые христианами, отходили хану²⁶. Более того, Шагин-Гирей-хан отказался не только компенсировать христианам оставляемую недвижимость (особенно сады) и выданные ссуды бежавшим татарским мурзам, чье имущество было конфисковано в ханскую казну, но даже имеющиеся «долги на чиновниках... и на самом хане»²⁷.

Вторая крупная группа исследователей поддерживает официальную версию выезда христиан из Крыма, озвученную впервые в марте 1778 г. в рескрипте Екатерины II. В этом документе говорится, что «сие (переселение крымских христиан в Россию. — Р.Д.) делается в предупреждение могущаго им быть мшнения от татар и может статься и от турок, если оные в Крым придут»²⁸. Подобное мнение было характерно как для дореволюционных исследователей²⁹, так и для наших современников³⁰. Правда, справедливости ради стоит отметить, что эти исследователи всегда рассматривали угрозу жизни крымских христиан лишь как одну из основных, но не единственную причину их переселения. Как не странно, наиболее четко позицию указанной группы выразила видный представитель британской школы историков-славистов Исабель де Мадариага: «План (эвакуации христианского населения Крыма. — Р.Д.) возник в 1777—1778 гг., порожденный, вероятно, вполне обоснованным страхом перед возможными мусульманскими репрессиями в отношении христиан после выхода российских войск. Но выгода от привлечения большой группы поселенцев-христиан на южнорусские территории скоро заслонила собой первоначальную причину переселения, и опасения за безопасность крымских христиан стали обычным предлогом»³¹.

Общеизвестно, что в Крымском ханстве судебная система основывалась на нормах Шариата, опирающегося в свою очередь на Коран, Сунну, Кияс и фикх. Как отмечает исследователь государственного и правового устройства Крымского ханства Фатма Аметка, «особенностью осуществления правосудия в Крымском ханстве является его религиозный характер, каким переполнены все этапы судопроизводства. Не только само правосудие основывалось на религиозно-правовых нормах, но и организация судопроизводства составляла религиозно-правовое действо»³². При этом, «все, что учинено не в соответствии с шариатскими постановлениями считается, незаконным, и объявляется недействительным»³³. Не стоит и говорить, что нему-

сультмане в ханстве были зачастую лишены правовой защиты. Как совершенно справедливо отмечал российский историк XIX в. Феокист Хартахай, «все иноверцы, жившие отдельными общинами, составляли как бы отдельные сословия. Они не были рабами татар (рабами в полном смысле были только одни военнопленные), но, лишённые строгого покровительства законов государства, представляли средину между рабом и полноправным гражданином»³⁴. По сведениям современного турецкого исследователя Турана Ахмета Незихи, с конца XVII столетия «было повелено, чтобы «племя неверных носило приметы», то есть имело на своей одежде специальные знаки, указывающие на то, что они не мусульмане. Кадии должны были... наказывать тех, кто ему (повелению. — *Р.Д.*) не подчиняется»³⁵. Тем не менее, при всей тяжести положения христиан в Крыму, описанной выше, надо признать, что они приспособились и даже многие из них благоденствовали. Ситуация стала меняться после окончания русско-турецкой войны 1768—1774 годов. Не считая всех ужасов войны, которые испытало население ханства, это пограничное государство оказалось в системном кризисе, когда его социально-экономические и административно-политические проблемы были помножены на углубляющийся этно-национальный кризис (противостояние ногайцев и крымских татар, мусульман и райя) и раскол политической элиты (так называемая «пророссийская» и «проосманская» партии). Все это привело к фактически непрекращающейся гражданской войне и чехарде Гиреев на бахчисарайском престоле. Естественно, положение христианского населения ханства существенно осложнилось хотя бы из-за их вероисповедания, учитывая, что все русско-турецкие войны велись под идеологическим прикрытием защиты веры как с одной, так и с другой стороны. В этой связи, были и грабежи, и насилия. Например, о прямом вымогательстве Девлет-Гирей-хана свидетельствует современник событий карим Рабби-Азарья (иудей), утверждавший, что под вымысленным предлогом «жители монастырской обители (Успенского монастыря. — *Р.Д.*) были схвачены, и скотанные брошены в заключение, и мучимы разными истязаниями... Монахи... должны были внести 1000 груш (вероятно, речь идет о турецком пиастре. — *Р.Д.*) после чего были освобождены из заточения»³⁶. По данным украинского исследователя М. Сухарева, речь в данном случае шла не о простых монахах, а о митрополите Игнатии и его помощнике по епархиальному управлению протоиерее Трифилии³⁷. О постоянных проблемах у христиан Кафы, включая осквернение церкви, докладывал П. Румянцеву А. Прозоровский³⁸.

Крайняя нестабильность ситуации в Крымском ханстве заставила Россию напрямую вмешаться в борьбу крымских политических партий, и в начале 1777 г. с ее помощью ханом стал Шагин-Гирей, который в числе своих реформ произвел «уравнение греков и армян его (крымского хана. — *Р.Д.*) области в податях и прочих преимуществах с магометанами». Это посчиталось среди татар «за наичувствительную обиду и к роду своему презрение, чрез что и возрастает между народом молва и роптание, а между чиновниками неудовольствие и огорчение»³⁹. Реформы хана привели в начале октября к бунту в Крыму и глубокому международному кризису, грозившему перерасти в полномасштабную войну между Россией и Османской империей. Так, в момент крымского восстания Блистательная Порта присоединила к своей территории крымские земли в Бессарабии, создав новый пашалык с включением в него Каушан, Балты, Дубоссар и прочих земель до р. Буг. Также «проосманской партией» при непосредственном участии турок были проведены перевороты в Дунайских княжествах⁴⁰. Напомним, что пункт 16 Кючук-Кайнарджийского российско-османского договора прямо прописывал права и привилегии указанных княжеств и их правителей, гарантом которых являлись обе стороны договора.

Тем временем, бунт в Крыму все разрастался. Коммуникации Крымского корпуса оказались перерезанными, и князь Прозоровский, запаниковав, перевел антиханский мятеж в межконфессиональный конфликт. Сначала, осадив Карасубазар и узнав, что мятежники в горы «увезли своих жен и детей... послал вооруженных албанцев (в данном случае албанцами называли греков из Архипелага, активно поддерживавших российские войска в войне 1768—1774 гг. и эвакуированных в Россию после снятия русским флотом морской блокады Проливов. — *Р.Д.*), требуя оных из Еникаюля.., с тем, чтобы они там грабили и истребляли бунтовщиков»⁴¹. Затем, митрополит

Готфейский и Кафайский Игнатий⁴² по просьбе Прозоровского выступил с призывом «о соглашении всех христиан поднять противу их (бунтовщиков. — *Р.Д.*) оружие». При этом, Прозоровский докладывал Румянцеву, что «обнадежил их (христиан. — *Р.Д.*) по благополучному успехе отменным вашим сиятельством и чрез ходатайство ваше высочайшим ея императорского величества покровительством»⁴³. Между тем, в Кафе с помощью османских войск высадился прибывший из Стамбула новый претендент на ханский престол — Селим-Гирей. А уже в начале 1778 г., согласно докладу российского резидента в Османской империи А. Стахиева, в Стамбуле была арестована вся крымскотатарская делегация от Шагин-Гирея и «Порта... через Очаков отправила в Крым салахора Хаджи-бея к Селим-Гирей-хану с обыкновенною инвеститурою его на ханство»⁴⁴. Совершенно очевидно, что, несмотря на подавление острой стадии бунта, со дня на день можно было ожидать прямого военного вмешательства Османской империи в крымские дела. А тут еще и активное участие местных христиан и «албанцев» в карательных походах ханских войск против бунтовщиков. Рабби-Азарья отмечал, что «Греки и Армяне... грабили и убивали Мусульман и издевались над их религиею, и потому с восстановлением мира и порядка они боялись, чтобы Татары не отомстили им за претерпенныя от них гонения во время войны»⁴⁵.

Мы думаем, что все сказанное выше показывает реальность весьма значительной угрозы, возникшей перед христианским населением Крыма. Соответственно, основополагающей причиной вывода христиан из Крыма в 1778 г. являлось все же стремление России эвакуировать с полуострова в условиях гражданской войны и угрозы османской интервенции единое и традиционно благожелательно настроенное к России население. Ведь говоря о «восточном вопросе» во внешней политике Российской империи XVIII столетия, мы почему-то совершенно забываем о важнейшей составляющей этой политики — религиозной. Как правильно отмечала известный отечественный этнолог и историк Светлана Лурье, «Российская Империя, в плане религиозно-мистическом, осознавала себя как продолжение Римской и Византийской Империй, как Третий Рим. Вопреки часто раздающимся утверждениям... идея Третьего Рима — это вполне осязаемая политическая реальность, признававшаяся не только в России, но и во всем православном мире... Православная мысль не считалась и не хотела считаться с многочисленностью земных царств — все это были царства языческие, неистинные. Православное царство могло быть лишь одно — Римское (продолжением которого считалась Российская империя. — *Р.Д.*) и все прочие православные государства воспринимались не иначе как его подданные»⁴⁶. Очевидно, что эта направленность соответствовала логике российского имперского строительства и не могла игнорироваться во внешней политике государства. При этом, вероятная выгода этого шага для развития пограничных и малозаселенных российских губерний не могла сравниться по важности задачи с религиозно-этической составляющей эвакуации христиан из потенциально враждебного им мусульманского государства.

Казалось бы, что вопрос об инициаторах выселения христиан из Крыма не должен быть предметом дискуссии в то время, когда доступен большой пласт весьма авторитетных источников. Тем не менее, и в данном случае мы наблюдаем различие во мнениях. Фактически, в научных кругах сложилось две точки зрения на данный счет. Первая группа исследователей полагает, что основная инициатива этого процесса исходила от митрополита Готфейского и Кафайского Игнатия⁴⁷. Так, профессор Алан Фишер (Alan Fisher) прямо пишет, что инициатива выхода христиан в Россию шла не от широких масс греческого и армянского населения Крыма, а от митрополита Игнатия⁴⁸.

Вторая большая группа исследователей, основываясь на превалировании экономических причин выселения христиан из Крыма, отмечала, что инициатива их выселения целиком исходила от российского правительства. Так, еще в XIX столетии Дубровин писал: «Россия успела... поставить Шагин-Гирея в еще более зависимое положение. В Крыму находилось в то время много христиан, произведения труда которых составляли главные статьи доходов хана... С выселением их вся культура ослаблялась и доходы хана ограничивались. Под предлогом опасности, которой под-

вергались христиане при всякого рода возмущениях татар, русское правительство успело вывести в Россию до 30 000 человек греков и армян»⁴⁹.

В ходе российско-османской войны Крымский полуостров в 1771 г. был оккупирован российскими войсками. При этом, христианское население ханства встречало русских более, чем доброжелательно⁵⁰. Более того, в июне 1771 г. не без помощи местных христиан российскими войсками практически без потерь была взята хорошо укрепленная Кафа с многотысячным османским гарнизоном⁵¹. В результате, как отмечает А. Маркевич, в отношении христиан ханское правительство приняло репрессивные меры. Так, вспышки репрессий имели место в 1770, 1772 и 1774 годов⁵². В самый разгар указанных событий, 27 апреля 1771 г., в Крым прибыл новый митрополит Игнатий⁵³. Естественно, то, что Игнатий увидел в своей новой епархии, его ошеломило. Вероятно, с этим связаны два его обращения в Синод РПЦ от 29 сентября 1771 г., а также к Екатерине II от 8 декабря 1772 г., в которых митрополит затронул вопрос о возможности переселения крымских греков в пределы православной России с целью сохранения веры и национальных обычаев⁵⁴. Однако это было в то время не реально, так как российское правительство полагало, что «отторжение их (татар. — Р.Д.) от Порты может почесться самым важным приобретением, каково мы от сей войны ожидать имели»⁵⁵. Поэтому, важнейшей внешнеполитической задачей российской дипломатии первой половины 70-х гг. XVIII в. было добиться признания Османской империей факта независимости от нее Крымского ханства. Тем не менее, с подачи все того же Игнатия, вскоре после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г. все крымские христиане были взяты под особое покровительство правительства России⁵⁶.

Однако, на рубеже 1777—1778 гг. о каких-то предложениях митрополита по эвакуации христиан из Крыма в Россию нам не известно. При этом, совершенно очевидно, что в разгар бунта Батыр-Гирея/Селим-Гирея, именно в российских правительственных кругах начала активно муссироваться тема защиты христиан Крыма. Судя по всему, первые так сказать официальные мысли по этому поводу были озвучены Екатериной II в рескрипте графу Румянцеву от 11 ноября 1777 года⁵⁷. К сожалению, непосредственно этот документ нами не обнаружен, но уже в марте 1778 г. императрица отдала распоряжение, которое снимает, на наш взгляд, все вопросы по инициатору вывода христиан из Крыма: «из последних донесений ваших относительно до Крыма усмотрели мы, что сделали вы с своей стороны предписание генерал-поручику князю Прозоровскому, чтобы он старался склонять живущих там греков и других христиан к переселению их в Россию. Мы приемля пункт сей со всею важностию, не можем довольно предписать средств, коими помянутый генерал-поручик долженствует усугубить все возможные для него способы уговаривать их, чтобы добровольно согласились перенести домовство свое в Новороссийскую и Азовскую губернии... А особливо уговаривать к тому тамошняго митрополита, обнадежа его разными выгодами»⁵⁸. Исполнительный вояка Прозоровский практически сразу побеседовал с митрополитом Игнатием. 18 апреля он сообщил Потемкину, что митрополит «объявил мне, что его эмиссары употребленные в праздничные дни между христиан для отобрания их мыслей в выходе отсюда возвратились и на каких кондициях объявили они свое желание»⁵⁹. Россия приняла указанные «кондиции» и 17 июля было представлено Постановление крымских христиан, начинавшееся словами: «Все общество крымских христиан, греческаго, армянскаго и католическаго законов, вступая в подданство всероссийское, с согласия и доброй воли, чрез преосвященнаго митрополита Игнатия просят ея императорскаго величества милости высочайшего покровительства...»⁶⁰.

Таким образом, мы можем сделать однозначный вывод о том, что инициатива вывода крымских христиан в Россию в 1778 г. принадлежала правительству России, а митрополит Игнатий (как и религиозные лидеры армян-григорианцев и армян-католиков) явились лишь удобным инструментом в руках России.

Доказав этот факт, самое время ответить на вопрос — был ли этот процесс добровольным или являлся насильственным.

В отечественной историографии подобный вопрос специально не рассматривался, так как нет явных свидетельств насильственного вывода христиан из Крыма.

Однако в ряде современных украинских исследований иногда присутствуют весьма тенденциозные высказывания на этот счет. Так, доказывая факт принуждения христиан к переселению, А. Герасимчук цитирует неназванную статью из «Известий Таврической ученой архивной комиссии» № 30, 1899 г.: «когда в 1778 г. греков переселяли из Крыма, то многие из них, не желая покидать родные края, приняли мусульманство и сказались татарами. И до сих пор в некоторых селениях Южного берега татары соблюдают христианские обычаи и носят чисто греческие фамилии»⁶¹. Однако в указанном номере ИТУАК такой цитаты просто нет (как и вообще материалов, касающихся переселения христиан в 1778 г.). А Е. Княгинин, утверждает, что «в ответ на многочисленные жалобы правитель Малороссии граф Румянцев строго наказал Суворову (сменившему в апреле 1778 г. кн. Прозоровского на посту командующего Крымским корпусом российских войск. — *Р.Д.*), чтобы ни один казак с плетью за крымскими христианами не гонялся»⁶². Однако среди опубликованных писем Румянцева-Задуняевского за 1778 г. мы не смогли обнаружить этого «строгого наказа» Суворову. Ссылка на подобное «строжайшее запрещение» есть в ответном письме Румянцева Шагин-Гирей-хану от 02.09.1778, но, очевидно, что эти слова призваны были успокоить раздраженного хана, тем более, что их предваряла довольно жесткая отповедь⁶³ на выраженное ханом сомнение по поводу добровольности выхода крымских христиан⁶⁴. Суворов, при всем своем служебном рвении, в данном вопросе был чужд какого-либо насилия. Так, сохранилась его гневная записка резиденту (посланнику) при ханском дворе А. Константинову, датированная 5 августа 1778 г.: «Ея императорского величества исходящие крымские христиане, из них один в железзах... Отвергните сие, милостивый государь мой, и тот чтоб сейчас свободен был ехать...»⁶⁵. Поэтому, когда в сентябре хан, ссылаясь на письмо Румянцева, передал Суворову «запрещение насильственного вывода христиан», мнительный генерал-поручик, находившийся, по его собственным словам, в «когтях ханского мщения», весьма обиделся. Так, он жаловался своему приятелю Турчанинову (секретарю князя Потемкина) на командующего и этот его запрет, переданный Суворову через недружественно к нему настроенного Шагин-Гирей-хана, в то время, «когда ни один казак с плетью ни за кем не гонялся»⁶⁶. Именно из этого контекста и вырвал Княгинин фразу про казака с плетью в доказательство имевшего место насилия. На наш взгляд, подобное использование источников для «доказательства» верности собственной концепции вряд ли можно признать корректным с научной точки зрения.

В этой связи, когда нет доказательств реального насилия российских войск при переселении христиан, приведенная А. Герасимчуком цитата из статьи некоего В. Джувага — «Переселением греков руководил генерал А. Суворов. Оно проходило жестоко. По семейному преданию, моих предков-греков зарубили солдаты за отказ переселяться»⁶⁷ — выглядит, по крайней мере, фантастической. Также как и цитируемая многими украинскими авторами фраза из статьи археолога и нумизмата А. Бертъе-Делагарда: «выходили христиане с горькими рыданиями, бегали, скрывались в лесах и пещерах, мало того, принимали мусульманство, лишь бы только остаться в родной земле»⁶⁸. Однако, во-первых, г-н Бертъе-Делагард никогда не занимался серьезно указанной проблематикой; во-вторых, статья «Керменчик (крымская глушь)», откуда взята цитата, была опубликована в виде художественно-познавательного эссе по итогам археологической экспедиции по поиску античных и раннесредневековых артефактов; в-третьих, указанная фраза вырвана из контекста критики автором действий российских властей в XVIII в., потерявших «с выходом христиан... лучших посредников между собой и татарами, отодвигая, быть может, навсегда, тогда, вероятно, легко доступную задачу возвращения горных татар вновь к незабытой ими вере отцов, к христианству»⁶⁹. Так, что г-н Бертъе-Делагард в данном случае выступал не как ученый, а как воинствующий борец за христианство, считавший Крым оплотом своей веры и осуждавший любые шаги, способствующие утверждению ислама на полуострове. Можно ли в этой связи для доказательства собственной правоты ссылаться на фразу указанного автора, тем более не подкрепленную ссылками на источники? Да и как в случае жесткой депортации с применением силы объяснить то, что достаточно большое количество христиан (именно христиан, а не тех из них, кто принял ислам) все же осталось на полуострове? Ведь этому факту есть документаль-

ные подтверждения. Например, спустя почти три года после переселения христиан, Азовский губернатор Василий Чертков писал тогдашнему резиденту в Крыму: «Известясь чрез армянскаго архиепископа Иосифа, что... некоторое число одноверцев, оставшись там при выходе из Крыма собратий их сюда, донныне жительствоуют в Крыму... Не пожелают-ли и те жительствующие ныне в Крыму армяне к переходу оттоль для соединения с их одноверцами сюда, — ваше превосходительство покорнейше прошу в преклонении их к тому взять все удобовозможныя меры, изъясняя им все выгоды и пользу, клонящихся к их благосостоянию... И когда будет их на то желание, то не оставьте, милостивый государь мой, отправить их сюда, при уведомлении вашем ко мне, отобрав каждого мысли, где они пожелают поселиться — в Нахичевани или здесь — в Екатеринославе, дабы посредством сего вашего уведомления можно было скорее приступить к их удовлетворению»⁷⁰. Странная переписка для чиновников, занимавшихся «депортацией».

17 июля 1778 г. появилось официальное обращение лидеров крымских христиан во главе с митрополитом Игнатием к российскому правительству с просьбой принять их в российское подданство и позволить переселиться в пределы империи. Этому обращению христиан предшествовали бурные внешнеполитические события:

Во-первых, мобилизация османского флота и выход его 9 июня под командованием самого капитан-паши или капудан-баши (командующий флотом Османской империи) к берегам Крымского ханства. Только своевременное военное укрепление всех гаваней ханства и удачное маневрирование российско-татарских войск помешало османскому флоту высадить крупный десант на полуострове. Эти военные приготовления, подкрепленные отказом Османской империи от контрибуционных выплат России по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора⁷¹, воинственной риторикой и даже оскорбительными антихристианскими действиями⁷² привели к подаче 28 июня российским министром при Османском Дворе (полномочным послом) А. Стахиевым мемориала (ноты) с просьбой о разрешении российской дипломатической миссии выехать на родину, что означало разрыв дипломатических отношений, то есть войну.

Во-вторых, военный конфликт ведущих западноевропейских держав между собой. В июле 1778 г. Пруссия объявила войну империи Габсбургов (война за «баварское наследство»). Данный конфликт был осложнен наличием военных союзов империи Габсбургов с Францией и Пруссии с Россией соответственно. Кроме того, 6 февраля 1778 г. Франция признала Соединенные Штаты Америки и заключила с ними союзный и торговый договоры, что привело к началу войны между Францией и Англией.

Таким образом, Россия и Турция к июлю 1778 г. стояли на пороге новой войны, грозившей перерасти в общеевропейский конфликт. Одним из театров грядущих военных действий со всей очевидностью должна была стать территория Крымского ханства с вытекающими отсюда последствиями в виде, во-первых, угрозы жизни и имуществу мирных жителей (особенно христиан в условиях все возрастающей религиозной нетерпимости) и, во-вторых, полного паралича черноморской торговли с разорением крымских купцов, занимавшихся этим бизнесом (преимущественно армяне и греки). А к этому еще стоит добавить, что в результате мятежа конца 1777—начала 1778 г. «в горах, где большею частью живут христиане... в бывший мятеж все селении почти генерально разорены и суда какие были сожжены»⁷³.

Объективно, христианское население Крыма было заинтересовано в создавшихся внутри- и внешнеполитических условиях в переселении на территорию Российской империи на определенных условиях. И эти условия были Россией созданы. Так, новым колонистам пожаловали щедрые земельные наделы и значительную гражданскую, религиозную автономию в рамках российских законов. Кроме того, выезжающие христиане получили от России беспрецедентную помощь в виде: обеспечения транспортом для не имеющих подвод; фактической покупки нетранспортабельного имущества, виноградников и даже «зерновых произращений» (то есть посевов); компенсации за крымскотатарские долги (как частные, так и правительственные) и долги ряда христиан перед отдельными татарами; обеспечения малоимущих фуражом и провиантом в пути; обеспечения приема фуража, провианта и

сена у христиан в Крыму по квитанциям, которые можно было обналчить в Перекопе и Арабате и т.д.

Но это все объективные моменты. Другое дело, что с насиженного места, со своей Родины, далеко не каждый может легко уехать. Хотя, по сообщению Суворова, еще до начала целенаправленного переселения христиан «некоторые усердствующие..., за свои деньги и не дешевой ценой покупают повозки и лошадей, дабы наипоспешнейше отправится впредь лежащий им путь»⁷⁴. Не будем забывать и другой существенный момент. Крымское ханство последней трети XVIII столетия — это типичное позднесредневековое общество, притом с ярко выраженной теократической исламской традицией во всех сферах жизни. В этой связи немудрено, что для крымских жителей XVIII в. были крайне важны такие понятия, как государь (хан и, опосредованно, султан и российская императрица); сословия; общинная и цеховая иерархия; религиозная идентичность. А христиане (как, собственно, и иудеи), будучи религиозным меньшинством в средневековом, почти теократическом государстве, для того, чтобы выжить и сохранить свою национально-религиозную идентичность, просто обязаны были объединяться в сообщества таких же как они. Все же эти сообщества были, в свою очередь, объединены не столько языком, сколько религией. Как замечает М. Араджиони, «утрата родного языка (языковая ассимиляция) не влекла за собой потерю этнической идентичности, в то же время, смена религии означала переход в другую конфессиональную общность, что в средневековье было равнозначно смене также и этнической идентификации (этнической ассимиляции)»⁷⁵.

Для христиан Крыма становилось весьма значимым моментом то, что их «старшины и знатные люди» через своих духовных лидеров и с подачи официальных представителей российской императрицы (которую их государь, крымский хан, именовал не иначе как «всемиловитившей покровительницей нашей»⁷⁶), подали Постановление крымских христиан с просьбой о принятии их в российское подданство и, соответственно, о выводе их в пределы Российской империи. К этому надо добавить, что по данным современных украинских исследователей Наталии Терентьевой и Наталии Бацак, «Митрополит имел чрезвычайную власть над христианским населением полуострова: все стороны духовной, политической, экономической и общественной жизни греков находились под его юрисдикцией»⁷⁷. Проблема заключалась лишь в том, что указанное Постановление крымских христиан все же было подано без ведома их законного государя — хана. В связи с этим многие христиане и колебались. Ситуация изменилась после того, как 25 июля крымский хан все же дал свое согласие на вывод христиан в Россию⁷⁸. С точки зрения человека того времени, это означало, что твой государь (в данном случае хан) «отдал» тебя другому государю. Отсюда становятся понятны и высокие темпы эвакуации христиан из Крыма (не более двух месяцев) и значительно большее число реально выехавших (согласно рапорту Суворова от 18.09.1778 выехали из Крыма 31 098 чел., и на зимовку в Ениколе и Черкасе остались еще 288 чел., которые собирались уехать в следующем году⁷⁹), чем предполагалось ранее.

Таким образом, мы считаем сам термин «депортация» (изгнание, принудительная высылка) неприменимым к ситуации с крымскими христианами в 1778 г., т.к. отсутствуют факты использования военной силы, а сами новые подданные Российской империи получили беспрецедентные финансово-экономические и гражданско-религиозные преференции. При этом, очевидно, что многие христиане покидали свою Родину неохотно. Однако инициированные Россией юридические решения⁸⁰, возбужденная Россией же активность греческих и армянских религиозных лидеров в желании эмигрировать в Россию, а также нарушенное в Крымском ханстве этноконфессиональное равновесие и постоянная угроза войны, практически вынудили подавляющую часть христианского населения Крыма покинуть обжитые места. Вероятно, с некоторой натяжкой, переселение крымских христиан в Россию в 1778 г. можно считать вынужденной эмиграцией.

В октябре 1778 г. был завершён вывод христианского населения с территории Крыма. По весьма красочному выражению Н. Терентьевой и Н. Бацак, «инициаторам переселения удалось нанести сокрушительный удар и без того подорванной войной экономике ханства. Лишенный основной части своего производителя, Крым попал

в прямую зависимость от России и уже в конце 1778 г. на полуострове распространился голод»⁸¹. В конце 1778 г. в Крыму действительно был голод, но стал ли он следствием выхода христианского населения с полуострова? В начале августа 1778 г. Суворов писал о неурожае в Крыму. Тем не менее, произведенная оплата христианам за «остающаяся зерновые произрашения» была осуществлена, исходя из совокупного урожая с их полей в объеме около 50 тыс. четвертей⁸². В то время четверть, как мера объема сыпучих тел в России равнялась 131 кг. Таким образом, не сложно подсчитать, что весь урожай зерновых (пшеница, рожь, просо) крымских христиан в 1778 г. чуть превышал 6,5 тыс. т. При этом, П. Марциновский высчитал «средний валовой объем сбора зерновых (в Крыму. — *Р.Д.*) с 1778 по 1782 гг. — 54,5 тысячи тонн»⁸³ или более 416 тыс. четвертей. То есть, христиане Крыма производили не более 12% всех зерновых на полуострове. Стоит также отметить, что собранный после христиан урожай пошел на снабжение российских войск в том же Крыму, а сами выехавшие христиане семенным, фуражным зерном и мукой снабжались уже на территории Российской империи. Таким образом, выезд христиан никак не спровоцировал голод на полуострове в конце 1778 года. Объяснение крымского голода в этот период было дано непосредственным участником событий — Рабби-Азарья, который писал: «между тем настал в Крыму голод... В 12 день месяца Тевет, то есть Декабря, упал большой снег в целом полуострове и покрыл землю почти на аршин, а в лесных местах высота снега доходила даже до полутора аршина, все воды и пруды замерзли, мельницы остановились и оказался большой недостаток в муке. Россия снабдила Крым мукою»⁸⁴. При этом, Крым не мог в это время получить припасы из Османской империи по причинам зимнего времени года, при котором отсутствовала черноморская навигация; напряженных отношений между Стамбулом, с одной стороны, и Санкт-Петербургом и Бахчисараем — с другой; недостатка хлеба в самой Турции в связи с неурожаем и разразившемся в 1778 г. в связи с этим голодом.

И, наконец, остался последний серьезный дискуссионный момент в исследовании проблемы переселения христиан из Крыма — ситуация с их возможной массовой гибелью уже в пределах Российской империи.

18 сентября 1778 г. из Крыма вышло 31 098 чел. обоего пола, из них — 18 335 греков, 12 383 армян, 219 грузин, 161 волох. Кроме того, остались зимовать в Крыму 60 греков, 228 армян⁸⁵. Все партии выходящих христиан направлялись к Александровской крепости (нынешний город Запорожье), где они проходили регистрацию, карантин и ставились на казенное довольствие. Согласно данным Ведомости земского комиссара капитана Булгакова от 27.12.1778 известно, что через эту крепость прошли 30 690 человек⁸⁶. По сравнению с данными Суворова, это количество на 408 чел. меньше. Вероятнее всего, это погибшие в дороге люди, так как, по данным Архиепископа Херсонского и Таврического Гавриила, «... к сожалению обстоятельства не совсем тому (переселению. — *Р.Д.*) благоприятствовали. Между переселяющимися открылись разные недуги, и сверх-того появилась в то время в Новороссийской и Азовской губерниях повальная болезнь, отчего многие в дороге померли»⁸⁷. После Александровской крепости христиане направлялись в различные районы Азовской губернии для временного поселения. Вопросы места постоянного проживания откладывались до весны 1779 года⁸⁸. Жили в достаточно сложных условиях, без особого обеспечения их нужд, в условиях свирепствующих болезней.

Весной 1779 г. Азовская губернская канцелярия начала вести активную работу по расселению греков в Мариенпольском, Волководском, Торском уездах, между реками Бык и Волчья. Однако они не соглашались и требовали места, обещанные им ранее, — между реками Днепром, Самарой и Орелью или в Екатеринославском уезде. Но эти места были уже заселены, и выполнить эти требования не представлялось возможным⁸⁹. Не лучше дела обстояли и у армян, которых принуждали селиться по реке Терс, где они сталкивались с большими трудностями⁹⁰.

И лишь после появления Высочайшей грамоты об устройстве христиан, выведенных из Крыма, дарованной митрополиту Игнатию 21 мая 1779 г. и архимандриту Петру Маргосу 14 ноября 1779 г., ситуация на местах несколько стабилизировалась. По этому указу армянам отводилось 86 тыс. десятин земли рядом с крепостью Святого Дмитрия Ростовского, разрешалось основать один город (Нахичеван) и пять селе-

ний, что и было сделано. Для греков в обеспечение Высочайшей грамоты, был издан целый ряд ордеров по созданию Мариупольского греческого уезда. В конце концов, Орденом князя Потемкина генерал-поручику Черткову от 29 сентября 1779 г.⁹¹ грекам отводилось 744 тыс. десятин земли. Именно здесь греки сами должны были решить, где им строить город и села. В результате, активная фаза заселения новой территории началась лишь с лета 1780 года.

Таким образом, крымские христиане провели очень тяжелый год после того, как они переселились в Россию. Рабби-Азарья писал: «в июле [1779 г.] отправился я в Русскую землю, где случилось мне видеть в самом плачевном состоянии Греков и Армян переселенных из Крыма. Они стали биваком на поле, без крова и пристанища... Между тем от непогод, перемены климата и нездоровой воды появилась между ними смертность, которая истребила 12 000 душ»⁹². Это свидетельство сыграло с последующими исследователями злую шутку. В результате, либо непосредственно указанная цифра⁹³, либо что-то типа «1/3 погибших»⁹⁴ стали фигурировать во многих научных и научно-популярных изданиях.

Но были ли столь огромными потери среди крымских переселенцев? Согласно данным переписи населения Азовской губернии, проведенной в марте 1779 г., там проживало 30 233 выходца из Крыма. Из них, греков — 15 712 чел., армян — 13 695, грузин — 644, волохов — 162 человека⁹⁵. Как видим, если общее число выходцев с Крымского полуострова на март 1779 г. вполне сопоставимо с Ведомостями Суворова и капитана Булгакова (общее количество переселенцев меньше, чем у Суворова на 865 чел., и на 457 чел. меньше, чем у Булгакова), то этнический состав совершенно не совпадает. Так, оказалось, что количество греков сократилось на целых 2 623 чел., в то время как прирост армян составил 1 312 чел., а грузин — 425 человек. Очевидно, что такого быть не может. Однако, директор Научно-исследовательского центра криминологии АР Крым (Украина) Владимир Григорьянц отмечал, что в число учтенных при выводе армян не входили армяне-католики⁹⁶. Но при этом, судя по всему, они были учтены при выводе, так как, по сообщению Суворова от 18 сентября 1778 г., «преосвященный митрополит греческий, преподобный архимандрит армянский выехали за христианами сего числа, в то же время и католический патер Яков»⁹⁷. Известный факт, что ряд малых этносов, выводимых из Крыма, записывали как греков. Кто мешал то же самое сделать с армянами-католиками, да и с грузинами тоже? Хотя с грузинами вопрос, на наш взгляд, несколько сложнее. Известно, что российские представители в Крыму выкупали «ясырей» (пленных) христианского вероисповедания у крымских татар в 1778—1779 годах. После освобождения всех российских подданных в начале 70-х гг. XVIII в. основной массой пленных-христиан у крымских татар были как раз грузины. Есть документы о выводе по крайней мере трех партий грузин из Крыма после официального окончания 18 сентября 1778 г. вывода христиан⁹⁸. Но эти партии никак не могли повлиять на количество грузин при переписи в марте 1779 года. Таким образом, вероятно и часть грузин в Ведомости Суворова оказалась записана греками. А если это так, то зима 1778—1779 г. унесла жизни 457 бывших крымских христиан. Вместе же с потерями в дороге за первые полгода погибло 865 человек.

А вот на начало ноября 1779 г. в Азовской губернии насчитывалось 28 807 христиан — выходцев с Крыма⁹⁹, то есть на 1 426 чел. меньше, чем в марте того же года. Но могло ли за теплое время года погибнуть существенно больше народу, чем за зиму? В принципе могло, учитывая распространенность в том районе холеры. Однако, по оценкам современных исследователей, кроме болезней и голода, на сокращение численности крымских эмигрантов повлияли и другие факторы. Значительное количество греков, недовольные условиями жизни на поднепровских землях, ушли назад в Крым¹⁰⁰ (на протяжении 1779—1820 гг. около 2 тыс. переселенцев по различным причинам нелегально вернулась на полуостров¹⁰¹). Помимо этого, по данным М. Араджиони, группа греков из Кафы осталась в г. Черкасске¹⁰² (ныне — станция Старочеркасская) и естественно не могла быть учтена в Азовской губернии.

По переписи населения 1781 г., греков, грузин и волохов, которые вышли из Крыма в 1778 г., в Мариупольском уезде было 14 483 человек. В Ростовском уезде, в г. Нахичевани проживало 10 243 армянина¹⁰³. Еще 1 200 чел. отмечено в пяти сель-

ских армянских поселениях¹⁰⁴. Кроме того, выведенные из Карасубазара в 1778—1779 гг. армяно-католики уклонились от переселения в Приазовье, оставшись в районе Новомосковска Екатеринославской губернии. В 1787 г. князь Г.А. Потемкин, учитывая необходимость заселения опустевшего полуострова, разрешил им вернуться в Крым. В 1790-м армяно-католическая община в составе 1 тыс. чел., в том числе 123 греков и некоторого числа армяно-григориан, возвратилась в Карасубазар¹⁰⁵. К сожалению, на 1781 г. мы не обладаем информацией о том, сколько было армян в районе Новомосковска, но можно предположить, что это число колебалось в районе 1 тыс. чел., учитывая, что католиков по первоначальным данным Суворова было 1 200 человек.

Таким образом, на следующий год после закладки бывшими крымскими переселенцами основной массы своих населенных пунктов, количество этих людей в пределах Российской империи можно оценивать в районе 27 тыс. чел., то есть, убыль бывших крымских христиан за 3 года с момента переселения составила около 4 тыс. чел., большая часть которых, судя по всему, погибла. Это весьма значительная цифра, которую с полным основанием можно поставить в «заслугу» со знаком минус организациям переселения, аппарату Новороссийского края в целом и Азовской губернии в частности, уездным и интендантским службам на местах. Однако, эта убыль все же существенно ниже тех данных, которые приводятся некоторыми исследователями.

Подведем некоторые итоги. Вывод христиан из Крыма в 1778 г. состоялся по инициативе российского правительства при деятельном участии духовных лидеров христианских общин Крыма. Основой этого шага было, в первую очередь, стремление России эвакуировать с полуострова в условиях гражданской войны и угрозы османской интервенции единоверное и традиционно благожелательно настроенное население. Важнейшую роль при принятии данного решения, несомненно, играла активно выстраиваемая в то время идеологическая концепция российского экспансионизма — истинно христианское царство, задача которого не только защита православных, но и изгнание турок из Европы. При этом, нет каких-либо данных о применении насилия российскими войсками при обеспечении эвакуации крымских христиан в Россию. Однако, сами условия (во многом искусственно созданные российской стороной), при которых эта эвакуация стала возможной, практически не оставили подавляющему большинству христиан выбора — они просто вынуждены были переселиться. Отсюда, с некоторой натяжкой, переселение крымских христиан в Россию в 1778 г. можно считать вынужденной эмиграцией.

Касаясь краткосрочных негативных последствий выселения христиан и для ханства (голод), и для самих христиан (массовая гибель), отметим, что возникший зимой 1778—1779 гг. голод в Крыму никак не был связан с прошедшим выселением и имел, в основном, объективные природные причины. Что же касается массовой гибели самих переселенных в пределах Российской империи, то, к сожалению, она имела место из-за безобразной неподготовленности местных властей к приему и расселению такой значительной массы людей. Однако, цифры погибших все же в разы меньше, чем те фантастические показатели смертности, которые демонстрируют некоторые исследователи данной темы.

Примечания

1. ДРУЖИНИНА Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М. 1955, с. 280.
2. Там же, с. 110—113.
3. Рескрипт императрицы — графу Румянцеву от 09.03.1778. ДУБРОВИН Н. Ф. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. II (1778 г.). СПб. 1885, с. 317.
4. ПЕТРУШЕВСКИЙ А. Генералиссимус князь Суворов. Т. I. СПб. 1884, с. 207—208.
5. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I (1775—1777 гг.), предисловие, с. V.
6. МАРКЕВИЧ А. Краткий очерк деятельности генералиссимуса А.В. Суворова в Крыму. — Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии (ИТУАК). Симферополь, № 31, 1901, с. 7.

7. ДРУЖИНИНА Е.И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М. 1959, с. 328.
8. КРЮЧКОВ А.В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство (последняя треть XVIII — начало XIX в.). Дисс. канд. ист. наук. Саратов. 2006, с. 116.
9. Архив Государственного Совета (АГС). Т. I. Ч. I. СПб. 1869, стб. 332.
10. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 224.
11. Там же, т. I, с. 690; FISHER A.W. The Russian Annexation of the Crimea (1772—1783). Cambridge. 1970, p. 101.
12. КРЮЧКОВ А.В. Ук. соч., с. 118.
13. События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана. Временник Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете (Временник ОИДР), кн. 24, 1856, с. 103.
14. САМОЙЛОВ А.Н. Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. — Русский Архив. 1867, № 7, стб. 1210; ВОЛОДАРСКИЙ Я.Е., ЕЛИСЕЕВА О.И., КАБУЗАН В.М. Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков (численность, размещение, этнический состав). М. 2003, с. 26.
15. МАРЦИНОВСКИЙ П.Н. Доходная часть бюджета Крымского ханства в 1777—1783 гг., по материалам «Камерального описания Крыма». — Культура народов Причерноморья. № 20, 2001, Симферополь, с. 103.
16. ГЕРАСИМЧУК А. Зачем из Крыма изгнали греков? Как донецкими стали греки крымские... URL: <http://www.uargument.com/index.php?id=3870&show=news&newsid=14068>.
17. Письмо князя Прозоровского — статскому советнику Стахиеву от 09.06.1777. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I, с. 690.
18. Сумма годового дохода Крымского ханства выведена И.А. Игельстромом в 1784 году. См.: ЛАШКОВ Ф.Ф. О Камеральном описании Крыма. — ИТУАК. 1897, № 2, с. 29.
19. КЕССЕЛЬБРЕННЕР Г.Л. Крым. Страницы истории. М. 1994, с. 37.
20. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I, с. 695.
21. Из оперативных донесений, приложенных к письму посланника А. Стахиева — графу Н. Панину от 22.01.1778 года. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 107.
22. Подробнее см.: КАБУЗАН В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII — первой половине XIX века (1719—1858 гг.). М. 1976, с. 132—135.
23. ОРЕШКОВА С.Ф. Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. — Вопросы истории. № 7, 2008, с. 125.
24. Рапорт генерал-поручика Суворова — графу Румянцеву-Задунайскому от 18.09.1778. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 710.
25. КУЗЬМИНКОВ Л.М. Переселение крымских греков в Приазовье 1778—1780 гг. Украина — Греция: опыт дружественных связей и перспективы сотрудничества. Мариуполь. 1996, с. 55—56.
26. МАСАЕВ М.В. Присоединение Крыма к России. Симферополь. 1997, с. 157.
27. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 588.
28. Рескрипт Императрицы — графу Румянцеву от 09.03.1778. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 317.
29. Наиболее последовательно ее отстаивал Арсений Маркевич в двух своих известных работах: Императрица Екатерина II и Крым — ИТУАК, т. 27, 1897, с. 32; Краткий очерк деятельности генералиссимуса А.В. Суворова в Крыму. Там же, т. 31, 1901, с. 6—7.
30. КЕССЕЛЬБРЕННЕР Г.Л. Ук. соч., с. 42; ВОЛОДАРСКИЙ Я.Е., ЕЛИСЕЕВА О.И., КАБУЗАН В.М. Ук. соч., с. 26; СУХАРЕВ М.В. Становище православного населения в Крыму в 70-е — на початку 80-х гг. XVIII ст. — Культура народов Причерноморья. № 50, 2002, Симферополь, с. 184—185.
31. МАДАРИАГА И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М. 2002, с. 604.
32. АМЕТКА Ф. Судебная власть в Крымском ханстве. — Голос Крыма. 02.07.2004, Симферополь, с. 7.
33. ТОРНАУ Н. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб. 1850, с. 117.
34. ХАРТАХАЙ Ф. Историческая судьба крымских татар. — Вестник Европы. Т. 2. СПб. 1867, с. 143.
35. ТУРАН АХМЕТ НЕЗИХИ (Турция). Черты повседневного быта народа Крыма (XVII—XVIII вв.). — Культура народов Причерноморья. № 43, 2002, Симферополь, с. 305.
36. События, случившиеся в Крыму..., с.101—102.
37. СУХАРЕВ М.В. Ук. соч., с. 184—185.
38. Рапорт князя Прозоровского — графу Румянцеву-Задунайскому от 04.05.1777. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I, с. 598.
39. Там же, с. 690—691.

40. ДРУЖИНИНА Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир., с. 326—327.
41. Рапорт князя Прозоровского — графу Румянцеву от 29.10.1777. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I, с. 807.
42. Глава греческой православной церкви в Крымском ханстве.
43. Рапорт князя Прозоровского — графу Румянцеву от 29.10.1777. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I, с. 810—811.
44. Из Письма А. Стахиева — графу Н.И. Панину от 17.02.1778. Там же, т. II, с. 201—202.
45. События, случившиеся в Крыму..., с. 226.
46. ЛУРЬЕ С.В. Идеология и геополитическое действие (вектор русской внешнеполитической экспансии: Балканы — Константинополь — Палестина — Эфиопия). М. 1996.
47. FISHER A.W. Op. cit.; ДАЙНЕКО Л.И. Малые этносы в Крымском ханстве (К вопросу о выселении христиан из Крыма в 1778 г.). — Известия Крымского Республиканского краеведческого музея. № 5, 1993; ТЕРЕНТЬЕВА Н.А. Греки в Украине: экономическая и культурно-просветительская деятельность (XVII—XX вв.). Киев. 1999.
48. FISHER A.W. Op. cit., p. 102—103.
49. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I, с. 5.
50. МАРКЕВИЧ А. Ук. соч., с. 6; СУХАРЕВ М.В. Ук. соч., с. 184.
51. СМИРНОВ В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. М. 2005, с. 122; ЛАПИЦКАЯ С. Завоевание и колонизация Крыма царизмом. — Исторический журнал. 1937, с. 43.
52. МАРКЕВИЧ А. Ук. соч., с. 6.
53. Статистико-хронологико-историческое описание Таврической епархии: Общий и частный обзор. Симферополь. 1872, с. 40.
54. Крымский Афон (Бахчисарайский Успенский монастырь в исторических описаниях). Симферополь. 1995, с. 12—13.
55. Заседание от 25.07.1771 г. АГС, т. I, ч. I, стб. 97.
56. СУХАРЕВ М.В. Ук. соч., с. 184—185.
57. На указанный документ Екатерина ссылается в рескрипте Румянцеву от 18.02.1778. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 261—262.
58. Рескрипт императрицы — графу Румянцеву от 09.03.1778. Там же, т. II, с. 317.
59. Письмо князя А. Прозоровского — князю Потемкину от 18.04.1778. Там же, т. II, с. 405.
60. Постановление крымских христиан приложено к рапорту генерал-поручика Суворова — графу Румянцеву-Задунайскому от 17.07.1778. Там же, т. II, с. 556—557.
61. ГЕРАСИМЧУК А. Ук. соч.
62. КНЯГИНИН Е. Опыт принудительного освобождения христиан. — Первая Крымская информационно-аналитическая газета. Симферополь. 2—8 марта 2007 (№ 164).
63. Письмо графа Румянцева-Задунайского — Шагин-Гирей-хану от 02.09.1778. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 685.
64. Письмо Шагин-Гирей-хана — графу П.А. Румянцеву от 26.07.1778. Там же, т. II, с. 596—597.
65. Письмо А. Суворова — А.Д. Константинову от 05.08.1778. Там же, т. II, с. 619.
66. Цит. по: ПЕТРУШЕВСКИЙ А. Ук. соч., т. I, с. 210.
67. ГЕРАСИМЧУК А. Ук. соч.
68. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Керменчик (крымская глушь). Одесса. 1898.
69. Там же.
70. Письмо Василия Черткова — П. Веселицкому от 12.06.1781. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч. Т. IV (1781—1782 г.). СПб. 1889, с. 106—107.
71. Письмо А. Стахиева — графу Румянцеву от 21.06.1778. Там же, т. II, с. 498, 544—545.
72. Российский посол в Османской империи А. Стахийев сообщает графу Н.И. Панину в своем письме от 06.07.1778 о том, что 27 июня «нынешний топчи-баша (османский командир артиллерии. — Р.Д.) Ахмет-бей на Перском христианском кладбище (Пера в XVIII столетии — дипломатический квартал Стамбула. — Р.Д.) обучал канониров производить скорострельную пальбу из пяти или шести вновь вылитых пушек» (ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 544).
73. Рапорт князя Прозоровского — графу Румянцеву от 23.04.1778. Там же, т. II, с. 425.
74. Рапорт генерал-поручика Суворова — графу Румянцеву-Задунайскому от 07.08.1778. Там же, т. II, с. 638.
75. АРАДЖИОНИ М.А. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII — 90-е гг. XX вв.). Симферополь. 1999.
76. Например, в Письме Шагин-Гирей-хана — графу Румянцеву-Задунайскому от 21.04.1777. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I, с. 494.
77. ТЕРЕНТЬЕВА Н., БАЦАК Н. Греки Крыму: проблема двох переселень (з історії міграційних рухів XVIII—XX ст.). Крим в історичних реаліях України: Матеріали наук. конф. Київ. 2004, с. 131.

78. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 593.
79. Рапорт генерал-поручика Суворова — графу Румянцеву-Задунайскому от 18.09.1778. Там же, т. II, с. 710.
80. Прежде всего, Постановление крымских христиан от 17.07.1778 и ханское Повеление ко всем в крымских городах каймаканам предположительно от 25.07.1778.
81. ТЕРЕНТЬЕВА Н., БАЦАК Н. Ук. соч., с. 138—139.
82. Рапорт генерал-поручика Суворова — графу Румянцеву-Задунайскому от 07.08.1778. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 635.
83. МАРЦИНОВСКИЙ П.Н. Ук. соч., с. 103.
84. События, случившиеся в Крыму., с. 128.
85. Рапорт генерал-поручика Суворова — графу Румянцеву-Задунайскому от 18.09.1778 с приложенной Ведомостью учиненной с показанием, сколько разного рода из Крымской земли, каких городов и деревень отправлено в Россию христиан обоего пола мужского и женского, из оных коликое число оставших для торговли, зимующих тожь за своими расправами по домам о том значится ниже сего. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 710—714.
86. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 16, оп. 1, д. 588, ч. 13, л. 441—442.
87. ЗООИД. Т. 1. Одесса. 1844, с. 200.
88. КАЛОЕРОВ С.А. О переселении греков в Приазовье и основании греческих населенных пунктов. Гл. 2.10. URL: <http://www.azovgreeks.org/gendb/rus/Kaloerov.htm>.
89. Там же, гл. 2.13.
90. Перевод с доношения, писанного к генерал-поручику и кавалеру Суворову от общества армянского от 18.04.1779. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. III (1779—1780). СПб. 1887, с. 152—153.
91. Там же, т. III, с. 370—373.
92. События, случившиеся в Крыму., с. 129.
93. ДАЙНЕКО Л.И. Ук. соч., с. 10.
94. БАГДЫКОВ Г. Краткая история Донских Армян. URL: <http://www.nahichevan.ru/istor.htm>.
95. КАЛОЕРОВ С.А. Ук. соч., гл. 2.6.
96. ГРИГОРЬЯНЦ В.Е. Очерк истории крымских армян. — Историческое наследие Крыма. № 20, 2007.
97. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 710.
98. Рапорты генерал-поручика Суворова — князю Потемкину от 14.03.1779; 12.04.1779; 12.05.1779 (РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 588, ч. 13, л. 378, 385, 392).
99. Там же, л. 307.
100. ТЕРЕНТЬЕВА Н., БАЦАК Н. Ук. соч., с. 139—140.
101. АРАДЖИОНИ М.А., ВЬЮНИЦКАЯ, ЕФИМОВ А.В. Формирование новой общины греков Крыма в конце 18 — начале 19 века. Греки в истории Крыма. Симферополь. 1998, с. 42.
102. АРАДЖИОНИ М.А. Греки Крыма и Приазовья... Автор ссылается на материалы, содержащиеся в Госархиве Донецкой области, ф. Р-678, оп. 1, д. 35, л. 1—2.
103. КАБУЗАН В.М. Ук. соч., с. 133.
104. ТЕР-САРКИСЯНЦ А. Донские армяне: тенденции этнокультурного развития. URL: <http://pnao.ru/history/donarm.html>.
105. МИКАЕЛЯН В.А. На крымской земле (история армянских поселений в Крыму). Ереван. 1974, с. 149—151; ТЕР-САРКИСЯНЦ А. Армяне. История и этнокультурные традиции. М. 1998, с. 277.

История, логика и проблемы современного научного знания

Б.Г. Могильницкий

Близкий ученик известного советского историка и общественно-политического деятеля Александра Ивановича Данилова Н.И. Смоленский перенял у своего учителя видение предназначения историка в неразрывном соединении исследовательской практики ученого с его гражданской позицией. Его книга «История и логика. Проблемы общеоисторической теории и природы исторических понятий» изобилует многочисленными свидетельствами, подтверждающими это положение. Впечатляет их многообразие, относящееся к различным сферам знания. В ней соседствуют получивший мировую известность американский политолог Ф. Фукуяма и отечественные историки-исследователи советского прошлого, большие монографии и газетные публикации.

В изображении Смоленского совершившаяся история инвариантна: «История в свершившемся варианте только одна». «В любом акте познание многообразия явлений и процессов неповторимо не только по их конкретно-исторической форме (историческое), но и в существенной мере по скрытой в ней сущности (логическое)»¹.

Таким образом, утверждается неисчерпаемость многообразия, проявляющегося в различных пространственно-временных рамках, темпах развития, уровне и степени зрелости и т.п., а, следовательно, связь исторического и логического в его познании. Но здесь же Смоленский заявлял, что скрывает неизбежность несовпадения того и другого: неисчерпаемость исторического познания и, одновременно, его ограниченность временными рамками.

Такой диалектический подход пронизывает все суждения автора о природе научного знания, сообщая его книге актуальность, в особенности на фоне распространения в современной науке взглядов, отрицающих достоверность исторического знания. Он указывает на несовпадение понятия и действительности, поскольку зрелая форма исторической реальности является одной из предпосылок представлений об истории в целом, в том числе, в качестве общеоисторической теории и, одновременно, основы образования исторических понятий.

Смоленский пишет, что «природа исторических понятий связана с опорой мышления на совокупность однопорядковых явлений, чьи содержание и сущность выражены в различной мере в каждом из них» (с. 181). Этот ход умозаключений приводит его к выводу о том, что общеоисторическая теория характеризуется наличием не только познавательной, но также социальной функции: она выступает как основа исторического образования в качестве предпосылки формирования массового исторического сознания. Ее роль подчинена господствующим в обществе социальным интересам.

Могильницкий Борис Георгиевич — доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета.

Книгу венчает мысль о роли истории в познании. «В ней есть неразгаданная тайна»: место, роль и значение событий, ушедших в прошлое в общем потоке истории. Но пока «приговор» истории не произнесен, споры историков по поводу оценки изучаемого, — пишет Н.И. Смоленский, — есть бесконечный поиск истины — только в связи с временем прошлого, настоящего и будущего; разорвать его не дано никому. Так утверждалась относительность исторического знания. В изображении она раздвигала рамки достижимого в исторической науке, находя для этой цели новые подходы. Такова природа относительной истины, с какой историк имеет дело, и которая является двигателем прогресса в науке.

Эта истина противопоставляется Смоленским распространенным в современной науке версиям постмодернистского «уничтожения истории», провозглашающего ее безвольным орудием политики, а в лучшем случае, признающим за ней самоценное, эзотерическое значение — быть наукой для избранных, отрешенных от земных забот.

Особенно широкое распространение получило представление об истории в сослагательном наклонении, чему редколлегия «Одиссея» посвятила отдельный выпуск своего издания, обосновывающего необходимость изучения «неправильного», целиком не обусловленного фило-софско-историческими закономерностями исторического процесса.

Виртуальная история, в которой ее любая частность может быть объяснена как проявление общей закономерности, отвергающей в истории фатальную предопределенность, становится предметом широкого внимания. В ней присутствует рациональное зерно, предостерегающее против обесцвечивания истории.

Другое дело, что представление истории в сослагательном наклонении ведет к противоположной крайности: исчезает сама история как физическая реальность. Ее место занимает мнимая реальность, сконструированная по тем или иным моральным и этическим принципам. Основываясь на опыте современной немецкой историографии, авторы «Одиссея» рассматривают историю в сослагательном наклонении как научную проблему, указывающую на пути движения современного социально-исторического знания, то есть включения несостоявшейся истории в инструментарий историка для практического анализа.

Единственным опытом специального, целостного и всестороннего обсуждения этой проблемы является книга Александра Деманда «Несостоявшаяся история». Она фокусируется на проблеме альтернативности в истории, когда закономерная эволюция структуры снимает возможные отклонения и «выкрутасы» подчас неожиданных событийных поворотов ².

Альтернативы и исторические возможности могут не быть глобальными, но они имеются во всех размышлениях об истории (Р. Конквист, А.И. Зимин, Н.Е. Носов). Доля вероятности присутствует в распространенном в науке моделировании прошлого (И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов). Ю.М. Лотман писал, что в исторической альтернативности и случайности находится важная пружина культурно-исторической динамики («Культура и взрыв», «Изъявление господне или азартная игра?»). В оценке Л.М. Баткина безальтернативность — это «странная тюрьма исторической необходимости», ибо «чем конкретнее поле исследовательского обзора, тем явственнее всплывают ограничения и парадоксы, позволяющие сформулировать идею открытости исторического процесса. Доведенная до противоположного логического предела, т.е. до абсолютного господства случая, истории как бессмысленного хаоса, эта идея в свою очередь должна быть отвергнута».

А.В. Оболонский видит трагедию России в том, что она не смогла изменить путь своего исторического развития, хотя несколько раз для этого возникали удобные моменты. Он выделяет две этические системы — персоноцентризм и системоцентризм. Отмечая, что в российской истории существовали перекрестки, когда был возможен переход на другую колею, то есть на европейский путь. Оболонский пишет, что история России была бы тогда во многом другой ³. Виной тому — псевдореформы Петра I, к которым Оболонский относится негативно. Он считает, что только к 1990 г. в России накопилось достаточно сил, чтобы вновь выйти на персоноцентристский, то есть западный путь. До этого в российском обществе деструктивные процессы шли быстрее конструктивных, в чем выражалось исконное отставание России.

Отчасти этот взгляд разделяет С.А. Экштут в своих статьях «Контрфактическое моделирование, развилки и случайности в русской истории и культуре» (Одиссей, 2000) и «Диалог со

временем» (Альманах интеллектуальной истории. М. 2000). В этих статьях он обосновал необходимость сослагательного наклонения в истории, например, моделируя участь А.С. Пушкина, окажись он с декабристами. Близко знавший его И.И. Пущин полагал, что дар поэта в Сибири иссяк бы. Напротив, князь Волконский считал, что талант поэта расцвел бы, а сам он уцелел от пули Дантеса. Свою версию называл и лично не знавший поэта И.И. Горбачевский: Пушкин донес бы на членов общества. Так три современника события дают три его версии, высвечивая роль исторической случайности. Экштут, ссылаясь на французских просветителей и Гегеля, пишет: «Историк решает проблему, рассказывать ли о месте и роли той или иной случайности, строить ли историческую альтернативу, или нет. И тогда он либо моделирует контрфактическое развитие событий, либо просто упоминает о возможной, но не осуществившейся тенденции, становящейся историографическим фактом».

Закljučая статью, Экштут замечает, что ремесло историка потеряло бы свою прелесть, «если бы мы всегда находили ключ от той шкатулки, какая попадает нам в руки. Она с двойным дном, она имеет множество потайных ящичков. Когда мы находим ключ от одного из них мы невольно теряем возможность проникнуть в другие. Не побоюсь сказать, что я отчасти агностик, т.е. полагаю, что в истории есть и всегда будет нечто непознаваемое, какая-то тайна. Мы будем стремиться проникнуть в нее различными нетрадиционными методами, будем частично эти тайны разгадывать, но всегда будут появляться новые тайны».

Стоит признать, что оценки историка, как правило, идеологически мотивированы, поскольку зависят от того или иного идейно-политического подхода. Так в исторической науке органически сливаются воедино два ее исконных начала — идеологический и собственно научный. В их взаимодействии создается знание.

Таковы некоторые теоретические проблемы современного исторического познания, требующие дальнейшего анализа и разработки.

Примечания

1. СМОЛЕНСКИЙ Н.И. История и логика. Проблемы общеисторической теории и природы исторических понятий. М. 2013, с. 179.
2. DEMAND A. Ungeschehene geschichte. Göttingen. 1985.
3. БОЛОНСКИЙ А.В. Драма российской политической истории: система против личности. М. 1994.

А.А. КОКОШИН. *Выдающийся военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего.* М. Издательство Московского университета. 2013. 408 с.

Книга известного российского ученого, крупнейшего специалиста в области мировой политики и военной истории, автора фундаментальных трудов по военной стратегии и стратегическому управлению, актуальным проблемам международной безопасности, академика РАН Андрея Афанасьевича Кокوشина — плод не только многолетних научных изысканий, но и его служебной деятельности в структурах высшей государственной власти и центральном аппарате Министерства обороны Российской Федерации.

Книга посвящена выдающемуся отечественному военачальнику и военному мыслителю Александру Андреевичу Свечину, его многогранному творчеству, важнейшим этапам жизненного пути, трагически оборвавшегося в 1938 году. В монографии рассмотрены весьма актуальные вопросы становления и формирования настоящего военного профессионала и патриота, переживающего за судьбу армии и Отечества.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что в нем впервые осуществлен

комплексный анализ всего массива советской и современной российской исторической литературы о военной и научной деятельности А.А. Свечина. Автором были изучены важнейшие виды научных, информационно-документальных и научно-популярных изданий.

Кокошин продолжает и во многом обогащает традицию комплексной разработки деятельности выдающихся отечественных исторических персоналий: руководителей государства, полководцев и военачальников, ученых и мыслителей, инженеров и первопроходцев. Автор проделал огромную кропотливую научно-исследовательскую работу по изучению «белых пятен» в жизни и научных изысканиях видного военного теоретика. Необходимо отметить, что творческое наследие Александра Андреевича Свечина составляет полтора десятка томов и более полутора тысяч статей и рецензий-обзоров.

С первых страниц читателя притягивает интересное изложение научного материала правильным литературным языком. И это неудивительно — Кокошин целенаправленно изучает творчество Свечина более сорока лет. «Мое увлечение идеями Свечина было тем более сильно, что совпало с глубоким интересом к современным проблемам военно-политического характера и большой вовлеченностью в решение конкретных вопросов в этой сфере как научного, так в 1990-е гг. и практического свойства» (с. 23—24).

В вводной главе рассматривается отечественная историография, посвященная деятельности и научным трудам Свечина. К несомненной заслуге автора следует отнести то, что читателям представлено не просто библиографическое описание работ разных авторов, а краткий аналитический обзор историографии с высказыванием своих суждений и оценок. В конце обзора Кокошин делает вывод, что «в целом, к сожалению, и сегодня наследие Свечина далеко не в полной мере возвращено читателю, несмотря на большие усилия упомянутых выше отечественных ученых». Автор предлагает рассматривать новую книгу «как свой вклад в возвращение нашего долга этому выдающемуся ученому, гражданину, военному профессионалу» (с. 36).

Материалы книги позволяют дополнить существующие точки зрения о механизме разработки военно-теоретических взглядов в межвоенный период в кругах военной элиты Со-

ветского государства, показать его особенности, проанализировать деятельность видных политических, государственных и военных деятелей, которые внесли свой вклад в развитие военного дела и вооруженных сил.

Автор подробно рассматривает взгляды Свечина на взаимосвязь политики, военной стратегии, оперативного искусства и тактики. Военачальник говорил о том, что политика является «искусством маневрировать миллионными массами». Обращаясь к своим военным коллегам он отмечал сложность политического процесса и подчеркивал, что «в обстановке противодействия других группировок» и «только в исключительно благоприятных случаях политика получает возможность избрать прямой путь к цели». Свечин писал, что «очень часто политике приходится выжидать, отступить, избирать окольные пути и вести за собой при этом массы». По его весьма меткому определению, «искусство политика, действующего на основе выработанной уже программы, заключается в том, чтобы указывать ближайшие цели для конкретной работы» (с. 158).

При этом Кокошин подчеркивает, что вопрос о новом понятийном аппарате исключительно актуален и в XXI в. в связи с появлением современных факторов военно-стратегического влияния: новых форм ведения боевых действий, усложнения систем управления, качественных прорывов в развитии военных и двойных технологий (с. 79).

Автор обращает внимание читателей на такие, безусловно, важные для сегодняшнего дня аспекты обеспечения военной безопасности России, как экономические. «По Свечину, частью политики является деятельность по экономическому обеспечению вооруженных сил и экономической подготовке к войне. Все крупные решения по военно-экономическим вопросам — это решения политические, даже если они не сопровождаются политической риторикой». Свечин писал: «Для стратегии далеко не безразлично то или иное решение экономических задач. Современная политическая мораль гласит: хочешь мира, готовься к войне. Каждое государство, чтобы не быть застигнуто врасплох, уже в мирное время стремится установить у себя известное согласование между своим хозяйственным развитием и экономическими предпосылками успешного ведения войны» (с. 28). Кокошин подчеркивает очевидность того, что такое согласование и

определяет оптимум между, условно говоря, «гражданской экономикой» и «военной экономикой».

Большое внимание (и думается вполне обоснованно) Кокошин уделяет суждениям Свечина о роли политических лидеров государства в достижении военно-стратегических целей, считая, что «ответственные политические деятели должны быть знакомы со стратегией», поскольку она «является одним из важнейших орудий политики» (с. 31).

В развитие идей Свечина весьма своевременно и справедливо звучит мысль Кокошина о том, что «в наши дни, когда резко возросла сложность военного дела, значимость в нем высоких технологий, сложнейших технических и человеко-машинных систем, освоение хотя бы основ современного военного искусства и особенно стратегии (которая, как справедливо отмечает генерал армии М.А. Гареев, все больше становится наукой. — И.Б.) — дело еще более сложное, чем в прошлом. Тем не менее, такие знания необходимы. Они практически в любой стране являются прямым следствием прерогатив главы государства или главы правительства как верховного главнокомандующего» (с. 168).

Развивая мысль Свечина о том, что военное искусство требует «высших проявлений рассудочности человека», Кокошин пишет, что «при принятии решений и в политике, и в военной стратегии, хорошо подготовленные к выполнению своих функций руководящие деятели в «проявлениях рассудочности» прямо и косвенно опираются на науку, на выработанные столетиями знания социологии, исторической политологии, экономической науки, специальных наук в военной сфере (включая теорию военной стратегии), а также естественных наук. Активное привлечение науки и науч-

ного знания отнюдь не страхует политиков и военных стратегов от ошибок, но заметно снижает вероятность таковых» (с. 365).

Заслуживает внимания и вывод автора о том, что «плодотворное использование науки государственным руководством и высшим военным командованием возможно лишь тогда, когда в военном ведомстве поощряется научно-исследовательская работа высшего командного состава. Но поощряться должно действительно научное творчество, а не стремление формально зачитывать кандидатскую или докторскую диссертацию, пользуясь своим служебным положением» (с. 366).

К несомненным достоинствам книги следует отнести информационную содержательность сносок, в которых кратко представлены сведения о государственных и военных деятелях различных стран и эпох, упоминаемых в тексте.

По нашему мнению, автор книги убедительно показал важность всестороннего осмысления и критической переработки теоретических и практических достижений отечественной военной мысли прошлого для полноценного развития современной военной науки.

Книга актуальна и созвучна настоящему времени, однако и в будущем она не потеряет своей научной и практической ценности.

Новый труд академика Кокошина несомненно привлечет внимание представителей государственной власти, военных руководителей, профессорско-преподавательского состава и слушателей военных и гражданских вузов — всех кто занимается изучением проблем военной политики, отечественной и военной истории.

И.И. БЕЛОУСОВ

А. ВАТЛИН. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936—1941 гг. М. 2012. 341 с.

Исследования, посвященные власти и насилию, как правило, сводятся к анализу механизмов и функций государственного аппарата либо акцентируются на человеческих страданиях в расчете на эмоциональный отклик, в основе которого лежит первичный страх смерти. А. Ватлину в своей книге удалось избе-

жать крайностей, одновременно вписав оба аспекта в рамки своей исследовательской программы. На выходе получилось взвешенное и удивительно человеческое исследование.

Ватлин не вполне уверенно позиционирует свою книгу как микроисторическое исследование. Ввиду своей многозначности понятие

«микроистория» вызывает определенные сомнения и заставляет даже тех историков, которые работают в обозначенных рамках, воздерживаться от его обоснования, чтобы не ограничивать себя выводами «низшего» уровня. На самом же деле микроистория — это история объектов непосредственной близости, ставящая перед собой предельно конкретные задачи. Одна из традиционных — это перепроверка выводов, сделанных на основе макроисторического анализа.

Для этих целей репрезентативная выборка, сделанная автором, подходит как нельзя лучше, поскольку позволяет на уровне человеческих судеб проследить ключевые моменты истории СССР и Германии 1920—1930-х (и частично 1940-х) годов. Речь идет об узкой группе репрессированных со своими характерными особенностями, отличающими их не только от других жертв террора, но и от остального населения Советского Союза и Германии удивительным переплетением жизненных обстоятельств, каждое из которых нельзя назвать ординарным. Личные истории изучаемой группы выходцев из Германии, условно обозначаемой как «немцы», следовали через Веймарскую республику и идеологические границы Третьего рейха к «справедливой» и «счастливой», полной идеалистических надежд советской реальности, повернувшейся ко всем участникам своей оборотной стороной. Эта оборотная сторона явилась в приговорах разной степени тяжести, но в каждом случае оказалась неожиданной для тех, кто считал свой путь правильным. Книга Ватлина — это исследование трагедии, которая состоит не только в человеческих страданиях, но и в историческом парадоксе российской и германской истории XX века.

В случае столь характерной социальной группы наилучшим методом исследования представляется «коллективная биография», которой, с определенными оговорками, данная книга и является. Косвенным подтверждением этому служит структура исследования, в которой на первом месте люди и только на втором — машина репрессий. Тем самым, одним из основных является вопрос о формировании у выходцев из Германии общих взглядов, жизненных установок, то есть того, что принято называть словом «ментальность». В истории XX в., с его переломами и крайностями, охарактеризовать самосознание узкой

социальной группы сложно даже при наличии разнообразных взаимодополняющих источников. В данном случае анализ затрудняется тем, что формирование общности немцев, проживавших в СССР, было прервано репрессиями. По мнению Ватлина, на основе доступных документов оказалось невозможным пробраться к глубинам самосознания репрессированных эмигрантов из Германии и установить «границы их интеграции в советскую повседневность» (с. 228). На деле автору удалось провести единую линию сквозь событийную историю десятилетий, не потеряв из виду разнообразие внутри исследуемого сообщества. В основе этого разнообразия — как политическая позиция «немцев», их путь в Советский Союз и образ жизни, так и их индивидуальные психологические характеристики. Тема взаимоотношений и иерархии внутри репрезентативной группы также проходит сквозь работу.

Ключевая тема, сталкивающая социальные группы и аппарат власти в годы сталинских репрессий, — это трансформация советского общества в 1920—1930-х гг. с целью создания «нового советского человека» единого образца. В книге Ватлина удачно прослеживаются этапы реализации этой задачи: теоретическая постановка вопроса, низовые инициативы в качестве «творческого» ответа на запрос власти и, наконец, решение об устранении «чуждых элементов», выраженное в репрессивных распоряжениях. Как показывает исследование, этапы репрессий в отношении «немцев» соответствовали поиску путей интеграции советского общества, в котором до середины 1930-х гг. пребывала советская власть. Путь этой интеграции мог быть позитивным — например, в случае отведения иностранным активистам особой роли, которая позволила бы им участвовать в общественной жизни Советского Союза и чувствовать себя нужными в общем деле. Однако руководство, у которого «в условиях личной власти не было никаких внешних ограничителей» (с. 224), избрало простейший способ — механическое исключение любых инородных элементов, у которых за недолгие годы проживания в СССР просто не хватило времени на освоение новых правил.

Те же этапы отражает и работа аппарата насилия, прослеженная Ватлиным на примере немецкой операции НКВД. Механизм функционировал на базе хорошо знакомых каж-

дому советскому гражданину принципов: социальное соревнование в выслуге перед властью, ориентация на количественные показатели, служебные перехлесты, правовой волюнтаризм и, в конце концов, наказание «нарушителей» среди тех, кто особо рьяно исполнял свой социалистический долг. Для группы выходцев из Германии повсеместно применялся также принцип «экономии сил», который позволял отбирать кандидатов в списки репрессированных не на основании реальных провинностей, а с точки зрения упрощения задачи следствия: например, путем ареста родственников или сведения знакомых в одну шпионскую группу. В конечном счете, этот принцип позволил прикрыть формальный подход, исключавший из состава общества целую группу населения только по причине ее иностранного происхождения.

Микроистория оставляет пространство и для новых гипотез, более очевидных по мере приближения к объекту исследования. В данной работе это касается целого ряда авторских выводов, выходящих за рамки изначальной исследовательской задачи: о масштабах насилия в Веймарской республике, формах антифашистской борьбы, вкладе ученых из Германии в отечественную науку, тенденциях «социального замораживания» сталинской России, параллелях между советским и нацистским режимами и т.д. Книга полна гипотез разного уровня, и все они требуют дополнительного обоснования. Сам Ватлин предостерегает от поспешных заключений, поскольку

«фрагментарность источниковой базы порой приводит к неоправданным обобщениям, отдельные случаи возводятся в ранг системы» (с. 13). Вместе с тем, автор зря перестраховывается, защищаясь от возможной критики, поскольку любое исследование на стыке теорий, концепций, методов и дисциплин, к которым относится комплексный анализ события, неизбежно вызовет больше вопросов, чем даст ответов. В конце концов, каждый раз речь идет об уровне научного доверия самому автору, его теоретической осознанности и логической согласованности его работы. Эти простейшие научные критерии при всей смене методологических ориентиров по сей день сохраняют свою приоритетную значимость. Пожалуй, единственный недостаток работы — это неуверенность в результате исследования, которое представляется вполне полноценным. Эта неуверенность, как и возможная критика, проистекают из не вполне четко декларированной специфики избранного метода.

Научная практика давно исходит из того, что авторская позиция — не только неизбежное зло, но и главная изюминка, направляющая нить работы. В конечном счете, и автор, и читатель ищут в книге ответ на один и тот же вопрос: какой путь не ведет под каток истории? Не раскрывая секретов авторского замысла, можно с уверенностью сказать, что ответ на этот вопрос найдется, каким бы неутешительным он ни был.

Т.А. НЕКРАСОВА

**Учредители: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»
Российская академия наук**

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, В.Л. Сорокин,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 4, 2014

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.03.2014. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1800. Заказ 173. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2014 г., т. 1.**

**Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

**Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21**

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**